

Владимир Ильич Контровский Саракш: Тень Странников

Контровский Владимир Ильич Саракш: Тень Странников

ПРОЛОГ

Задумавшись, Максим не заметил, как дошел от обиталища Колдуна – от подвала в дальнем конце разрушенного города – до центральной площади, где под присмотром Льва Абалкина остался глайдер. Слова саракшианина о нарушении вселенского равновесия мало тревожили Каммерера – он думал о радиоактивных монстрах. Не верить Колдуну оснований не было, к тому же Максим сам убедился в том, что «горячие воины» варваров существуют.

Они враждебны всем людям Саракша, думал он, враждебны только потому, что люди не могут жить там, где живут варвары, и наоборот. Двум настолько разным расам не ужиться на одной планете – людям надо дезактивировать заражённые территории (об этом Сикорски говорил ещё три года назад), а для варваров это смерть в самом прямом смысле слова. Так что – или-или. Вот только этого нам и не хватало, массараки-и-массараки! И кстати, как действует на «горячих воинов» пси-излучение, и действует ли вообще? Колдун об этом не сказал, а я не спросил.

Глайдер стоял на месте, но Абалкина возле него не было. Максим обошёл машину, заглянул внутрь. Грузовой отсек ощутимо фонил – значит, Лев уже загрузил туда

«феномен» и, судя по тому, что радиация была вполне терпимой, чем-то его экранировал. Но где он сам? Неужели полез в туннели к головам? Не слишком осмотрительно, надо сказать, особенно для прогрессора уровня Абалкина – а вдруг появится ещё одна варварская «телега»? Может, он просто зашёл в ближайший уцелевший дом, вон в тот? Хм, а домик-то знакомый...

Это был тот самый дом, и та самая комната – выцветшие обои, скукожившиеся то ли от жары, то ли от старости; рассохшийся паркет, выгоревший в углу; единственное окно без стекла. И самодельный деревянный стол, за которым сидел Гай и чистил автомат, мучаясь от синдрома лучевого голодания. Бедняги Гая уже три года как нет в живых, а колченогий стол стоит себе, как ни в чём не бывало – вещи обладают удивительной способностью переживать людей.

Максим подошёл к столу и коснулся пальцами его шершавой поверхности. Да, стол тот самый, и табуретка, на которой сидел Гай, та же самая, и вторая табуретка стоит там же, где стояла три года назад. Здесь ничего не изменилось – ничего, – только Гай никогда уже не сядет за этот стол...

Снаружи, за окном, что-то метнулось, словно невидимая птица взмахнула крылом. Максим быстро переместился к оконному проёму, готовый ко всему, и вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Он медленно повернул голову и замер.

За столом в спокойной позе сидел человек, которому неоткуда было взяться – секунду назад его не было. Максиму показалось, что это Гай – или призрак Гая? – человек был одет в армейский камуфляж, но это был не Гай, Максим понял это со второго взгляда. Незнакомец был совсем не похож на саракишанина – он больше походил на горца или на землянина. Но как он здесь оказался? Ведь комната только что была пустой! Нуль-транспортировка?

– Кто вы? – спросил Каммерер, старясь сохранять спокойствие (если это призрак – ну что ж, пообщаемся с призраком, Саракиш и не такому научит).

– Я один из тех, кого вы называете Странниками, – невозмутимо сообщил «призрак». Он говорил по-русски, и это поразило Максима больше всего.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МИР БЕЗ ВОЙНЫ

2137год

Небо было чёрным.

Центральный пост управления «Центуриона» – он же ходовая, он же боевая рубка, – отсекал от бездонной пустоты космоса огромный спектролитовый купол. Стенки купола были прозрачными, и человеку, сидевшему в командирском кресле, казалось, что он свободно парит в первозданной темноте, растворяется в ней и составляет с этой тьмой, изрешеченной искрами звёзд, единое целое, в котором сплавилось всё сущее – как когда-то, очень-очень давно, миллиарды лет назад. Ощущение было странным, и человек в командирском кресле «Центуриона» постарался его отогнать: у него было важное дело, и была ответственность за грандиозную операцию, которая вступала в решающую стадию – тут уже не до анализа неясных субъективных ощущений, будь они сколь угодно странными.

Со стороны могло показаться, что человек в командирском кресле расслаблен: руки его покоились на подлокотниках, и только кончики пальцев касались командного пульта, перемигивающегося сотнями разноцветных огней, не дотрагиваясь до сенсорных панелей. Но эта кажущаяся расслабленность на самом деле была далеко не случайной и продуманной: пульт управления был полностью активирован, и любое случайное прикосновение к любой из клавиш могло вызвать непредсказуемые последствия. Чуткие пальцы человека за пультом располагались оптимально: на минимально допустимом удалении от важнейших кнопок, чтобы решение, принятое его мозгом, могло быть реализовано за кратчайший промежуток времени, и в то же время с «зазором безопасности», позволяющим избежать непоправимого, если движение руки окажется случайным или ошибочным. В просторном центральном посту

«Центуриона» находились десятки других людей, каждый из которых отвечал за свой сектор, однако центром этого коллективного разума был человек в командирском кресле: к нему были прикованы взгляды всех остальных.

Человеку за пультом было чуть больше шестидесяти – по меркам минувших эпох он считался бы стариком. Однако двадцать второй век со всеми его достижениями внёс в эти мерки свои коррективы: по достижении возраста зрелости люди – и мужчины, и женщины, – словно консервировались в неопределённом возрастном промежутке от сорока до девяноста. Первые признаки старости начинали проявляться только в столетнем возрасте, а до этого не было особой разницы в психофизиологических параметрах сорокапятилетнего Десантника или пилота Д-звездолёта и семидесятипятилетнего руководителя научной группы. Молодёжь от людей более зрелых отличалось только меньшим опытом – опытом, который приходит с годами и с неизбежными ошибками, сопровождающими его накопление.

У человека в командирском кресле «Центуриона» опыт был, и немалый, в противном случае он не сидел бы сейчас в этом кресле. И были способности, позволившие ему стать тем, кем он стал: способности, реализованные им самим и востребованные другими людьми. И поэтому человек за пультом управления – сухопарый, лысый, с оттопыренными большими ушами, над которыми (в другое время и в другом месте) кое-кто позволял себе шутить, и пронзительными зелёными глазами, умевшими быть убийственно холодными, – руководил грандиозной операцией, которую многие её участники (в том числе и некоторые из тех, кто сидел сейчас за периферийными терминалами боевой рубки «Центуриона») упорно называли «экспериментом» (потому, наверное, что двадцать второй век планеты, не знавшей войн, не любил употреблять термины с «милитаристским» оттенком).

«Центурион» – исполинский космический корабль, в тысячи раз превышавший по размерам сигма-Д-звездолёты Дальней Разведки; корабль, который правильнее было назвать «искусственным планетоидом», уникальное сооружение, созданное технической мощью всей Земли для одной-единственной операции – или «эксперимента» – особой важности, двигался по гелиоцентрической орбите в астероидном поясе между Юпитером и Марсом, внешне – для неискушённого взгляда в телескоп – неотличимый от десятков и сотен малых небесных тел, каких здесь великое множество.

«Летающий штаб» был готов к бою. Человеку в командирском кресле подчинялись десятки тысяч людей, находившихся на планетарных и космических станциях, разбросанных по всей Солнечной системе, от Меркурия до Трансплутона, и на борту целой эскадры звёздных Д-крейсеров, сосредоточенной в районе Луны. Одно лёгкое движение его пальца или слово могло высвободить триллиарды эргов энергии, предназначенной для разрушения и ждущей только приказа, – никогда за всю историю Земля такая мощь не сосредотачивалась в руках одного человека.

Человека за командным пультом «Центуриона» звали Рудольф Сикорски.

* * *

Вторжение вот-вот начнётся, думал он. Мне даже не надо скрупулёзно анализировать информацию, интегрированную центральным накопителем «Центуриона», чтобы это понять – я это *чувствую*, чувствую каждым своим нейроном и каждой клеткой из множества клеток, прихотливо сложенных в организованное существо, известное среди ему подобных под именем – индексом, опознавательным кодом, персональным звуковым сигналом, – «Рудольф Сикорски». *Вторжение* вот-вот разразится (по-другому не скажешь), и самое неприятное в том, что мало кто из многих тысяч людей, вовлечённых в *операцию*, отчётливо сознаёт, насколько это всё серьёзно. Да, многолетние яростные споры по поводу опасности вторжения привели в итоге к тому, что на подготовку операции были затрачены огромные энергетические ресурсы, миллиарды человеко-часов высококвалифицированного труда и творческий потенциал сотен лучших умов планеты, привыкших решать сложнейшие научно-технические задачи. Все эти люди относятся к делу с величайшей обстоятельностью, но беда

— да-да, именно беда, и никак иначе! — в том, что лишь единицы из них отчётливо понимают, что же за всем этим кроется. Учёные с упоением и азартом решают проблемы, связанные с изучением и реализацией принципа нуль-транспортировки (полигон на Радуге работает уже четверть века), попытками штурма Слепого Пятна или установлением контакта с обитателями Леониды; они могут работать — и работают — без еды, сна и отдыха, движимые неистовой жаждой познания, основным стимулом человека *по-настоящему* разумного. Да, к подготовке операции они отнеслись с ответственностью, присущей дисциплинированным гражданам рационально организованного мира Земли первой трети двадцать второго века, но без внутреннего доверия к возможной реальности такого сценария. Все они, за редчайшим исключением, считают подобный поворот событий всего лишь допущением из серии «да, существует конечная и отличная от нуля вероятность падения метеорита на крышу здания Мирового Совета во время заседания, посвящённого вопросу обязательной фукамизации всех и каждого, однако вероятность эта исчезающе мала и, следовательно, пренебрежима».

Причин такого отношения две. Первое — секретность, окутывающая операцию. Люди не могут понять, зачем это нужно, и почему сам факт проведения операции, не говоря уже о её деталях, скрыт от основной массы обитателей планеты, причём настолько, что в сети Информатория нет ни малейшего о ней упоминания даже при специальном уровне доступа. И есть ещё второе обстоятельство, гораздо более важное.

Человечество живёт в мире уже больше ста лет. Нет в живых ни одного современника военно-фашистского путча генерала Зуна Паданы и войн на Окраинах начала прошлого века, и никто уже не помнит, что тяжёлые штурмовые танки «мамонт», всё ещё используемые для глубоководных исследований дна или для работы на поверхности негостеприимных планет с высоким уровнем радиации и агрессивностью окружающей среды, создавались вовсе не для этого — они предназначались для прорыва «глубоко эшелонированной обороны противника, насыщенной средствами противодействия в условиях применения обеими сторонами оружия массового поражения». Сами термины «противник», «эшелонированная оборона» и «оружие массового поражения» для тех, кому сорок пять и меньше (а также для большинства моих ровесников и даже людей постарше) кажутся чем-то вроде каббалистических заклинаний, смысл которых тёмен. Люди давно уже не стреляют в людей — мощные карабины носят одни лишь Охотники, да и те в большинстве случаев используют не пули, а анестезирующие иглы, «чтобы не попортить шкуру». Последней большой охотой, в какой-то степени ещё похожей на военные действия, была облава на марсианских «летучих пиявок», но с тех прошло уже больше ста лет, и очевидцев этого избиения тоже не осталось.

Человечество живёт в мире, и постулат «любой высокоразвитый разум должен быть миролюбив по определению» вошёл в плоть и кровь нескольких поколений. Разве может быть иначе, если человечество, некогда деловито и рьяно занимавшееся самоистреблением, живёт ныне именно по такому принципу? Нет, не может: образ мышления, подозревающий в любой встреченной на космических дорогах разумной расе потенциального врага — это удел одиночек «не от мира сего», одиночек, которых нужно содержать под неусыпным надзором врачей-психологов.

Не от мира сего, мысленно усмехнулся Рудольф. Да-да, не от мира сего — помнится, именно так называли меня после той драки сорокалетней давности, в которой я сломал ребро своему оппоненту в соревновании за благосклонность одной симпатичной девчушки (самое смешное, что в итоге она вышла замуж не за меня и даже не за пострадавшего от моих рук, а за врача, оказывавшего «жертве дуэли» медицинскую помощь). А я оказался в какой-то мере изгоем: на меня смотрели с опаской, хотя в конечном счёте из-за этой самой драки я и попал в КОМКОН, где нужны были решительные люди. Сейчас смешно об этом и вспоминать, но тогда мне было как-то не до смеха: ярлык «социально неадаптивный» вряд ли можно считать почётным титулом. Интересно, а где сейчас та девчушка? Наверное, у неё уже внуки...

Нет, это мне неинтересно, оборвал он сам себя. Интересно другое: вторжение вот-вот начнётся, а я далеко не уверен, что пацифисты, замершие за терминалами «Центуриона» и кораблей «эскадры перехвата» встретят это вторжение должным образом, несмотря на весь

своей высокий профессионализм. Готовность (в случае необходимости) стрелять в братьев по разуму – нет ныне у человечества Земли этого страшного умения, в немалой степени позволившего этому человечеству выжить и не самоистребиться. И жаль, что сегодня это не только мало кто понимает, но и очень мало кто об этом даже задумывается. Может быть, итоги операции смогут хоть немного изменить существующее положение вещей, если...

Рудольф Сикорски не довёл свою мысль до логического завершения.

Чёрную пустоту за спектролитовым куполом рубки прорезал длинный язык голубого пламени, и всем без исключения людям, находившимся в центральном посту «Центуриона», стало ясно: вторжение началось.

* * *

Космическая тьма за спектролитом купола рубки расцветилась множеством голубых полос, словно незримый исполин торопливо раскрашивал чёрное звёздное небо широкими штрихами, похожими на размазанные гигантские молнии.

«Голубые молнии в первородной тьме? – шевельнулось в сознании. – Откуда это, и почему это так знакомо?». Ощущение дежавю¹ было острым и странным – опять странным! – но оно отступило под натиском воли человека по имени Рудольфа Сикорски: вторжение началось, и теперь уже ничему постороннему места нет.

– Противник использует деритринитацию,² – дисциплинированно доложил один из операторов. – Этот принцип ему известен!

Ещё бы, подумал Сикорски, кто бы сомневался. Такой уж у нас противник, умелый и знающий...

Голубые молнии, полосовавшие звёздное небо, не были видны невооружённым глазом (и даже глазом, вооружённым старым добрым оптическим телескопом). Конечные отрезки деритринитационных трасс, вдоль которых в процессе ДТТ-дематериализации-материализации *размазывалось* на атомы вещественное тело сигма-космолёта со всем его содержимым, включая экипаж, можно было увидеть только с помощью спецаппаратуры «Центуриона». Над созданием «ока Шивы» работали тысячи людей, работали в течение одиннадцати лет, но игра стоила свеч: «око» фиксировало не только «точки выхода» сигма-кораблей, но и формировало чёткие вектора, по направлению и яркости которых можно было определить, откуда явились незваные гости. У создателей этой аппаратуры были основания гордиться своим трудом, хотя новейшие «призраки», разрабатываемые в конструкторских бюро Земли, использовали для прокола пространства технологию «нуль-транспортировки» и были (как и положено уважающим себя привидениям) невидимы даже для «ока Шивы». «Призраки» вываливались из подпространства совершенно непредсказуемо – где вздумается, хоть прямо на площади перед величественным зданием Мирового Совета. Оставалось лишь надеяться, что неведомые враги ещё не овладели «нуль-Т», а к тому времени, когда они до неё доберутся, учёные умы Земли и на неё найдут управу.

Однако сейчас противник использовал деритринитацию, хорошо известную землянам. Расчётные точки выхода вражеских боевых кораблей в пространство Солнечной системы определялись «оком» с необходимой и достаточной точностью, и тяжёлые дезинтеграторы крейсеров и батарей орбитальных станций, уважительно именуемые «крупнокалиберными», уже брали эти точки на прицел.

¹ Déjà vu – уже виденное (*франц.*). Психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации (месте), однако это чувство не связывается с определённым моментом прошлого, а относится к «прошлому вообще».

² Деритринитация – явление, возникающее при выполнении физическим телом движения с определённым набором ускорений вблизи светового барьера. При определённых условиях такое тело «прокалывает» пространство между двумя удалёнными друг от друга точками космоса и затем материализуется в конечном пункте (*термин Стругацких*).

К сожалению, только немногие синие вектора оканчивались в радиусе досягаемости орудий земного флота и стационарных баз на спутниках – космические масштабы слишком велики. А ось удара, легко определяемая по максимальной густоте голубых трасс, пришлась по Марсу. Хорошо, конечно, что не по Земле (и в сфере «быстрого прыжка» «Центуриона» с его подавляющей огневой мощью), но с другой стороны – «эскадре перехвата» потребуется время, чтобы появиться на поле боя, а до этого придётся обходиться тем, что под рукой.

– Вы были правы, Рудольф, – негромко сказал Геннадий Комов. – Они не пошли через орбиты планет – они атакуют почти перпендикулярно плоскости эклиптики.

Сикорски промолчал. Зачем лишний раз повторять очевидное? Он вспомнил, сколько было споров по поводу «направления главного удара» космического врага, и какое кислое выражение было на лицах комконовцев, выслушивавших «милитаристские» речи Рудольфа и его немногочисленных сторонников, пересыпанные терминами «фланговый охват», «прорыв фронта», «оперативный резерв». Коротка память человеческая, и очень быстро избавляется она от всего того, что не находит уже применения в повседневной жизни. А ведь любому мальчишке, играющему в военные игры (хотя мальчишек таких сегодня почти не осталось – Учителя не слишком поощряют подобные забавы), ясно, что ломиться «с торца» Солнечной системы, минуя одну за другой орбиты планет (наверняка укреплённых), означает нести ненужные и неоправданные потери. И зачем так сложно? Космос трехмёрен (в привычном пространстве), и нанести удар по «враждебной планете» (ещё один термин, вызвавший неприятие оппонентов Сикорски со товарищи) легко и просто можно хоть «сверху», хоть «снизу», пусть даже понятия эти в открытом космосе весьма условны. А то, что противник атакует Марс, а не Землю – это всего лишь разумная предосторожность. У врагов наверняка есть разведка, и эта разведка почти наверняка засекала «эскадру перехвата», висящую на околотунных орбитах. В момент возвращения в обычное пространство любой корабль очень уязвим – зачем подставляться? Лучше выиграть драгоценные минуты, обрести форму (в прямом смысле слова), а заодно и проредить силы обороняющихся, сконцентрированные в районе Марса, и опустошить красную планету. Разгром по частям – классика древних войн...

А Комов... Это мальчишка, которому чуть за тридцать, безмерно горд тем, что он уже сотрудник КОМКОНа, что он исполняет на «Центурионе» роль наблюдающего и поэтому имеет право сидеть одесную от руководителя операции, подавать голос, когда все прочие почтительно молчат, и даже советы (в которых Сикорски несколько не нуждается). Для него, Комова, вся эта операция не более чем игра (что-то вроде многомерных шахмат), и вообще он мыслями уже в звёздной системе ЕН 9173 – решение о назначении его куратором этой экспедиции уже принято. А здесь, на «Центурионе», Геннадий Комов всего лишь выполняет нудные и неинтересные обязанности: выполняет только потому, что таково распоряжение руководства.

Ну и пусть его, с внезапным ожесточением подумал Сикорски. Комова я могу быстро поставить на место, а будь на его месте Горбовский, мне пришлось бы туго: «живая легенда» давила бы авторитетом одним только фактом своего присутствия. К тому же я так и не понял истинного отношения Леонида Андреевича к реальности «угрозы извне» – мало кто может понять, что на уме у легендарного старца с его излюбленной фразой «А можно я лягу?». И тем не менее, фраза эта и почтенный возраст ничуть не мешают Горбовскому мотаться по всей известной землянам части Галактики и работать так, что у молодых людей, годящихся ему в праправнуки, от изумления глаза на лоб лезут.

Отставить посторонние размышления, скомандовал он сам себе. Вторжение началось, и теперь я должен сделать всё от меня зависящее, чтобы встретить его во всеоружии. А со скептиками любого ранга и статуса мы поговорим потом: цыплят по осени щипают...

* * *

...Гиперсвязь работала безотказно – тяжёлые противозвездолётные батареи Фобоса и Деймоса в считанные секунды получили приказ открыть огонь, и тут же его выполнили.

Зрелище было фееричным. Оно завораживало своей первобытной мощью, как будто вернувшейся из первых дней творения, когда в ядерных вихрях *из ничего* рождались планеты и звёзды. Голубые трассы, высвеченные «оком Шивы», вздувались и лопались, выбрасывая в чёрное звёздное небо над Марсом крупные горошины, тускло поблескивающие округлыми боками. Эти зловещие горошины можно было обнаружить без особых ухищрений, обычным инструментарием, от радиолокаторов до телескопов, и даже простым глазом, если глаз этот внимателен и смотрит в нужную точку небесной сферы – размеры кораблей, вспоровших ткань пространства и появившихся в оптическом диапазоне, оказались немалыми.

– Четыре... семь... девять целей в секторе Марса. Массогабаритные и энергетические параметры схожи с параметрами наших сигма-Д-звездолётов среднего крейсерского класса. Одна цель – предположительно десантный корабль, по спектру свечения – готов к отделению посадочных модулей.

Голос оператора был спокоен. Хорошо держится, отметил Сикорски, молодец. Комов завожился в своём кресле, с видимым интересом глядя на прозрачный купол, превратившийся в грандиозный стереоэкран. Фобос и Деймос, отчётливо различимые на этом экране, щедро сыпали в пространство ярко-красные искры – галактический титан высекал кресалом огонь, намереваясь разжечь вселенский пожар.

Корабли противника вышли из подпространства на расстоянии от трёхсот до пятисот тысяч километров от поверхности красной планеты, и энерголучи дезинтеграторных батарей настигали цели за одну-две секунды. Целеуказание точное, подумал Рудольф, пока всё идёт не так плохо – лучше, чем я ожидал. Впрочем, выводы делать рано...

Первая вспышка, нестерпимый блеск которой был съеден расстоянием, родилась через три секунды после открытия огня. Красные искры дезинтеграторных разрядов срезали «змеиную голову», увенчавшую один из гаснущих – переход завершён – голубых векторов. В чёрной тьме открытого космоса расцвёл добела раскалённый венчик взрыва.

– Одна цель уничтожена, – торжественно возвестил оператор. – Процент поражения – ноль семь.

Ноль семь. Неплохо. Ноль семь – это значит, что из десяти выстрелов, сделанных батареями Деймоса, семь поразили захваченную цель. Остальные – остальные либо прошли мимо («за молоком», как говорили когда-то), либо были отражены или погашены силовой защитой вражеского крейсера. По расчётам, для полного деструктурирования корабля класса «крейсер» достаточно двух-трёх «эффективных» попаданий из «крупнокалиберного орудия», так что семь – это уже overkill. (Overkill – сверхуничтожение (*военный сленг*)) Но – кашу маслом не испортишь, как гласит одна старинная пословица. Хотя вообще-то это масло стоит приберечь – горшочков с кашей на праздничном столе ещё немало, целых восемь штук, а из горячей печки подпространства могут появиться и другие.

На экране-куполе распустился ещё один белый цветок, и Сикорски всем существом ощутил ликование, охватившее всех операторов в центральном посту «Центуриона». Кто может противиться мощи планеты Земля? Всё так легко и просто: бах, трах – и вот он, яркий и весёлый фейерверк! Но уже в следующие секунды картина боя изменилась.

Звездолёты противника завершили материализацию и задействовали энергосистемы защиты. «Горошины» сомкнулись, образовав что-то вроде конуса, направленного остриём на Марс, и второй каскад красных искр, выброшенный батареями Фобоса, бессильно разбился-расплескался о сомкнутую силовую броню эскадры. А затем горошины вражеских кораблей окрасились зеленоватыми огнями ответных выстрелов.

– Они стреляют! – изумлённо пробормотал Комов.

– А вы как думали? – командир «Центуриона» и руководитель операции метнул на Геннадия яростный взгляд. – Это война, а на войне обычно стреляли обе стороны, была у них такая странная манера.

– Но ведь... – начал наблюдающий КОМКОНа и осёкся.

Жёлто-зелёные злые молнии полоснули по каменному эллипсоиду меньшего из двух

марсианских спутников. «Размеры Деймоса, – услужливо подсказала память, – пятнадцать на двенадцать на десять километров». «А это значит, – отметило умное сознание, – что одного прямого попадания из тяжёлого дезинтегратора – такого, например, какими вооружены наши крейсера эскадры перехвата, – достаточно для превращения Деймоса в метеоритную пыль».

К счастью, прямых попаданий не было. Ленты зеленого огня хлестнули шар спутника вскользь, и он завертелся вокруг своей оси как подстёгнутый кнутом. Сикорски старался не думать о том, что испытывают сейчас люди, находящиеся на Деймосе – это война, повторял он сам себе, война, война, война... А из подпространства вывалились новые «горошины» – число вражеских кораблей, нацелившихся на Марс, удвоилось.

Изображение на спектролитовом экране-куполе поплыло и сделалось неясным. Комов молчал, но в центральном посту «Центуриона» нарастало напряжение, готовое сорваться на крик «Надо что-то делать! Ведь их сейчас там сожгут – всех!».

– Оператор гиперсвязи! – гаркнул Рудольф, разрывая тугую тишину рубки. – Почему картина плывёт? Наведите порядок, и не ловите мух – их здесь нет!

– Сейчас, – скомкано отозвался тот. – Я сейчас, вот уже, сейчас...

– Может, нам пора к Марсу? – тихо спросил Комов. – Учитывая время разгона...

– Здесь командую я, – сквозь зубы прошипел Сикорски, – я за всё отвечаю, и мне решать, пора или не пора. Я должен быть уверен, что у противника нет больше резервов, и что никто не ударит нам в спину, когда мы будем проявляться на орбите Марса. Оператор слежения, что там у нас в подпространстве?

– Всё чисто. Треков – выявленных треков – не наблюдается.

– Оператор огневых систем?

– Полная готовность всех установок.

– ДТТ-привод?

– Полная готовность к прыжку.

Так, подумал Рудольф, с растерянностью мы, похоже, справились. Но почему молчит эскадра перехвата? Они там что, впали в анабиоз – спят и видят сны?

...Сикорски не знал, что крейсера эскадры перехвата без промедления начали разгон для ухода в ДТТ-прыжок к Марсу и уже завершали последние предпрыжковые эволюции – крейсера охраны Земли были укомплектованы отличными пилотами, отменно знавшими своё дело, – когда прямо на оси их разгонной траектории материализовался одиночный вражеский корабль. Классический принцип отвлечения сил противника, чтобы помешать им оказаться в нужном месте в нужное время, – судя по всему, командующий флотом вторжения знал азы стратегии и тактики.

Корабль чужих обладал невероятной маневренностью. Он ускользал от смыкавшихся на нём прицельных линий с небрежной ловкостью мухи, меняя направление полёта чуть ли не под прямым углом. Командиры крейсеров эскадры перехвата не понимали, как его экипаж выносит чудовищные перегрузки, сопровождающие подобные пируэты, – вероятно, решили они, этому способствуют какие-то физиологические особенности организмов чужих либо их гравикомпенсаторы на несколько порядков эффективнее земных. После нескольких тщетных попыток поймать выстрелом непостижимо вёрткий корабль противника, начальник эскадры перехвата (его в шутку называли «адмиралом», хотя золочёных адмиральских эполет на его плечах, разумеется, не было), чувствуя, как неумолимо утекают в чёрную пустоту космоса драгоценные секунды, приказал взять шустрого врага в сферу – аналог кольца в трёхмерном бою.

Девять крейсеров выполнили приказ с похвальным умением, и теперь уже никакие отчаянные метания из стороны в сторону не могли спасти окружённый корабль противника. И не спасли: красные пальцы дезинтеграторных разрядов вцепились в него мёртвой хваткой. Неприятельский корабль распался на атомы, но последний выстрел оказался лишним. Поток испепеляющей энергии прошёл сквозь раскалённое пылегазовое облако, оставшееся на месте сожжённого корабля, не встретил там структурированной материи, достойной аннигиляции, и всей своей нерастроченной мощью ударил в борт одного из крейсеров на противоположной

стороне сферы окружения.

Оцепеневшим пилотам, видевшим всё происходящее на стереоэкранах боевых рубок, показалось, что зубастая пасть огромных размеров одним махом вырвала у злосчастного крейсера добрую треть корпуса – оплавленные края громадной пробоины светились багрово-красным, превращая её в жуткое подобие кровавой раны. Было ясно, что разрушения таких масштабов не могли обойтись без жертв, но ясно было и то, что в неразгерметизированных отсеках изуродованного крейсера должны были остаться выжившие. К аварийному кораблю немедленно стартовали спасательные боты, и никому – ни «адмиралу», ни его капитанам, – и в голову не пришло, что спасение спасением, но боевую задачу никто не отменял...

Командир «Центуриона» и руководитель всей операции ничего этого ещё не знал, но то, что произошло на пустынной поверхности Марса, он увидел собственными глазами.

Потрепанный Деймос зашёл за горизонт, скрывшись за диском планеты, и теперь на пути кораблей флота вторжения, стремительно пожиравших тысячи километров пустоты, остался один только Фобос и поспешно разворачивавшиеся комплексы планетарной обороны на самом Марсе. Батареи Фобоса успели сделать несколько залпов и повредили головной корабль противника, притупив острие атакующего конуса. Но это уже не имело значения: войдя в верхние слои разреженной атмосферы планеты, вражеские корабли разделились и выбросили десантные модули. Чужие не стали распылять спутник на атомы, обрушивая на него потоки огня. Они то ли экономили энергию, ожидая боя с кораблями землян, – «берегли патроны», – то ли хотели захватить неповреждённые образцы земной техники. Как бы то ни было, чужие не пустили в ход дезинтеграторы, сминающие силовую защитную скорлупу и разрушающие материю: вместо этого Фобос был поражён мощнейшим электромагнитным импульсом – почти в упор. Батареи спутника захлебнулись – вся их биоэлектроника вышла из строя. А тем временем посадочные капсулы с десантом уже приближались к поверхности Марса.

На красноватом фоне марсианской пустыни то и дело вспыхивали множественные яркие искры – наземные комплексы встречали десант беглым огнём. И стреляли они неплохо – сбитые модули падали один за другим, рассыпаясь в небе тлеющими обломками.

Хм, подумал Сикорски, не отрывая глаз от экрана, откуда такая интенсивность огня? По всем прикидкам, выстрелов должно быть куда меньше. Неужели...

В следующую секунду экраны слежения «Центуриона» полыхнули слепящим светом. Над ровной как стол пустыней красной планеты вырос громадный клубящийся гриб, словно там взорвалась старинная водородная бомба – из тех, что двести лет назад заботливо прятали в арсеналах, готовясь к Третьей Мировой войне...

В мёртвой тишине, упавшей на центральный пост управления, прозвучал усиленный электроникой голос руководителя операции:

– Всем службам – отбой! Навигаторам – уходим в прыжок к Марсу.

Одновременно с произносимыми словами Сикорски нажал красную – очень заметную – кнопку на пульте. В черную пустоту, изрешеченную искрами звёзд, ушёл модулированный гиперсигнал, извещавший всех задействованных людей на разбросанных по всей Солнечной системе кораблях, спутниках и орбитальных станциях, что активная фаза учений «Зеркало» – учений по отражению агрессии внеземной цивилизации – прекращена.

...Красные и зелёные сполохи дезинтеграторных разрядов погасли, и грозные корабли флота вторжения один за другим начали мирно опускаться на поверхность Марса, затянутую бурой пеленой дыма и пыли...

* * *

– Эксперимент был жёстким, – задумчиво проговорил Горбовский. – Жёстким, да...

– А вы как думали? – Рудольф ошетинился. – Это война. *Война* – уж вы-то, Леонид Андреевич, должны понимать, что это такое! Вы родились ещё в *те* времена, и родители вам наверняка рассказывали о том, что творилось на Окраинах в начале двадцать первого

века.

– Да, я понимаю, – тем же тоном произнёс космопроходец номер один и как-то вяло кивнул. – Тяжело в учении – легко в бою...

Члены Мирового Совета молчали, и молчание это Сикорски очень не нравилось.

– Учения под кодовым названием «Зеркало», – нарушил молчание Август Бадер, – потребовали огромных материальных затрат. Мы усадили на голодный паёк всю Солнечную систему, мы свернули целый ряд интереснейших программ по исследованию иных планет...

– Временно свернули, – невозмутимо вставил Сикорски. – Временно.

– Хорошо, временно, – нехотя согласился Бадер. – Далее, для исполнения роли «злых космических врагов» были задействованы семнадцать – целых семнадцать! – Д-звездолётов, отозванных из Дальних Секторов плюс крейсера охраны Земли. И что в итоге? Три корабля полностью уничтожены, ещё два – серьёзно повреждены. И есть человеческие жертвы – на «Пытливом» погибли капитан и пять членов экипажа, шестеро получили серьёзные ранения. Не кажется ли вам, товарищи, что эти учения обошлись нам слишком дорого? И это я ещё не упоминаю о сотнях людей, погибших на Марсе!

– В ходе любых военных учений прошлого имели место несчастные случаи. Солдаты попадали под гусеницы танков, у десантников не раскрывались парашюты, и снаряды порой падали не туда, куда надо. То, что случилось с «Пытливым», – Рудольф упрямо наклонил лобастую голову, – это типичные friendly fire casualties, потери от дружественного огня.

– А на Марсе? – всплеснула руками Елена Завадская. – Число погибших, раненых и получивших сильные дозы радиации четырёхзначное! Это что, тоже «нормальные потери»?

Сикорски с большим трудом удержался от резких слов. На Марсе... Лихие ребята на Марсе просто вошли в раж, и когда мощности термоядерного реактора, питавшего энергией дезинтеграторы, перестало хватать для запредельно интенсивной стрельбы по снижавшимся десантным капсулам, они, не мудрствуя лукаво, отключили защиту и перегрузили реактор, полагая, что это ненадолго, и что всё обойдётся. Не обошлось... Кому именно пришла в голову эта гениальная идея, уже не установить: в марсианской пустыне осталось гигантская лепёшка спёкшегося радиоактивного песка, а от без малого шести сотен человек не осталось ничего, даже теней на оплавленных скалах...

– Мне кажется, – сказал Комов, – нами была совершена серьёзная методологическая ошибка. Очень многие участники учений «Зеркало» не знали – и даже не догадывались, – что это не всамделишное вторжение агрессивных буказоидов из иных миров, а всего лишь умело разыгранная инсценировка.

Инсценировка, да, подумал Сикорски. Кораблями «врагов» управляли киберавтоматы, в программы которых были введены жёсткие ограничения «допустимой боевой активности». Именно поэтому не был разрушен Деймос, и не был сожжен Фобос – реальный противник не стал бы с ними церемониться. Правда, автоматика, позволившая «отвлекающему кораблю» выполнять головокружительные маневры, в конечном счёте сослужила плохую службу – его никак не удавалось сбить, и командующий «эскадры перехвата» отдал приказ об окружении, приведший в итоге к шальному попаданию в «Пытливый». Да, тут я, пожалуй, допустил ошибку, но не ошибается только тот, кто ничего не делает...

– И результат этого незнания, – продолжал Комов, – тяжёлый психологический шок, которые испытали люди, воочию наблюдавшие, например, «атаку инопланетян» на Марс. Во время этой атаки я был в ходовой рубке «Центуриона», я видел лица этих людей, и я понял, что они, эти люди, чувствовали. И я пришёл к выводу, что человеческие жертвы были вызваны именно этим шоком. Капитаны крейсеров, желая как можно скорее уничтожить противника, не учли опасности тесного строя и высокой вероятности попаданий в свои же корабли при ведении перекрёстного огня, а персонал дезинтеграторной батареи на Марсе при отражении «вражеского десанта» стремился достичь максимальной скорострельности и пренебрёг элементарными правилами безопасного обращения с ядерными реакторами. А если бы все эти люди были заранее проинформированы о том, что это только учения...

– Если хочешь научить кого-нибудь плавать, брось его в воду на глубоком месте и не

держи за шиворот, – холода в голосе Сикорски было достаточно, чтобы выморозить весь зал заседаний Мирового Совета. – Чтобы понять, что такое война, надо попробовать её на вкус. А нервы... Я считаю, что умение справляться со своими нервами в бою не менее важно, чем умение обращаться с оружием. Военные учения должны быть как можно более реальными – «обстановка, максимально приближенная к боевой», как говорили когда-то.

– А если в результате такого, с позволения сказать, обучения, – лицо Завадской пошло красными пятнами, – человек получит психическую травму или, хуже того, просто утонет? Учителя никогда не используют подобных методик!

– Я не Учитель, – сухо парировал Рудольф, – я сотрудник КОМКОНа и обычный человек.

– Я не уверена, что вы человек! – яростно выкрикнула Завадская. – Может, вы один из тех, кто сотворил «Массачусетский кошмар»?¹ Как вы можете так относиться к людям, и как вы можете не принимать во внимание величайшую ценность человеческой жизни? Вы...

– Поменьше эмоций, Елена, – мягко и в то же время властно прервал её Горбовский, – и не надо переходить на личности. И давайте не будем делать из товарища Сикорски эдакого козла отпущения. Как совершенно правильно заметил Геннадий, – он посмотрел на Комова, – нами совершена ошибка. *Нами*, а не одним только Рудольфом. Хочу вам напомнить, что существование гипотетической угрозы со стороны некоей высокоразвитой инопланетной цивилизации никем из нас, – он обвёл взглядом всех присутствующих, – не оспаривается, и что решение о проведении масштабных учений «Зеркало» было принято нами коллегиально. А товарищ Сикорски был исполнителем этого решения, и не более того. И поэтому я считаю, что нам нужно ознакомиться с его выводами, а не перекладывать на его плечи всю полноту нашей общей ответственности. Что же касается величайшей ценности человеческой жизни – никому из нас и в голову не придёт с этим не согласиться. Однако есть ещё и интегральная ценность – ценность жизни всего человечества, обладающего истинным бессмертием. И это общее бессмертие порой требуется защищать, жертвуя ради него человеческими жизнями.

Надо же, подумал Сикорски. Внешность у Андреевича вроде бы непримечательная – высокий, жилистый, угловатый, темноволосый, с некрасивым лицом, напоминающим лики каменных истуканов с острова Пасхи, – но какая удивительная у него способность влиять на людей: без шума, без крика, одной только весомостью аргументов и уверенностью в своей правоте, подкреплённой фактами. Вон как народ сразу притих... Да, это личность, сильная личность, по-настоящему сильная...

– Прошу вас, Рудольф, – вежливо сказал Горбовский. – Мы вас слушаем.

– Прежде всего, кое-что о «жёсткости эксперимента», о которой упомянул Леонид Андреевич, и которая вызвала неудовольствие Геннадия и бурное возмущение Завадской. Я остаюсь при своём мнении: степень жёсткости должна быть адекватной степени важности решаемой задачи. С огнём не шутят – реальное вторжение чужих поставило бы под угрозу само существование человечества. Человеку свойственно благодушие: все вы наверняка знаете, как относятся в любом исследовательском центре к, например, угрозе возникновения пожара. Да, конечно, пожары случаются, с этим никто не спорит, но гораздо чаще они не случаются – примерно так мы рассуждаем. И поэтому на бумаге составляются планы борьбы с пожаром – в этих планах расписано всё от и до, – а на деле мы даже не знаем, куда бежать, и баллоны с пиррофеном почему-то оказываются пустыми, киберы перепрограммированными, а в архаичных пожарных ящиках с песком ценительницы прекрасного выращивают цветы, доставленные с других планет. И когда где-то что-то загорается, мы искренне ужасаемся: как же так, ведь погибли люди! Но при этом никто не может вспомнить, когда в последний раз проверялись системы пожарной защиты, и проверялись ли они вообще. А вот если бы ноздри помнили запах дыма, и на руках ещё чесались бы ожоги, полученные при тушении учебного,

¹ «Массачусетский кошмар» – научный эксперимент конца XXI века, в результате которого чуть было не возникла нечеловеческая (машинная) цивилизация. «Массачусетский кошмар» связан также с «Казусом Чёртовой Дюжины» – с добровольным сращиванием тринадцати учёных с машинами.

но далеко не условного пожара... Так что люди, погибшие в ходе учений «Зеркало», погибли не зря: они сделали нас хоть чуть-чуть менее благодущными.

– Это и есть ваш основной вывод? – осведомился Бадер.

– Нет, – ответил Рудольф, игнорируя язвительность вопроса. – Мой основной вывод не менее патетичен, но гораздо более пессимистичен.

– А именно?

– Извольте. Основной мой вывод таков: перед лицом любой мало-мальски серьёзной внешней угрозы мы абсолютно беззащитны.

Члены Мирового Совета изумлённо переглянулись. Кто-то кашлянул.

– Вывод ваш действительно пессимистичный, – изрёк Горбовский. – А поподробнее?

– Извольте, – невозмутимо повторил Сикорски. – Первое: «противник» свою задачу выполнил. «Эскадра перехвата» была отвлечена, планетарная оборона Марса подавлена, и высадка на его поверхность осуществлена. Дальше наш противник мог делать всё, что ему заблагорассудится – жечь города и поселения, захватывать трофеи и брать пленных – скажем, для опытов или для иных целей, буде оные у него имеются. Пришельцы могли даже начать переделку Марса под себя – выбить их с планеты, не превратив её при этом в радиоактивную пустошь, стоило бы больших трудов и большой крови.

– Пленные, трофеи, кровь, – буркнул Комов. – Пещерные императивы...

– Оставьте, – Сикорски поморщился. – Давайте не будем повторять пройденное. Чужие могут быть опасными просто в силу того, что они чужие. Другие. С другой системой ценностей. Не у вас ли на Леониде безобидный, но увесистый медоносный монстр чуть не растоптал базовый лагерь? А ведь он был частью социума леонидян. Это, конечно, мелочь, но ведь может статься, что для какой-то цивилизации захват населённых планет – жизненная необходимость. Спорили мы на эту тему предостаточно, и пришли к выводу: надо исходить из худшего. Различия могут вызывать непонимание, неприязнь, отторжение и конфликты. И вот к этим-то конфликтам мы и не готовы, прежде всего психологически – я помню ваши слова «Они стреляют!» и ваше удивление. Эпоха войн закончилась сто лет назад, и сегодня мы не можем себе представить, что разумные существа могут стрелять в других разумных существ. А они могут, и ещё как. А мы этого не можем. Люди готовы воевать со стихиями, с болезнями, с хищным зверьём, но не с себе подобными – для нас это противоестественно. И если мы встретимся с теми, для кого это нормально, такая встреча для нас плохо кончится.

– И что вы предлагаете? Отказаться от гуманизма? Заново создать армию, построить боевой космический флот, ввести воинскую повинность, а для воспитания будущих солдат играть в интернатах в военные игры?

Они не понимают, подумал Сикорски, хуже того, не хотят понять одну простую вещь. Зеркало наше оказалось с изъяном. Амальгама на нём нестойкая: она осыпалась от лёгкого нагрева солнечными лучами, и вместо того, чтобы отражать падающий свет, зеркало стало пропускать его беспрепятственно, словно простое оконное стекло.

– Я не призываю к милитаризации всего нашего общества, – сказал он, – но я считаю абсолютно необходимым ввести в список существующих профессий ещё одну: неважно, как она будет официально называться. Среди миллиардов живущих на Земле людей непременно найдётся несколько тысяч идеально подходящих – по всем статьям – для роли *защитников*. И этого хватит – *пока* хватит. А многомиллионные вооружённые силы нам не нужны, и тому есть простое объяснение.

Учения показали, что при всём нашем миролюбии мы всё-таки сможем – с грехом пополам – справиться с вторжением, предпринятым инопланетной цивилизацией одного с нами уровня развития или чуть более высокого. Однако вероятность такого события очень мала – исчезающе мала, говоря языком учёных. Все открытые нами цивилизации отстают от нас и уступают нам по своим возможностям – думаю, в ближайшем будущем этот список пополнится. Но заметьте: мы их нашли, а не они нас. Поясню свою мысль, – добавил он, заметив непонимание на лицах Бадера и Комова.

– Не малайские пироги, и не бальсовые плоты перуанских индейцев приплыли к

берегам Европы, а каравеллы европейцев появились в Индонезии и у берегов Америки. Так и должно было быть – принцип технологического превосходства, подтверждённый нашими же открытиями населённых планет. Нашу Землю откроют те, кто опередил нас на тысячелетия, и против них наши зенитные батареи, звёздные линкоры и ракеты с ядерными боеголовками будут бессильны. Мы можем противостоять равным себе, но куда более вероятно встреча с гораздо более сильным противником, опередившим нас в техническом развитии, и к этому мы должны быть готовы. Детали... У меня есть кое-какие соображения – в общих чертах, – однако мне надо их систематизировать. По итогам учений «Зеркало» у меня всё.

– Хорошо, – сказал Горбовский, – ваши выводы приняты во внимание. И учитывая их крайнюю... э-э-э... пессимистичность, я считаю необходимым засекретить все сведения о «Зеркале». Засекреченность вредна, но иногда она просто необходима. Должны быть даны официальные версии аварии сигма-Д-звездолёта «Пытливый» и катастрофы на Марсе. Вас, Елена, я попрошу подготовить соответствующий меморандум, который будет рассмотрен на ближайшем расширенном заседании Мирового Совета. Это не так сложно: мы разучились воевать, но лгать мы пока что не разучились, особенно лгать во спасение... Вам, Рудольф, – он посмотрел на Сикорски, – поручается обеспечение секретности «жёсткого эксперимента». И ещё мне хотелось бы конкретики по вопросам обороны Земли. Вы меня понимаете?

Горбовский умён, чертовски умён, думал Сикорски, возвращаясь к себе домой. Он отлично понял всё, что я хотел сказать. Что же касается остальных – надеюсь, они тоже меня поймут. Со временем. В конце концов, дураков в Мировом Совете нет, и никогда не было.

* * *

...В том же две тысячи сто тридцать седьмом году произошло ещё два очень разных события. В далёкой звёздной системе ЕН 9173 группа Следопыта-археолога Бориса Фокина, работавшая в составе экспедиции Геннадия Комова, исследовала развалины сооружений на безымянной планете. И среди этих развалин, в подземном зале был обнаружен странный предмет, названный «саркофагом». Внутри него находились тринадцать оплодотворённых *человеческих* яйцеклеток. Открытие это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, и все сведения о нём были сразу же строго засекречены, благо «секретный прецедент» – операция «Зеркало» – уже имел место.

А на Земле родился Максим Каммерер, и сведения о рождении мальчика засекречены не были. Впрочем, сведения эти мало кого интересовали, разве что счастливых родителей да их близких друзей и знакомых.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИСКАЛЧЕННЫЙ МИР

2152 год

Планета была красивой.

Окутанная густым слоем облаков, издали она казалась снежком, брошенным озорной рукой шаловливого юного бога в чёрную вселенскую тьму забавы ради, и чтобы темнота эта стала хоть чуть-чуть светлее.

С орбиты, по которой вращался базовый спутник КОМКОНа – исследовательский и наблюдательный центр экспедиции, работавшей здесь четвёртый год, – белая планета уже не походила на снежок. Отсюда, с относительно близкого расстояния, она выглядела куда более внушительной из-за своих размеров – её огромный диск занимал почти всю полусферу, и только по краям его видны были звёзды. Облачная завеса была добротной – ни просвета, ни даже намёка на просвет, сплошная клубящаяся белая масса, скрывавшая твердь.

«Красиво, – думал человек, стоявший на панорамной палубе, откуда планета видна была без всяких приборных ухищрений. – И загадочно. Жаль только, что под этими белыми облаками, на вид такими мягкими и пушистыми, грязь и серость – радиоактивная серость, – и небо этой планеты с поверхности кажется тусклым и серым, словно равномерно

размазанная грязь. И всё-таки жаль, что мне надо улетать – привязался я к этой больной красавице, да. Можно даже сказать, влюбился. Эта не первая моя планета, но кто сказал, что первая любовь – самая сильная? Нет, настоящая любовь приходит не сразу... Саракш – это самоназвание, оно вошло в наши каталоги, и это правильно: наши названия мы даём необитаемым мирам, а этот мир обитаемый, и у него уже есть имя. Только вот обитатели его оказались не слишком рачительными хозяевами – видел я, во что они превратили свой дом. Может быть, это оттого, что они никогда не видели звёзд, и даже не знают об их существовании? Люди тысячи лет смотрели в звёздное небо и мечтали, а если звёзд не видно, какие тут могут быть мечты? И родилась у аборигенов Саракша уродливая космогония – уникальная, аналогов которой нет ни у одной из известных нам инопланетных разумных рас: бесконечная твердь под ногами и тусклый Мировой Свет, замкнутый со всех сторон в тесную каменную клетку, откуда, как ни старайся, не улетишь. Вывернутый мир – мир наизнанку. Неудивительно, что мозги у людей этого мира тоже вывернутые...».

– Прощаетесь, Атос? – раздалось за его спиной.

Михаил Сидоров стремительно обернулся. Он уже знал, кто это – узнал по голосу, – да и кто ещё мог обратиться к нему по прозвищу, кроме старых друзей (которых здесь не было) и Рудольфа Сикорски, начальника экспедиции и (что гораздо более важно) главы Комитета Галактической безопасности, созданного десять лет назад. И он не ошибся – рядом с ним действительно стоял Экселенц, подошедший бесшумно, словно хищник на мягких лапах (была у него такая манера).

Сколько ему лет, Михаил не знал, но с момента их первой встречи (и по словам тех, кто знал Сикорски ещё тридцать лет назад) Экселенц ничуть не изменился. Он оставался всё таким же – сутуловатым, долговязым, жилистым, лысым и внешне неуклюжим. Именно внешне – молодые, но уже опытные Десантники, прошедшие Яйлу и Пандору (были такие ребята в составе экспедиции), внимательно следили за тем, что выделяет их начальник экспедиции в спортивном зале орбитальной базы, и мало кому из них удавалось выстоять против него в спарринге. Да, медицина Земли двадцать второго века раздвинула рамки «эффективного функционирования человеческого организма», однако «феномен Сикорски», как называли его в КОМКОНе, далеко выходил за эти рамки. Сидоров и Сикорски работали вместе три года – исследования Саракша начались ещё в сорок восьмом, сразу же после открытия планеты Августом Бадером, – но за все эти годы Михаил (далеко уже не мальчик) так и не излечился от чувства робости, охватывавшего его всякий раз при общении с Рудольфом. Правильно говорят в Галбее: «Экселенц – это не прозвище, это титул».

– Да, Рудольф, прощаюсь. Скажу вам честно, жалко мне расставаться с этой планетой – привык я к ней, прикипел.

– Понимаю ваши чувства. Но вы своё дело сделали, и сделали на совесть. А теперь, – в лице Сикорски что-то еле уловимо дрогнуло, – пришла пора других исследований. Ничего, вернётесь на Пандору, к тамошним амазонкам, – он осклабился, – они вас наверняка помнят.

– Я бы предпочёл местных амазонок, – пошутил Сидоров, кивнув на диск Саракша, – здесь они тоже водятся. И по предварительным данным, пандейки настроены по отношению к мужчинам гораздо менее агрессивно, чем Славные Подруги пандорских джунглей. Нет, на Пандоре мне делать нечего – пройденный этап.

– На ваш век новых планет хватит. И на какой-нибудь из них вы непременно отыщете свою амазонку, какие ваши годы, – Экселенц улыбнулся, но улыбка его получилась похожей на волчий оскал, и он поспешил её стереть. – Ну что ж, прощайтесь, Михаил, не буду вам мешать. Только не опоздайте на «призрак» – до отлёта осталось меньше трёх часов.

Он повернулся и пошёл к трапу, ведущему в нижние помещения, а Сидоров смотрел ему вслед. Другие исследования, думал он. Да, на Саракше будут работать прогрессоры – эту больную планету надо спасать, пока не наступил летальный исход. И здесь им придётся куда труднее, чем на Сауле или в Арканаре с их классическим средневековьем. На Саракше была война – ядерная, со всеми её последствиями (удивительно, что саракшианская цивилизация вообще не сгорела в этой войне), – плюс ещё эти загадочные пси-машины. И система власти

в Стране Неизвестных Отцов какая-то бандитско-фашистская – специалисты из Института Экспериментальной истории долго ломали головы, пытаясь втиснуть её в рамки базисной теории развития социума. А есть ещё и Островная Империя, где сам чёрт ногу сломит... Но Сикорски – Сикорски справится, на то он и Экселенц. Земляне никогда не бросают в беде «младших братьев по разуму» – не было ещё такого случая.

...А Сикорски, спускаясь в ангарный отсек спутника, чтобы лично проконтролировать отлёт научных и отправку на Землю собранных материалов, думал совсем не о спасении изувеченной планеты Саракш – вернее, такие мысли его тоже посещали, но Экселенц не относил их к мыслям первостепенной важности. Комитет Галактической безопасности был создан для противостояния Странникам, и поэтому вся прогрессорская (или любая другая) деятельность землян на планетах, на которых обнаруживались хотя бы предположительные следы этой таинственной сверхцивилизации, жёстко контролировалась Галбезом.

Экселенц думал о психотронных генераторах. Создание подобных машин явно не соответствовало техническому уровню развития саракшианской цивилизации, и поэтому было высказано предположение, что пси-генераторы – дело рук Странников. Выдвигались и другие гипотезы – на Земле были учёные-подвижники, далеко опередившие своё время, и их труды тоже казались «несоответствующими уровню развития производительных сил», – но для Рудольфа Сикорски было неважным, кто именно создал эти машины. Он сразу понял, что психотронные излучатели – это «технология двойного назначения», а попросту говоря – оружие, и оружие очень мощное: именно то оружие, которого не хватало землянам, чтобы отбить возможное вторжение превосходящей инопланетной цивилизации.

Вся работа на Саракше будет проводиться под эгидой Галбеза, думал Экселенц, и в первую очередь она будет проводиться в интересах Земли. Да, я не против помощи жертвам постыдара – наш земной гуманизм мне не чужд, – но в первую очередь меня заботит судьба моей собственной планеты: Земли. Я не собираюсь ни с кем делиться своими мыслями – не хочу я слышать упреков в цинизме, я их в своё время уже наслушался, – но делать я буду то, что считаю нужным: не для себя – для моей родной планеты. Безразмерная любовь ко всем без исключения «младшим братьям по разуму» – дело благое, но мне почему-то кажется, что Странники подобной любовью отнюдь не пылают. Ими движет расчёт, холодный расчёт, и я буду сражаться с ними их же оружием.

Однако это стратегия, а что касается тактики – моей первоочередной задачей будет внедриться, причём не так, как это делали наши наблюдатели в Арканаре, довольствующиеся маской благородного дона-бездельника без определённых занятий. Меня не устроит статус мелкого чиновника или армейского офицера – я должен попасть на самый верх, во властные структуры, к рычагам управления государством и... к пульта управления пси-машинами. И всё это я должен сделать лично – я не останусь на борту орбитальной станции принимать донесения и давать ценные указания. На здоровье я не жалуюсь, а запретить мне участвовать в операции некому – миссией на Саракше руководит Галбез, а я руковожу Галбезом.

* * *

...Ступеньки лестницы под ногами стёрты сотнями и тысячами ног. За долгие годы в расстрельный подвал спустились многие, и ни один из них не поднялся обратно. То есть охранники-то и исполнители возвращались, добросовестно и без эмоций сделав свою работу, а вот обречённые... Помилований здесь не бывало: дорога в подвал была дорогой в один конец, и все приговорённые к высшей мере об этом знали. Карающая машина работала безотказно, без поломок и сбоев, равнодушно перемалывая всех попавших в её жернова.

Полковник шёл спокойно, конвоирам даже не приходилось его подталкивать (хотя некоторых, бывало, волокли в подвал на руках, безвольных и обмякших, словно мешки с ватой). Полковник был готов к тому, что рано или поздно это с ним случится – он отправил в этот подвал немало людей, а теперь пришёл его черёд. Как и любой человек, полковник не хотел умирать, но и выказывать свою слабость ему тоже не хотелось.

Полковник знал правила кровавой игры – он выучил их, ещё будучи лейтенантом. На суде – на том подобии суда, через которое он прошёл, – он не слушал, в чём его обвиняют. Всё было и так ясно – злой умысел против существующего строя, участие в заговоре против первых лиц государства и шпионаж в пользу чуть ли не всех держав, которые только можно найти на географической карте. И сейчас он не смотрел на застывшие лица конвойных, скрытые тенями от козырьков низко надвинутых фуражек, – ему было достаточно запаха их давно не мытых тел и сиплого прокуренного дыхания. Он не испытывал ненависти к этим людям, выполнявшим чужую волю: бессмысленно ненавидеть топор палача – топор ведь сам по себе ни в чём не виноват.

Раскаяния полковник тоже не испытывал. Как ни странно, но за двадцать лет работы в службе безопасности его ни разу не посетили сомнения – он боролся с врагами, а врагов положено уничтожать, даже если они сдаются. Полковник был предан своему делу и уверен в своей правоте, а то, что сейчас его самого поставят к стенке – что ж, значит, в этом есть высшая справедливость, недоступная его пониманию. Победить можно только тогда, когда ни в чём не сомневаешься – он давно усвоил эту истину и всегда ей следовал. Страна со всех сторон окружена врагами, днём и ночью плетущих свои козни, а лес рубят – щепки летят.

В подвале было сыро, там пахло старой кровью и пороховой копотью, впитавшейся в стены, под потолком горели зарешёченные светильники. В их тусклом свете лица конвоиров казались размытыми жёлтыми пятнами с чёрными провалами глаз – что таится в глубине этих провалов, полковник не видел, да и стремился разглядеть. Его слегка толкнули в спину, и он, сделав несколько шагов, остановился у кирпичной стены, исклёванной пулями, – одна из выбоин, глубока и неровная, пришлась как раз на уровне его глаз.

По хребту снизу вверх прокатилась ледяная волна. Полковник отчётливо понял, что жить ему осталось совсем недолго, и что через несколько секунд для него всё кончится – и солнечный свет, и голубое небо, и свежий воздух, от которого кружится голова, и женский смех, и мерное тиканье старых ходиков на стене его квартиры – они будут тикать и тикать, а его уже не будет: никогда. Полковнику вдруг захотелось закричать от ужаса перед чёрным небытием, в которое ему предстояло окунуться, но он сумел сдержаться, хотя для этого ему пришлось напрячь всю свою волю.

...Удара в затылок он не почувствовал. Из всех углов подвала на него вдруг кинулась голодная тьма, подхватила, завертела, и понесла куда-то далеко: туда, откуда нет возврата. Он не ощущал своего тела, не видел ничего вокруг, и только в ушах его стоял тонкий звон, похожий на комариный. И ещё было недоумение: я сохранил способность думать, но как же я могу думать, если мозги мне вышибли к чёртовой матери револьверным выстрелом? Я уже умер или ещё нет, и если я жив, то где я, и что со мной происходит?

...Рудольф Сикорски проснулся как от толчка и долго лежал с открытыми глазами, пытаясь привести в порядок потревоженные мысли. Какой странный сон, думал он, – сон, очень похожий на явь, сон, реальный до мельчайших деталей. Это всё – и подвал, и выстрел в спину, – произошло со мной, я помню всё, помню до мельчайших деталей и до оттенков ощущений. Сон? Таких снов не бывает. Или это вещий сон, и всё это не *уже* было, а *ещё* только будет? Глупости, сказал он сам себе, не будь мальчишкой, боящимся тёмноты и буки, живущего под кроватью, – тебе это не пристало.

Экселенц закрыл глаза и заставил себя уснуть. До подъёма оставалось четыре часа – чувство времени никогда ещё Рудольфа не подводило, – и часы эти следует использовать для полноценного отдыха, потому что завтра (то есть уже сегодня) прогрессору-землянину Сикорски предстоит высадка на Саракш и долгий путь наверх – туда, откуда управляется одна из истерзанных стран этого искалеченного мира. И неизвестно, когда теперь удастся как следует отдохнуть – посадочная капсула достигнет поверхности планеты быстро, за час с небольшим, да и расслабиться в ней уже не получится: стандартный одноместный десантный модуль тесен, и киберпилоту при посадке на Саракш (особенно в незнакомом районе) лучше не доверять – всякое может случиться.

– Что это за человек, и откуда он взялся?

– Точных сведений нет, – прошелестел референт. – Можно сказать с уверенностью, что он не хонтиец и не пандеец – говорит на имперском без малейшего акцента, – и уж тем более не айкр: не та внешность. Есть основания полагать, что он из Безымянных Стражей Трона.

Референт напоминал лисицу, скрещенную с ящерицей. Другие здесь не выживали (или жили, но очень недолго). Верховная власть над страной была густо замешана на крови, и одна только близость к мрачному синклиту Неизвестных Отцов была смертельно опасной. Был человек – и нет его, обычное дело (и никто даже не вспомнит – не посмеет вспомнить, – что такой-то вообще существовал). При таком раскладе «людей второго ряда» могла спасти (и то не всегда) только звериная хитрость и готовность потерять хвост, чтобы сохранить голову. И тем не менее, число этих людей не уменьшалось – власть гипнотизировала, и вкусившие её были готовы на всё, лишь бы и дальше продолжать пить дурманный головы ядовитый напиток, именуемый властью.

– Южный военный округ, – продолжал референт, – специальная служба безопасности восьмого ударного корпуса. Никаких документов об этом соединении не сохранилось – вы же понимаете.

Папа молча кивнул. Он понимал – отлично понимал, – о чём идёт речь.

Восьмой ударный, думал он. Как же, как же, Павшие-но-Незабвенные... В самом начале войны восьмой корпус вместе с двумя другими элитными корпусами Империи протаранил оборону Альянса на всю глубину, вырвался на оперативный простор и понёсся напрямик на вражескую столицу, вминая в пыль отступающие части южан и колонны беженцев, – танки восьмого корпуса были забрызганы кровью по самые башни, а мясо и кишки соскребали с гусениц ножами. А за бронёй боевых порядков корпуса шли спецотряды Стражей Трона – они делали свою работу, и хорошо делали: свидетелей не оставалось. Офицеров этой секретной службы, совмещавшей в себе функции контрразведки, подразделения особого назначения и службы безопасности, называли Безымянными: вступая в ряды, они отрекались от своего прошлого и становились никем – у них не было ни имён, ни фамилий, ни родных, ни знакомых. Верные псы Отца-Императора, дававшие клятву умереть за него...

Казалось, война будет вот-вот выиграна, однако правителей Альянса такой поворот событий не устраивал. И южане пустили в ход атомные бомбы. Восьмой ударный сгорел полностью – там тогда было то ли одиннадцать, то ли тринадцать взрывов. Империя ответила тем же, и начался ядерный кошмар, оставивший на месте центральных держав сплошную радиоактивную пустыню, а заодно и сломавший хребет старой Империи. Стражи Трона тоже погибли – все, хотя кое-кто из них мог и выжить – Безымянные славились своей нечеловеческой живучестью и умением выбираться из самых безнадёжных ситуаций. Значит, этот человек из Стражей – что ж, вполне может быть...

– Но может статья, – вкрадчиво добавил референт, – что он из контрразведки одной из центральных держав. Сведений об этом, естественно, тоже никаких.

А вот это уже неважно, подумал Папа. Из бывших врагов иногда получаются самые лучшие друзья. Война давно закончилась, и уровень радиации (там, где не рвались «грязные» бомбы) снизился до безопасного. И Отец-Император давно упал в объятия Мирового Света, да будет ему там тепло, и о том, что в центральной части континента существовал когда-то воинственный Альянс, сегодня мало кто знает и мало кто вспоминает. Вечных врагов, как и вечных друзей, не бывает – бывают только вечные интересы.

– Как ты на него вышел?

– Случайно. Я встретил его в Клубе Атомных Ветеранов, и мне показалось, что этот человек будет вам интересен.

– Почему ты считаешь, что он имел отношения к службам безопасности?

– Это, как бы сказать, заметно. Вы и сами увидите, если соизволите...

– Соизволю, – отрывисто бросил Папа. – Доставь его ко мне: посмотрим, что это за «контрразведчик».

...Увидев «безымянного», в первую секунду Папа испытал разочарование. Он ожидал увидеть седовласого подтянутого имперского офицера со шрамами на суровом лице, а перед ним появился нескладный долговязый человек – лысый, с оттопыренными ушами и без намёка на строевую выправку. Что за клоун, подумал Папа, но уже в следующую секунду его мнение изменилось – после того, как Неизвестный Отец встретился с ним взглядом.

Зеленые глаза незнакомца буквально источали силу – силу, которой этот человек сам по себе являлся, и которая за ним стояла. Папа не мог разобраться в природе этой силы, но он сразу же почувствовал: да, сила за этим невзрачным человеком есть, и сила огромная. Эту силу можно уничтожить, пока она не стала опасной, но можно и поставить себе на службу – в сложнейшем змеином клубке интриг, опутавшем властную верхушку страны, любая карта может стать козырем, тем более *такая* карта. Так вот вы какие, Безымянные Стражи Трона, – неудивительно, что матери пугали вами детей...

– Ты... вы из имперского спецподразделения? – спросил он напрямик, отбрасывая в сторону заранее заготовленные прощупывающие вопросы.

– Я не могу ответить на этот вопрос, – спокойно произнёс зеленоглазый. Он держался с удивительным хладнокровием, хотя прекрасно понимал, где находится, и с кем говорит.

– Но вы имели отношение к... э-э-э... службам безопасности? Какой именно страны, уточнять не будем.

– Да.

– Звание?

– Полковник.

– Стаж?

– Двадцать лет.

– Проверим, – зловеще пообещал Папа (вернее, он постарался придать своему голосу зловещий оттенок, но получилось не очень). – Чем занимаетесь сейчас?

– Странствую, – со странной интонацией ответил ушастый. – Но хотел бы работать по специальности: квалификация позволяет.

– Хорошо, – попытожил Неизвестный Отец, пытаясь справиться с нахлынувшей на него обессиливающей слабостью. – Жду вас здесь через три дня. Вас проводят... *странник*.

...Выйдя из кабинета диктатора, Рудольф Сикорски чуть пошатнулся. Психотехника – отличный инструмент воздействия на умы, особенно на неизощрённые, но она забирает чертовски много сил.

* * *

2153 год

– Наш новый шеф контрразведки, прошу любить и жаловать. Любить не обязательно, – Папа осклабился, – но жаловать придётся. А зовут его Странник.

Сикорски почувствовал на себе щупающие взгляды. Ощущение было неприятным. Вот на кого надо охотиться, подумал он, на этих вот скорпионов. Пандорские ракопауки по сравнению с ними детишки шаловливые...

– Станный он какой-то, – пробормотал Волдырь и осёкся, встретившись взглядом с новым шефом контрразведки. – Но тебе, Папа, видней, на то ты и Папа.

– Да, мне видней, – согласился Папа.

Ишь, как закрутился, подумал он, наблюдая за Волдырём. Знаю, знаю, ты сам метил на это место, только вот мне это как-то ни к чему, совсем даже ни к чему, потому что есть у меня подозрения насчёт твоей причастности к «самоубийству» Кузена, возглавлявшего эту службу. Ты, Волдырь, и так уже забрал много силы, и если тебе дать ещё и контрразведку, то в одно прекрасное утро я могу проснуться без головы, хе-хе, да, без головы. А этот предмет мне почему-то очень дорог, и поэтому пусть контрразведкой руководит Странник. И ещё я

дам ему специальный научный институт, который будет заниматься проблемами защиты от А-излучения. Ежедневные мучения сведут с ума кого угодно – с этим надо что-то делать. Если у кого что и получится, то только у него, у Странника, я в этом уверен.

– Тебе, Странник, и карты в руки, – пожевал губами Тесть, – выроdkов переловить легко, а вот с агентами Островной Империи будет посложнее. Вот мы и посмотрим, на что ты способен, правильно я говорю?

– Правильно, – Папа благодушно кивнул и скрестил пальцы рук на животе. Он был доволен, очень доволен. Как там выйдет с ликвидацией агентуры айкров, это ещё бабушка надвое сказала (хотя дело это, само собой, нужное), но то, что равновесие, которое изо всех сил расшатывает Волдырь, восстановлено, видно невооружённым глазом. Волдырь вцепится в глотку Страннику – и года не пройдёт, уж я-то его знаю, – и либо перегрызёт её, либо поломаёт себе все зубы. А меня устроит любой исход, на то я и Папа...

Неизвестный Отец нисколько не сомневался в том, что так оно и будет. Наблюдая за своими соратниками, он заметил ненавидящий взгляд, которым Волдырь одарил Странника, и ледяной взгляд, которым ответил ему новый шеф контрразведки.

* * *

2154 год

...Дигу Каблук провёл ладонью по дырчатому пулемётному стволу, поправил ленту, железной змеей свисавшую из патроноприёмника, и бросил в рот пласт жевательного табака. Табак был пандейский, контрабандный, приправленный дурманными травками, не чета тому дерьму, которое продают из-под полы мелкие торговцы на чёрном рынке, шепча при этом, что, мол, товар первосортный, и что такой табак жевали в своё время при дворе Е.И.В. Отца-Императора.

Дигу Каблук нервничал. Казалось бы, оснований для беспокойства нет никаких, всё продумано и подготовлено. И подъезд к особняку пристрелян – стоит только Дигу нажать на гашетку, и свинцовая метла выметет всё живое от ступенек парадного входа до ворот, звеня пулями по вычурному литью ограды. А перекрёсток под прицелом второго пулемёта – за ним сидит Изу Милосердный, бывший офицер диверсионных частей, известный тем, что его пули всегда укладывали жертву наповал, не причиняя ей лишних мучений. И это ещё не всё – в кустах прячутся ещё двадцать два человека, и все они вооружены до зубов, и все они и слыхом не слыхивали о каких-то там законах (вернее, слышать-то они кое-что слышали, но считают, что законы писаны не для них). Для всех этих парней и бог, и закон – Волдырь, он беспощадно карает, однако щедро вознаграждает за преданность и верность (и, конечно, за хорошо сделанную работу). Итого – двадцать четыре ствола; любая автомашина под таким огнём мигом превратится в решето, через дырки которого будет сочиться кровавая жижа. И даже если автомобиль *овцы* бронирован (а это, скорее всего, так и есть), крупнокалиберные пули справятся, а если не справятся, в ход пойдут термические заряды, прожигающие броню среднего танка, – четыре таких заряда подвешены по углам квадрата, центр которого – ворота особняка.

Помех со стороны полиции ожидать не приходится. Полчаса назад два придурка в форме сунулись было к машине Дигу – мол, ваши документы, и что вы здесь делаете, и всё такое, – но поспешно отвалили, как только Каблук показал им спецжетон. Пусть скажут спасибо, что он не послал им вслед хорошую очередь (а хотелось!) – не стал поднимать шум, чтобы не спугнуть *овцу*.

И всё-таки Дигу Каблук нервничал и прекрасно понимал причину своей нервозности. Как себя не успокаивай, но *овца*, которую они должны сегодня *распотрошить*, далеко не овца, а волк в овечьей шкуре. Тупоголовые «родственники» и «свойственники» Волдыря этого не понимают, но он, Дигу, умеет не только стрелять, но и думать – в своё время его этому научили. Этот человек (а кое-кто говорил – шёпотом, – что и не человек вовсе), которого они должны убрать, слишком опасен, чтобы его недооценивать. Этот тип, которого

зовут Странник (то ли потому что он странный, то ли потому что он появился неизвестно откуда и имеет привычку периодически исчезать неизвестно куда) буквально излучает что-то злое, и от него лучше держаться подальше. Дигу видел его – издали, – всего один раз, однако ему хватило и одного раза. Честно говоря, Дигу Каблук предпочёл бы служить Страннику, а не Волдырю (наверняка дольше проживёшь), но хозяев так просто не меняют, тем более что от Волдыря никто из его подручных ещё не уходил по-хорошему – только по-плохому, на тот свет. Да и Странник никого к себе не берёт – ему никто не нужен. Опасный он человек, очень опасный – лучше ползать по Железному Лесу, обезвреживая старые минные поля, чем рискнуть встать ему поперёк дороги. Но сегодня придётся, куда денешься...

Дигу захотелось выпить (и фляжка с коньком была у него под рукой), однако Каблук пересилил соблазн. Выпьет он потом, когда всё кончится, и не только выпьет, но и повалит какую-нибудь сочную шлюху из личного хозяйского *питомника*, а сейчас – нельзя. Реакция должна быть отменной, если он, Дигу Каблук, хочет и дальше пить коньяк и пользоваться баб.

До слуха донёсся негромкий шум мотора. Дигу выплюнул жвачку и взялся за приклад пулемёта, чувствуя, как у него мигом вспотели пальцы. Машина, сверкая фарами, – машины *приближённых* всегда ездят с зажжёнными фарами, – вывернулась из-за угла и подкатилась к воротам. Каблук не стал дожидаться, пока откроются её дверцы, – он нажал на спуск, хлеща длинной очередью по ветровому стеклу и по фарам, словно по глазам хищного зверя, желая погасить их жёлтый блеск.

На асфальт посыпались осколки стекла, подпрыгивая лихо и весело. Фары погасли, а крыша автомобиля взъерошилась кучей пробоин с рваными краями – Изу Милосердный тоже не терял времени даром, полосуюя замерший автомобиль стайками свинцовых мух.

Стёкла в машине были затемнёнными, но сейчас они разлетелись под выстрелами, и Дигу увидел шофёра – тот безжизненно повис на рулевом колесе, дёргаясь под ударами пуль, продолжавших впиваться в его наверняка уже мёртвое тело. Каблук, не переставая стрелять, пытался разглядеть, кто сидит на заднем сидении – там кто-то был, и этот кто-то тоже получил свою порцию смерти. Возле машины вспух огненный шар разрыва, левую заднюю дверцу сорвало напрочь, и из неё вывалилась окровавленная женщина; её белая блузка была испятнана красными кляксами. Женщина ничком припала к дымящемуся асфальту, длинные её волосы расстелились по земле у простреленного колеса. Она была мертва – опытный глаз Дигу не мог ошибиться, – однако вылезшие из кустов и вставшие во весь рост головорезы Волдыря продолжали решетить и без того уже изрешеченный автомобиль из автоматов и винтовок, непременно желая его поджечь. Пули с чмоканьем входили в тело женщины, и она всякий раз при этом дёргала ногами, словно ей было щекотно, и она пыталась встать, чтобы прекратить эту дурацкую забаву.

– Прекратить огонь! – заорал Дигу. – Вперёд! Осмотреть салон! Раненных – добить!

Каблук отдавал привычные команды, но у него отвратительно сосало под ложечкой, и суетилась в голове паническая мысль: «Странника среди убитых нет, даже если минуту назад он спокойно сидел в машине. Почему я в этом так уверен? А вот уверен, и всё тут».

А потом что-то случилось, но что именно, Дигу понять так и не смог – не успел. Он услышал задавленный хрип и увидел, как трое – нет, уже четверо, – «племянников», бежавших к машине, один за другим повалились на грязный асфальт, на котором отчётливо видны были следы шин, оставленные автомобилем Странника. Повалились, расплёскивая внутренности, неведомой силой вырванные из их животов и грудных клеток. И те, кто ещё остался стоять в кустах, тоже падали, падали один за другим, падали с разбитыми черепами, как будто кто-то невидимый в упор стрелял им в головы разрывными пулями или попросту бил увесистой дубиной, бил беспощадно и без промаха.

Там, где стоял замаскированный пулемёт Изу Милосердного, затанцевало буйное пламя. Пахло горелым, и Дигу Каблук безошибочно узнал запах сожжённой человеческой плоти: этот запах был ему очень хорошо знаком. Наискосок через улицу заячьими прыжками метнулся кто-то из уцелевших бойцов, метнулся – и переломился пополам, упал сломанной куклой (Каблук отчётливо услышал хруст позвоночника).

А затем перед Каблуком мелькнула какая-то неясная тень – уже догадываясь, что это за тень, и что она ему несёт, он дёрнул стволом пулемёта, разворачивая оружие, но движения его были слишком медленными, как будто он двигался в липком киселе. Тень сгустилась, и прямо в глаза Дигу Каблука глянули убийственно холодные зелёные глаза человека по имени Странник. Не человека – дьявола во плоти.

Дигу не разглядел, было ли у него в руках какое-нибудь оружие, да и какое это имело значение – демонам оружие ни к чему. На Дигу рухнула чудовищная тяжесть, выжимавшая из него жизнь, и Мировой Свет перед его глазами вспыхнул и погас, рассыпаясь тлеющими искрами.

...А три часа спустя в *особом* кабинете, где стояли пять золочёных кресел с изрядно потёртой позолотой и потрепанной обивкой, и где мерзко воняло смертной гнилью, Папа сказал: «Сотри его с лица земли...». И Странник взял тяжёлый чёрный пистолет, оскалился, словно волк, настигающий добычу, и дважды выстрелил. И Волдырь грузно повалился на ковёр, впитавший в себя кровь и мозги многих его предшественников, и застыл в нелепой позе. «Ну вот, опять всю обивку забрызгали» – брюзгливо проворчал Свекор, и эта короткая его фраза стал единственной эпитафией по безвременно усопшему Волдырю.

* * *

Миссия «Саракш» – Комитету Галактической безопасности
Копия – КОМКОНу-2
СЕКРЕТНО

Учитывая чрезвычайную важность работы, проводимой сотрудниками Галактической безопасности на планете Саракш, и во избежание нежелательных случайностей, способных повредить этой работе, требую полностью закрыть сектор ЕН 7563 для сигма-Д-звездолётов и звездолётов класса «призрак». Необходимо избежать несанкционированного появления космолётов (выхода их из подпространства) в непосредственной близости к планете Саракш. В киберштурманы всех кораблей ГСП необходимо ввести блокировку, исключаящую их выход в пространство ближе одного миллипарсека от любой точки орбиты планеты Саракш.

Странник

* * *

2157 год

Одноместный разведывательный корабль Группы Свободного Поиска, пилотируемый молодым человеком по имени Максим Каммерер, вышел из подпространства в стратосфере планеты Саракш. Введенная в киберштурман блокировка, запрещающая выход в трёхмерный космос в этой точке, почему-то (вероятно, из-за какого-то технического сбоя) не сработала.

Каммерер не успел толком порадоваться выпавшей на его долю удаче – случайное обнаружение новой землеподобной планеты дело чрезвычайно редкое, – как его корабль был атакован автоматическими зенитными ракетами. После первого попадания киберпилот почему-то не увёл корабль от негостеприимной планеты согласно стандартной процедуре безопасности (вероятно, он вышел из строя от сотрясения, вызванного взрывом), и после второго попадания перехвативший управление Каммерер произвёл посадку на поверхность Саракша в ручном режиме.

Считая, что авария произошла в результате столкновения с метеоритами (другого объяснения у Максима не было), он переключил системы корабля на авторемонт, а сам с очаровательной беззаботностью отправился прогуляться по окрестным холмам, не ожидая ничего дурного и движимый любопытством двадцатилетнего человека из благополучного и уютного мира, впервые оказавшегося на другой планете.

По странному стечению обстоятельств, во время его кратковременного отсутствия на его корабль наткнулась группа воспитуемых, занимавшихся разминированием. Не утруждая себя долгими размышлениями, сапёры-смертники подорвали «неопознанный объект» (самое интересное, что это им с лёгкостью удалось, несмотря на то, что незадолго до этого корабль без критических повреждений выдержал два прямых попадания зенитных ракет, каждое из которых могло разнести в клочья тяжёлый бомбардировщик).

Мосты были сожжены, и растерянный юноша побрёл в лес, надеясь встретить там дружелюбных аборигенов, которые смогли бы помочь ему выйти из его затруднительного положения. По счастливой случайности – Максиму несказанно повезло, – он не наступил на мину и не попал под пулемётную очередь (лес, в котором оказался молодой землянин, был напичкан боевыми автоматами). Вместо этого Максим Каммерер угодил в крепкие объятия воспитуемого Аллу Зефа, который дисциплинированно доставил его своему начальству.

...Цепь *случайностей* замкнулась, и в итоге маленький камешек по имени Максим Каммерер сорвал грохочущую лавину, перевернувшую всю Страну Неизвестных Отцов...

* * *

2160 год

О Странниках Максим Каммерер впервые услышал ещё в раннем детстве – в том возрасте, когда чуть ли не весь окружающий мир ещё окрашен в сказочные тона, когда на цветах гнездятся феи, когда ветер умеет говорить, когда в кустах шуршит нечто загадочное, а неведомое начинается прямо за дверью комнаты. Таинственные Странники представлялись ему кем-то вроде могучих волшебников (причём непонятно каких, злых или добрых). Потом, когда мальчик немного подрос и начал учиться, слова «звёздная сверхцивилизация» обрели смысл, чего нельзя было сказать о представителях этой гипотетической сверхцивилизации, Странниках, – они так и остались для него понятием абстрактным (чем-то вроде предела в математике или абсолютного нуля). Впрочем, Максим Каммерер был не одинок: земляне не знали о Странниках ровным счётом ничего (кроме предположения, что они существуют).

Всё началось в две тысячи двадцатом году с открытия подземного города на Марсе – города, тоннели которого были облицованы материалом, химический состав которого так и не удалось определить земным ученым (впоследствии этот материал был назван Бадером янтаринном из-за внешнего сходства с янтарём). Внушительность найденного циклопического сооружения наводила на мысль, что город, построенный задолго до того, как человечество сформировалось как разумная раса (не говоря уже о выходе на звёздные трассы) – творение могущественной неземной цивилизации (сам термин «Странники» появился немного позже, вскоре после исследования Фобоса, оказавшегося четырёхкилометровым «бубликом» явно искусственного происхождения).

Сто с лишним лет спустя, в две тысячи сто двадцать седьмом, десантник Август Бадер обнаружил на орбите Владиславы ещё один спутник-тороид диаметром в два километра, а на самой Владиславе Атос Сидоров нашёл подземный город, очень похожий на марсианский, – судя по всему, оба города и оба спутника были построены одними и теми же существами.

Затем, в две тысячи сто сорок пятом, когда была открыта Саула, на ней обнаружили машины, «выходящие из дыма и уходящие в дым», и этот «конвейер» также сочли делом рук Странников.

О Странниках заговорили всерьёз, хотя никакой конкретики не было – ни что это за цивилизация, ни как она устроена, ни что ею движет. Неизвестен был даже сам внешний вид Странников: гуманоиды они, негуманоиды или вовсе бесформенны, то есть не имеют какой-то фиксированной грубоматериальной оболочки – обнаруженные крайне скудные остатки их технологий (если вообще можно говорить о технологиях в привычном для землян значении этого слова) не дали ответа на этот вопрос. Ясно было одно: если Странники действительно существуют, а не растворились бесследно в волнах времени, то их цивилизация по своим возможностям значительно превосходит земную. Последовал вполне логичный вывод: раз

так, значит, Странники могут заниматься прогрессорством, и Земля может служить объектом их прогрессорской деятельности. Это предположение в две тысячи сто пятьдесят втором году привело к созданию Комитета Галактической безопасности, сферой ответственности которого стали планеты, предположительно находящиеся под влиянием Странников. Кроме Саулы, такой планетой считался Саракш: высказывалась гипотеза, что пси-генераторы не могли быть созданы самими саракшианами, – в природе пси-излучения не могли разобраться лучшие умы Земли, – идея (или даже образец) была подкинута Странниками. Смысл такого «подарка» был неясен, однако к этому времени уже сложилось устойчивое мнение, что цели деяний Странников разгадать трудно.

Эта формулировка очень напоминала высказывание «пути господни неисповедимы», что дало основания скептикам (а их было немало) сомневаться в существовании Странников. «Первобытные дикари, – фыркали скептики, – списывали всё непонятное на богов и духов, а мы, с поправкой на всю нашу цивилизованность, при встрече с необъяснимым ссылаемся на всемогущих Странников: мол, это всё они, демоны! Наивно, знаете ли...».

Но Максиму Каммереру было не до скептицизма: внезапное появление перед ним – из ниоткуда! – в комнате полуразрушенного дома сожжённого города на Саракше странного человека было реальным фактом: склонности к галлюцинациям Максим за собой не замечал. А кроме того, в его памяти всплыли слова старейшины Птицеловов о Небесных Отцах.

Интерлюдия первая. Лицом к лицу

Вне времени

– Вы совершенно правы, Максим, – назвавшийся Странником слегка шевельнулся на табуретке, словно усаживаясь поудобнее, – я не галлюцинация.

– Кто вы? – механически повторил Максим. Он ощущал растерянность – сколько лет человечество мечтало о контакте с цивилизацией, далеко обогнавшую земную; готовилось к этому контакту, разрабатывало специальные методики, а теперь, когда этот долгожданный контакт, похоже, состоялся, представитель Земли не знает, что ему делать. Перед ним сидел человек (или существо, принявшее человеческий облик), с виду обычный, но Максим ясно чувствовал непредставимую древнюю мощь, стоявшую за этим существом, – мощь, на фоне которой меркли все достижения земной науки и техники с её звездолётами, биоблокадой, глайдерами и кабинками нуль-транспортировки. Наверное, подумал Максим, что-то похожее испытывали айкры, впервые увидев у своих берегов каравеллы пришельцев с материка. Хм, а какое это, оказывается, неприятное чувство: понимать, что перед тобой сила, которой ты не сможешь противостоять – она слишком превосходящая. Глупости, одёрнул он сам себя, что за пещерный менталитет? С чего ты взял, что эта сила может быть враждебной? В космосе правит гуманизм, по-другому и быть не может (так, во всяком случае, утверждает базисная теория развития социума, созданная трудами выдающихся учёных-землян).

– Вы хотите знать моё имя? – поинтересовался человек в камуфляже. – Вряд ли это целесообразно: кроме нас двоих, в этой точке пространства больше никого нет – путаницы при диалоге не возникнет. Но если вам удобнее обращаться ко мне по имени, я могу назвать любое.

А если это просто землянин, мелькнуло в голове Каммерера, какой-нибудь досужий шутник, дорвавшийся до нуль-Т и решивший меня разыграть? Предположение нелепое, но...

– Я не землянин, – отозвалось существо, и Максим понял, что оно читает его мысли, – я Странник. Мы называем себя по-другому, но для вашего удобства будем придерживаться вашей, земной терминологии.

– Что вам от меня нужно?

– Резонный вопрос. Именно мне от вас, а не вам от меня – это ведь я вышел с вами на контакт, а не наоборот. Хотя, должен вам сказать, «наоборот» было бы затруднительно – мы избегаем прямых контактов с несовершенными разумными расами.

«Это мы-то несовершенные? – подумал Максим. – Интересная точка зрения...».

– Конечно. Вы только-только вышли на звёздные дороги – о каком совершенстве может идти речь? Вашему обществу познания чуть больше ста земных лет – это секунда на часах Вечности. Вы ещё недалеко ушли от общества выживания и общества потребления, и вы несёте в себе рудименты прошлого. Вы уже не дети, но ещё не взрослые – вы подростки, склонные болеть всеми подростковыми заболеваниями. И эта ваша склонность и является причиной моего появления.

Странник говорил вежливо, точнее, ровно и безэмоционально – слово «вежливость» тут было явно неуместным. Даже земные машины, наделённые голосом, выказывали оттенки чувств, заложенных в них программистами, тогда как это существо было лишено каких-либо эмоций – начисто.

Как ни странно, понимание этого вернуло Максиму душевное равновесие. Он отошёл от окна, пододвинул табуретку и сел за стол напротив пришельца, так и не назвавшего своё имя. Не очень-то и хотелось, подумал Максим, будем общаться безлично, раз уж вы у нас такие скромные.

– Я вас слушаю, – сказал он, глядя в лицо Странника: в красивое лицо с правильными человеческими чертами (Интересно, это его настоящий облик или так, маска?).

– Облик похож на наш подлинный, а вот насчёт маски... Прошу меня извинить, но во плоти меня здесь нет. В пространстве вашей Реальности я нахожусь, – Странник на секунду замолчал, что-то подсчитывая в уме, – в пяти парсеках отсюда. А перед вами мой эфирный дубль: у нас были некоторые основания опасаться неадекватных действий с вашей стороны – ваш коллега, которого зовут Лев, без особых раздумий начал стрелять по машине песчаных людей. Я мог бы обеспечить полную безопасность и своего оригинала, но защита в случае вашей неверной реакции могла бы причинить вам некоторый вред, что нежелательно. Вот поэтому я предпочёл появиться перед вами в виде неуязвимого эфирного дубля.

– Вы полагаете, что мы всегда хватаемся за оружие и палим во всё, что шевелится?

– Не всегда, но не исключён и такой вариант. Вы ещё подростки, как я уже говорил, – ваши действия зачастую опережают ваши мысли. Обижаться не стоит, – Странник посмотрел Максиму в глаза, и землянина поразила бездна, таившаяся в глубине зрачков собеседника. – А мой эфирный дубль по функциональности не уступает оригиналу – разницы практически нет.

– Ваше право, – Максим как можно равнодушнее пожал плечами (Значит, я всё-таки общаюсь с привидением, правда, с очень высококачественным привидением). – И что такого важного вы мне хотели сказать? Ведь из-за пустяка вы вряд ли нарушили бы свой принцип не общаться с несовершеннолетними разумными расами?

– Вам об этом уже сказал Колдун, – всё так же бесстрастно ответил Странник, – но вы не обратили внимания на его слова. Пропустили мимо ушей, как у вас говорят. Вы нарушили Равновесие, Максим, и это нарушение чревато очень серьёзными последствиями.

– В чём именно выразилось это нарушение? Вы имеете в виду повторный запуск пси-генераторов и активацию сети башен?

– Да.

– А можно вопрос?

– Пожалуйста, – дубль совершенно по-человечески кивнул.

– Пси-генераторы – ваше изобретение? Есть гипотеза, что вы, Странники, оставили на Саракше некую микросхему, на основании которой саракшиане и создали эти дьявольские машины. Это так?

– Нет. Начнём с того, что у нас нет никаких микросхем – мы миновали машинную стадию развития цивилизации, у нас вообще нет никаких машин, аппаратов, приборов и тому подобного. Мы воздействуем на Мироздание *напрямую* – сознанием, минуя промежуточное звено «инструмент». А во-вторых – мы не стали бы давать юной несовершенной расе такую опасную игрушку. Генераторы – это изобретение самих саракшиан; они сами их создали – точно так же, как вы, земляне, сами создали атомную бомбу, причём в очень опасный период вашей истории, когда эта бомба могла поставить на этой истории большую и жирную точку.

Пути развития разумных рас извилисты и прихотливы...

Пути господни неисповедимы, подумал Максим.

– Но если несовершенные саракшиане, как вы выразились, сами сделали себе такую опасную погремушку, почему вы не вмешались и не отобрали её у них? Вы же занимаетесь прогрессорством, верно?

– Нет, не занимаемся.

– Как нет?

– Не занимаемся, – повторил Странник. – Прогрессорство недопустимо – оно сродни вивисекции. Вот вы, например, земляне, – кто дал вам право вмешиваться в жизнь других разумных рас?

– Мы помогаем цивилизациям, находящимся на ранних стадиях развития, – мы несём добро.

– Вы несёте не *добро*, а *своё понятие* добра. Занимаясь прогрессорством на других планетах, вы в то же время крайне болезненно воспринимаете саму мысль, что кто-то может заниматься прогрессорством на Земле. Для вас чужое вмешательство неприемлемо – вы его боитесь, вы даже устраиваете грандиозные космические учения по отражению агрессии внеземной цивилизации. Почему же вы тогда считаете для себя допустимым активно вмешиваться в судьбы других обитаемых миров? Вы навязываете иным гуманоидам свой образ жизни, но кто сказал, что ваш образ жизни самый правильный и вообще единственно возможный? Обитатели Тагоры и Леониды не нуждаются в вас и вашем прогрессорстве – они отлично обходятся без вашего вмешательства. И голованы вряд ли обрадуются, если вы вдруг вздумаете устанавливать в их пещерах свои порядки. У них свой образ бытия, скажете вы, но почему же вы лишаете возможности жить по-своему тех же саракшиан и арканарцев?

– Мы помогаем, – упрямо повторил Максим. – Мы уменьшаем количество зла на этих планетах. А что касается голованов – они не гуманоиды, и мы не можем экстраполировать на них наш исторический опыт.

– А на саракшиан и обитателей Саулы, значит, можете... Ещё раз: почему вы так уверены, что ваш собственный исторический опыт уникален, бесценен и непременно должен быть повторен везде, где обитают гуманоидные расы? Вы считаете себя богами, имеющими право творить по образу и подобию? Вы, подростковая раса, едва ступившая на звёздные тропы!

– Но законы развития социума едины для всей Вселенной...

– А вы уверены, что вы в полной мере познали эти законы? К вершине ведут тысячи дорог, вы идёте по одной из них, так почему же вы стараетесь завернуть на свою дорогу всех, кто идёт своим путём? Жизнь развивается *сама* – самая первая разумная раса, возникшая при зарождении этой Вселенной, как-то сумела обойтись без прогрессоров.

Максим молчал.

– А насчёт добра и зла, – продолжал Странник, – нет абсолютного Добра и Зла, это старая истина, справедливая для всей Вселенной. А Зло как таковое не только неистребимо – оно необходимо: чтобы двигаться вперёд, нужно от чего-то отталкиваться. На любом уровне развития своё Зло, и вы, выйдя в космос, ещё столкнётесь со Злом, отличающимся от того, которое вы одолели на своей планете. И это тоже закон развития социума.

Максиму почудилась усмешка в голосе Странника, но нет, тот говорил по-прежнему бесстрастно.

– Означает ли это, – спросил землянин, – что у вас, Странников, есть противник, по крайней мере, не уступающий вам по своим возможностям?

– Такой противник у нас есть, и поле битвы – всё Мироздание. Мы боремся с ним за каждую планету, за каждую Реальность, населённую разумными, сохраняя равновесие Света и Тьмы. А вы, земляне, здесь, на Саракше, качнули это Равновесие, вознамерившись создать многочисленную расу *настоящих* людей одним махом.

– А разве это недопустимо? Ведь мы же творим добро! Добро по нашим меркам, но мне почему-то кажется, что в данном случае оно не отличается от общевселенского добра.

– Само по себе это прекрасно, и мы отдаём должное вашему Сикорски, сумевшему убедить Землю в необходимости такого шага. И в данном случае вы действительно творите добро – беда в том, что вы творите его слишком поспешно.

– Не понимаю...

– Объясняю. Стремительное – за время жизни одного поколения – появление на этой планете десятков миллионов *просветлённых* разумных сравнимо с яркой вспышкой. На свет этой вспышки потянется Тьма – Равновесие резко нарушится, и Тьма будет восстанавливать баланс. Саракш будет атакован, причём такими силами, что даже мы, Странники, не сможем его отстоять, не говоря уже о вас, землянах. Теперь понимаете?

– В общих чертах, – признался Максим.

– Постарайтесь понять в деталях. Вы сумеете это сделать: ваше сознание достаточно развито, поэтому мы к вам и обратились. Естественность хода событий неспешна – её нельзя прищипоривать, иначе можно просто загнать скакуна эволюции.

А действительно, почему они вышли на контакт со мной, а не с Рудольфом, подумал Максим. Сикорски руководитель, а я – я всего лишь его помощник.

– Вы Святой Мак, и ваш авторитет в бывшей Стране Неизвестных Отцов огромен – вы очень сильный фактор влияния, Максим. Скажу больше – ваше появление на Саракше состоялось не без нашего участия. Вероятностные прогнозы вашего возможного воздействия на этот мир были весьма позитивными; мы помогли вам попасть на эту планету, несмотря на то, что она была закрыта для случайных посещений, и помогли вам без особых затруднений вписаться в её мир. А Рудольф Сикорски... Я мог бы вам объяснить, кто он такой, и кем он был в прошлом, но для этого мне пришлось бы углубиться в категории, глубоко чуждые вашему материалистическому мировосприятию. Бессмертие души, реинкарнации – для вас это пустой звук, так, отголоски религиозных верований. Не будем об этом – растягивание времени требует немалых энергозатрат, и мне не хотелось бы заниматься этим слишком долго.

Последнее Максим не понял, но переспрашивать не стал – на него и так обрушился целый водопад информации.

– И что же вы от меня хотите? – спросил он. – Чтобы я свернул свою работу в Городе Просвещения?

– Вы сделали уже достаточно. В тесто под названием Саракш брошен фермент: ваши ученики и ваши будущие пандейские потомки. Теперь отойдите в сторону и не мешайте – тесто взойдёт и без вас, а все ваши дальнейшие потуги могут только повредить. Почему – это я уже сказал. По сути, вы сделали то же, что и мы, создавшие племя Птицеловов – эмбрион будущего саракшианского человечества, *истинного* человечества.

– Значит, Небесными Отцами были вы, Странники?

– Да.

Вот так мозаика, подумал Максим.

– Но вы же говорили, что не занимаетесь прогрессорством. А как согласуется с этим утверждением создание целого племени генетически изменённых людей?

– Это посев, – пояснил Странник, – и не более того. Мы бросили семя в благодатную почву, а взойдёт оно или нет – это уже зависит от множества причин, и в первую очередь от того, насколько это семя окажется жизнеспособным. Будущее племени Птицеловов в руках самих горцев, будущее Саракша – в руках самих саракшиан. Мы оберегаем наши посевы от внешних негативных воздействий – только от внешних! – а внутренний рост и развитие – тут мы не можем вмешиваться без риска нарушить Закон Равновесия и принцип свободы воли. Допустимо только крайне осторожное и дозированное воздействие, причём совсем не такое, каким занимаются ваши прогрессоры в Арканаре. Мы работали в прошлом с Землей, но это нельзя назвать прогрессорством – мы только убирали внеземной негатив, с которым вы не смогли бы справиться самостоятельно. Чем выше мощь любой разумной расы, тем выше её мера ответственности – высокое могущество подразумевает и высочайшую ответственность за свои деяния. Вам это ещё предстоит узнать, землянин, узнать и главное – понять.

– Хорошо, – согласился Максим, – с масштабным вмешательством более-менее ясно. Но почему нельзя спасти от жестокой расправы просвещённых людей, как это делают наши наблюдатели в Арканаре? Неужели спасённый от костра поэт немедленно вызовет яростную реакцию вселенской Тьмы, которая обрушит на арканарцев неисчислимые бедствия?

– Не вызовет – на такие мелочи Тьма не реагирует, как не реагирует Свет на войны и нашествия диких орд на цветущие земли. Но сам факт присутствия прогрессоров на какой-либо планете уже меняет её историю, а если вы спасаете какого-то человека, вы спасаете и всех его потомков – изменения накапливаются, и вариативность истории возрастает. В большинстве случаев основной поток истории сглаживает и нивелирует отклонения, возвращаясь в общее русло, но могут быть и нюансы. Вероятность непредсказуемых поворотов невелика, однако с нею нельзя не считаться.

Принцип бабочки, подумал Максим, вспомнив когда-то прочитанный фантастический рассказ какого-то писателя – кажется, он жил двести лет назад, ещё в двадцатом веке.

– Есть и другая причина, – дубль сделал паузу, как будто к чему-то прислушиваясь. – Вы не терпите чужого вмешательства в земные дела, а вам никогда не приходило в голову, что обитателям других миров может не понравиться ваше присутствие, ваше вмешательство и ваши попытки благоустроить их жизнь на ваш, земной, манер? Здесь, на Саракше, пятьсот лет назад «прогрессоры» с материка приплыли на Благословенные Острова, и что в итоге? Вековая ненависть айкров и реальная перспектива гибели всей планеты в результате ядерной войны!

– Мы никого не завоевываем, – возразил Максим, – и никому не навязываем свою волю. Мы просто помогаем, причём искренне и безвозмездно – нам ничего не нужно ни от саракшиан, ни от арканарцев, ни от обитателей Саулы.

– Помогаете... Бывает, что матери балуют своих детей, из которых потом вырастает такое... А бывает и так, что ребёнку надоедает вечная опека матери и её попытки вылепить из него желаемое, и ребёнок бунтует, причём порою очень жестоко бунтует – об этом вы не задумывались? Но главное – история любой разумной расы очень многовариантна, на её ход влияет любой абориген, а тут ещё вы с вашими благими порывами. Будущее Саракша и так очень неопределённо – вот, смотрите.

Странник что-то сделал, и Максим увидел...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВДЫХАВШИЕ СМЕРТЬ

...Вода со стоном раздалась, вытолкнув серую остроконечную тушу. Баллистический снаряд, опираясь на ревущее пламя, полез вверх, выгибая своей тяжестью тянущийся за ним дымный шлейф. Следом из беснующейся белой пены выныривали другие ракеты – атомная стая понеслась к материку, к бывшей Стране Неизвестных Отцов. А над Благословенными Островами развернулась веером эскадрилья восьмимоторных «ангелов смерти», и пилоты с каменными лицами нажали кнопки бомбосбрасывателей, высвобождая из оков водородных чудовищ, свирепо ринувшихся вниз, на города айкров. Рычащие огненные волны выгладили лик несчастной планеты, стирая в пыль творения рук человеческих...

* * *

Танк был старый и ржавый. Стоял он здесь, судя по всему, давно: гусеницы вросли в землю, пятна ржавчины, обильно заляпавшие броню, были густо присыпаны серой пылью – ветер, свободно гулявший среди развалин, поднимал густые клубы этой пыли, похожей на многократно перемолотый тонкий пепел. С бортов танка свисали пряди какой-то ползучей дряни – то ли плотная паутина, то ли плети «мёртвой лозы», напоминавшие разлохмаченные заплесневелые верёвки. Длинный орудийный ствол был слегка погнут – наверно, на него упал обломок рухнувшей бетонной стены: один из тех, что громоздились у лобовой части боевой машины.

Га-Руб подошёл к танку, потрогал броню и понюхал пальцы, испачканные пылью.

– Пустой, клянусь демонами барханов, – сообщил он, повернувшись к десятнику. – И мёртвый. Беспольный кусок железа.

Не ответив, Бал-Гор обошёл бронированную машину и внимательно оглядел её со всех сторон. Вытащил из-за пояса боевой топор и с силой ударил рукояткой по сизой броне – посыпалась ржавая пыль.

– Пустой, – согласился он. – И стоит он здесь со дня Гнева Богов. Вот, смотрите, – он указал короткопалой ладонью на стык башни и корпуса: туда, куда пришёлся его удар. Пыль и грязь осыпались, и на металле отчётливо видны были следы оплавления. – Пламя Гнева лизнуло броню – значит, оно родилось где-то поблизости.

Сделать подобный вывод было нетрудно – обожжённые руины, останки сметённых домов, засыпавших узкие проходы, когда-то бывшие улицами, свидетельствовали о том, что слепящее Око Гневного Бога вспыхнуло где-то здесь. И Пищей здесь пахло гораздо сильнее, чем в паре тысяч шагов отсюда – там, где разведчики вошли в зону сплошных разрушений. Однако и Га-Руб, и Хван-За сочли за лучшее изобразить на своих плоских лицах восхищение прозорливостью Бал-Гора – он, как-никак, десятник, а они простые бойцы-секироносцы. И оба воина почтительно молчали, ожидая дальнейших распоряжений своего командира.

– Но всё-таки нужно попытаться залезть внутрь, – продолжал Бал-Гор. – Там можно найти пару черепов и патроны, – он провёл рукой по стволу пулемёта, торчавшему из лба танка, и вытер о штаны ладонь, испачканную ржавчиной.

Бал-Гор слегка хитрил. Черепа дохлятников его не слишком интересовали – черепов этих в руинах тысячи, стоит только нагнуться (или не нагибаясь выковырнуть костяной шар из праха носком сапога). И даже патроны волновали его не очень, хотя это добыча ценная. Бал-Гор хотел попытаться завести старинную машину. Шансов на удачу было немного, но всё-таки. Один раз Великий Бог уже одарил его, Бал-Гора, своей милостью – именно он, Бал-Гор, сумел оживить ветхий автомобиль, найденный в подземном гараже. Перекрытия гаража рухнули, но очень удачно – упавшие потолочные балки образовали подобие шатра, внутри которого оказалась автомашина. Корпус и капот немного помяло, однако двигатель остался целым. Все попытки заставить телегу дохлятников двинуться с места были тщетными, пока Бал-Гор не нашёл оборванную трубку, по которой горячая вода поступала в смеситель, и не срастил её. И после этого жизнь его изменилась – из Имеющих-Право-Убивать-и-Умирать он перешёл в разряд Имеющих-Право-Учиться и стал десятником, Имеющим-Право-Отдавать-Приказы. А если удастся пригнать в лагерь боевую машину дохлятников – своим ходом! – о, за это награда будет куда весомее. Воинам песков нужны боевые машины – на севере, в лесах, до сих пор прячутся пережившие Гнев Богов, и не только прячутся, но и стреляют из-за деревьев в боевые колесницы песчаных людей. И в горах тоже остались непокорённые – две военные экспедиции, посланные в Страну Зартак Владыкой Горячих Барханов, великим властителем царства Ондол, были истреблены горцами до последнего человека. И есть, наконец, за морями Страна Островов, по которой тоже вволю погулял Огонь Богов, – там много Пищи и много места для народа песков. Но до Островов надо ещё доплыть, и поэтому Имеющие-Право-Думать охотятся за любыми образцами техники дохлятников, военной и невоенной, и воины, находящие такие трофеи, получают награду – хорошую награду. Для начала – женщину из Имеющих-Право-Услаждать-Воинов, причём можно выбрать хорошую женщину, которая будет сладко урчать, словно поющая ящерица, когда ты распластаешь её на кошке и займёшься с ней приятным делом. И это только минимум – за исправный танк дохлятников можно получить и очень достойную женщину из числа Имеющих-Право-Быть-Матерями и рожать новых воинов Ондола. Конечно, гаремы есть только у Имеющих-Право-Повелевать – ему, десятнику Бал-Гору, до этого пока ещё далеко. Но любой десятник может стать сотником, а любой гарем начинается с одной женщины.

Сбивая сапогами висячую грязь, затянувшую танк, Бал-Гор вскарабкался на башню. Кольцевая щель люка заросла заскорузлой пылью и приржавела: десятнику долго пришлось ковырять её остриём ножа, чтобы очистить зазор от набившегося в него мусора. Очистив

цель, он сунул в неё лезвие топора и нажал. Бесплезно – крышка прикипела намертво (или была закрыта изнутри), и нажать сильнее означало рисковать поломкой оружия (за что его, Бал-Гора, наверняка не похвалят, хоть он и младший командир).

Однако песчаный воин не впал в уныние. Его обучили не только имперскому языку и основам письменности дохлятников (полезное знание, оно не раз уже его выручало, когда требовалось разобраться с найденными трофеями) – он кое-что знал об имперской военной технике. В частности, ему было известно, что танки типа «дракон» – а найденный ими танк был как раз этого типа – имели и нижние люки.

– Посмотрите вниз, – распорядился десятник (зачем утруждать самому, когда у тебя есть подчинённые?). – Там, на днище, – между гусеницами, ближе к корме, – должен быть ещё один люк. Проверьте его, живо.

Просвет между днищем танка и землёй был невелик – Га-Рубу стоило немалых трудов втиснуть туда своё грузное тело. Воину изрядно мешал шипастый панцирь, однако снимать его он не стал: в развалинах до сих пор попадались иногда чудом выжившие дохлятники, и эти безумцы зачастую нападали на песчаных людей.

– Помогите ему, – приказал Бал-Гор второму бойцу, и Хван-За послушно полез под боевую машину, пыхтя и сопя от натуги. Десятник остался сидеть на башне, положив на колени винтовку и вглядываясь в руины – не шевелится ли там что (или кто).

Он слышал, как его воины возятся под танком, потом залязгал металл, пронзительно закрипело, и Хван-За – его писклявый голос не перепутаешь ни с каким другим – вякнул, как пустынный кот, которому прищемили хвост: похоже, его приложило крышкой люка.

– Открыли, – придушенно доложил Га-Руб. – Лезу внутрь.

– Погоди, – остановил его Бал-Гор. – Я сам. Вылезайте, и стойте на страже.

Сам, подумал он, конечно же сам. Секироносцы открыли ему дверь, но руку к добыче протянет он, десятник, – как же иначе?

Под танком было тесно, однако десятник вполз туда змеей – ловкости ему было не занимать. Нижний люк был открыт – вернее, приоткрыт, краем он упирался в слежавшуюся землю. Бал-Гор протиснулся в люк – в танке было темно, и пахло смертью, старой смертью. Десятник полез дальше, зацепился за какой-то выступ, и тут ему на голову обрушилось что-то непонятное: не слишком тяжёлое и напоминавшее пустой мешок.

Настоящий воин не станет паниковать по пустякам, к тому же глаза Бал-Гора уже привыкли к темноте. Десятник быстро понял, в чём дело: на него свалился истлевший труп дохлятника, сидевший на командирском сидении, – куча высохших костей, упакованных в промасленную ткань комбинезона. Головы у костяка не было – наверно, череп упал раньше и откатился куда-то в сторону. Равнодушно отодвинув останки, Бал-Гор добрался до сидения механика-водителя и разглядел там ещё один труп, тоже в комбинезоне, и тоже истлевший до состояния скелета, обтянутого сухой коричневой кожей, – у этого дохлятника череп был на месте.

Оглядевшись, он первым делом потянулся к пулемёту. Лента застряла в патроннике, пришлось вырвать её с мясом. Но ничего, она была длинной, и в ней было много патронов – похоже, танкисты не сделали из пулемёта ни одного выстрела до того, как на них рухнуло Пламя Гнева.

Обмотавшись пулемётной лентой – она действительно оказалась длинной, – Бал-Гор начал осматривать рычаги управления, вспоминая всё, что он знал, и чему его учили, и в это время по броне снаружи звонко клацнуло, а затем десятник услышал несколько выстрелов – два рядом (стрелял кто-то из его воинов) и три отдалённых, приглушенных.

Проклиная всё на свете, Бал-Гор вывалился из люка, и первое, что он увидел, были подошвы сапог – добротных сапог, в которых удобно ходить по пескам, – торчащие из-за гусеничных траков. Подошвы торчали носками вверх – владелец этих сапог лежал навзничь. Раздались ещё два выстрела, один за другим, и наступила тишина.

– Га-Руб! – крикнул десятник, не спеша высовывать нос наружу. – Хван-За!

– Я здесь! – отозвался Га-Руб. – А Хвану не повезло – он уже разговаривает с Великим

Богом, командир.

Ориентируясь по голосу, Бал-Гор дополз до носовой части танка и подобрал свою винтовку, оставленную им возле правой гусеницы, – лезть в тесное нутро бронированной боевой машины с такой оглоблей было бы неразумно. Хван-За не шевелился – десятник видел теперь его ноги почти до пояса. Снаружи больше не стреляли, и Бал-Гор выскользнул из-под днища, метнулся к ближайшему нагромождению каменных обломков, за которыми укрывался Га-Руб, и плюхнулся рядом с ним на живот, не обращая внимания на острые осколки кирпича, коловшие колени.

– Кто стрелял? Дохлятники? – спросил он, сплюнув набившуюся в рот серую пыль.

– Не знаю, – отозвался Га-Руб, напряжённо всматриваясь в развалины. – Я не видел. Наверно, они, больше некому. Хван-За сразу упал, а я залёг, и начал стрелять в ответ. Били оттуда, – он мотнул головой, – вон из-за той скошенной стены. Я вогнал туда три пули, но попал или нет, сказать не могу. Посмотрим?

Секунду подумав, десятник кивнул: нельзя возвращаться в лагерь, принеся погибшего воина и не сделав даже попытки отомстить за его смерть. Га-Руб побежал вперёд, пригибаясь и намотав на руку ремень винтовки, а Бал-Гор взял на прицел скошенную опалённую стену в сотне шагов от старого танка – если оттуда кто высунется, ему не поздоровится. Добежав до стены, Га-Руб залёг, выставив перед собой ствол: теперь он прикрывал своего командира от выстрела из-за камней, и Бал-Гор прыжками бросился к нему.

За обожжённой стеной никого не было, только валялись среди мусора пустые гильзы. Пятен крови воины тоже не обнаружили, значит, Га-Руб промахнулся и не приласкал никого из нападавших (судя по следам, их было не меньше двух). Плохо, но винить бойца в этом не стоит: противник стрелял из засады, хорошо укрывшись, и напал неожиданно. Но вообще-то странно: дохлятники не переносят благословенного Дыхания Бога, оно для них смертельно – что им понадобилось здесь, где это Дыхание такое сильное, что Бал-Гор ощущает его кожей лица? Может, где-то тут спрятано что-то очень ценное? Или... Или стрелявшие из-за стены устойчивы к Дыханию (говорят, такие среди них попадаются – например, в горах) и ушли, почувствовав, что дольше находиться здесь им уже опасно? Они же всё-таки не песчаные люди, для которых Дыхание Бога – Пища. Как бы то ни было, надо возвращаться в лагерь, чтобы придти сюда вдесятером и выяснить, что это были за дохлятники, и что им здесь было нужно.

Вернувшись к танку, Бал-Гор посмотрел на Хван-За. Воин лежал на земле, раскинув руки; вместо левого глаза у него зияла кровавая дыра. Пуля пробила мозг; не надо было быть Имеющим-Право-Думать, чтобы понять – Хван-За мёртв, да будет он счастлив в пустынях Верхнего Мира, где всегда сияет Мировой Свет, и где всегда много Пищи.

– Унесём его с собой, – распорядился десятник. – Нас двое, будем чередоваться.

Га-Руб беспрекословно взвалил мертвеца на свою широкую спину: если слово сказал Имеющий-Право-Отдавать-Приказы, Имеющий-Право-Убивать-и-Умирать обязан следовать этому слову и тащить убитого товарища, не жалуясь и не требуя, чтобы его сменили или помогли бы ему нести эту ношу.

Бал-Гор закинул за плечи две винтовки – Га-Руба и Хван-За, – взяв свою наизготовку. И уже отойдя от места короткой перестрелки шагов на пятьсот, он ещё раз оглянулся, словно пытаясь понять, что же всё-таки понадобилось дохлятикам в таком «горячем» месте. Бал-Гор ни секунды не верил в то, что дохлятников интересовал старый ржавый танк с мёртвым экипажем.

* * *

– Ты, выползок песчаной гадюки, – злобно пробормотал Ур-Джид, – чему тебя только учили Имеющие-Право-Думать! Ты не должен был лезть в эту ржавую жестянку, ты должен был смотреть по сторонам – сам, ты же десятник! Нет, тебе захотелось трофеев...

Сотник был не прав, но Бал-Гор молчал: со старшим не спорят – так повелевает Яса,

закон песчаных людей. Воины гибнут в боях, и это тоже закон. А злится Ур-Джид не потому, что десятник Бал-Гор потерял одного воина, а потому что тот вернулся живым, а не поймал глазом пулю дохлятников. Ур-Джид тугодум, но он давно уже понял, что десятник Бал-Гор метит на его место, и сотник дорого бы дал за сладостную для него весть о том, что «этот умник» наконец-то не вернулся из очередного рейда по развалинам.

– Тебе бы плетей, – шипел Ур-Джид, – и ты их избежишь только потому, что принёс мне вот это, – сотник покосился на пулемётную ленту, аккуратно сложенную у его ног. – Но не мечтай о том, что сегодня ночью тебя будет греть Имеющая-Право-Услаждать-Воинов – ты этого не заслужил. Уйди с глаз моих, охвостье жёлтого тарантула!

На лице Бал-Гора не дрогнул ни один мускул. Он почтительно поклонился сотнику и пошёл к воинам своего десятка, терпеливо ожидавшим его возвращения. Неудовольствие Ур-Джид не распространилось на воинов Бал-Гора – за найденный танк десяток получил от сотника канистру «весёлой воды», омывающей головы блаженством и окрашивающей серую пыль мёртвых развалин в жёлтый цвет горячего песка их далёкой южной родины. Воины глотали слюну, с вожделием поглядывая на пластиковую емкость, но без своего командира не смели начать пиршество. А Га-Руб получил и женщину – ещё издали Бал-Гор заметил её, сидевшую рядом с воином, увлечённо (и наверняка не в первый раз) пересказывавшим своим товарищам все перипетии стычки с дохлятниками.

При появлении десятника секироносцы дружно вскочили на ноги. Бал-Гор небрежно махнул рукой, откуда-то мигом появилась металлическая чаша (чаша эта была походным котелком legionera – солдата элитного подразделения могучей державы, сожжённой Гневом Бога), наполнилась «весёлой водой» и пошла по кругу. Люди песков пили, и грызли жареное мясо – в последнее время божественной Пищи в окрестностях лагеря стало заметно меньше, воины возвращались из рейдов голодными, и голод заставлял их охотиться на всё съедобное: в первую очередь на крупных бурых крыс, расплодившихся среди развалин. Да, подумал десятник, хорошо бы нам найти Кормушку – говорят, раньше, до Дня Гнева, они здесь были, и не одна: ведь на месте этих развалин, тянувшихся на десятки тысяч шагов, стояла когда-то столица страны дохлятников – врагов, теснивших пустыни к югу. Но Великий Бог защитил своих детей: он явил жгучий гнев свой, и города дохлятников сгорели, а на их месте остались руины, пропитанные Пищей. И Бог отдал все эти развалины народу песков – дохлятники в таких местах жить не могут, от запаха Пищи они болеют и умирают (поэтому-то, собственно, их и называют дохлятниками). Хотя, вспомнил Бал-Гор, залезли же они в *эпицентр взрыва* (рядовые воины-секироносцы, не знающие умных слов, называют такие места Следами Ока Гневно́го Бога). И хотелось бы знать, зачем они туда полезли...

«Весёлая вода» развязала языки. Песчаные воины вспоминали бои и хвастались друг перед другом числом убитых врагов, подтверждая свои заслуги демонстрацией черепов. Бал – Гор только усмехался, слушая эти рассказы. Да, бои действительно были – вся жизнь воинов Ондола состояла из непрерывных схваток с теми, кто отличался от них самих, – но черепа... Черепа можно было найти в развалинах городов, испепелённых Гневом Бога, а уж сочинить историю о том, как ты одним топором положил десяток (нет, два десятка) дохлятников или там, скажем, злобных колдунов гор, лесов и подземелий, – этим простодушные дети пустынь занимались с очень большой охотой. Десятник Бал-Гор и сам был таким же, как они, и если и отличался от простых секироносцев, то на самую малость. И поэтому он не возражал против неумеренных славословий непобедимым героям – в конце концов, главное в этих рассказах было правдой: мир дохлятников действительно враждебен миру песчаных людей, и вечная война между ними была неизбежной.

– Командир... – услышал он и обернулся.

Рядом с ним стоял Га-Руб (было заметно, что «весёлая вода» крепко ударила ему в голову), держа за руку Имеющую-Право-Услаждать-Воинов. На ней была короткая кожаная юбка, открывавшая ноги выше колен, ожерелье из пустых гильз и тонкая безрукавка, прикрывавшая грудь, но оставлявшая открытыми живот и талию. Женщины народа песков легко переносят и жару, и холод – им нет нужды кутаться, а Имеющие-Право-Услаждать-

Воинов всегда помнят о том, что они обязаны привлекать мужские взгляды и вызывать желание. Она стояла спокойно и казалась равнодушной, хотя время от времени бросала то на Га-Руба, то на Бал-Гору быстрые взгляды – у живой вещи, чьё единственное предназначение – быть сладкой, были какие-то свои мысли (которые, впрочем, никого не интересовали).

– Командир, – повторил Га-Руб и облизнул губы, – я знаю, Ур-Джид поступил с тобой несправедливо. Я хочу уступить тебе свою награду, – он кивнул в сторону Услаждающей, – или, если хочешь, мы будем любить её вдвоём. Я сказал, командир.

Бал-Гор не ответил. Он смотрел на женщину. Она была типичной дочерью народа песков – коренастой, плотной, темноволосой, с раскосыми чёрными глазами. На левом плече женщины видна была синяя татуировка – ящерица, кусающая цветок, – и это означало, что носительница этого знака искушена в искусстве любви. Да, подумал Бал-Гор, она наверняка умеет дарить наслаждение, и ночь с ней должна быть жаркой. Ур-Джид не поскупился: такие женщины не часто достаются простым воинам, рядовым секироносцам, – обычно они делят кошму с десятниками и сотниками, и даже с тысячниками. В Ясе записано, кто на что имеет право, от прислужника, единственное право которого – быть покорным, до Великого Царя, Имеющего-Право-Повелевать-Всеми-и-Вся. Яса, закон народа пустынь, составлена мудрыми людьми, и не ему, десятнику Бал-Гору, сомневаться в их мудрости. Сомнение вообще опасно – оно разрушительно.

Десятник Бал-Гор смотрел на женщину, покорно ждущую его слова, и вдруг понял, что он её не хочет, несмотря на татуировку на её плече, и даже на то, что вот уже две недели никто не грел ему кошму. Он понял, что не хочет ни Имеющую-Право-Услаждать-Воинов, ни Имеющую-Право-Быть-Матерью, ни даже Имеющую-Право-Делить-Ложе-с-Имеющими-Право-Повелевать. Ему вдруг остро захотелось чего-то *настоящего*, а не положенного по закону Ясы (разрешавшего, среди всего прочего, насиловать жён побеждённых), вот только десятник Бал-Гор не знал, что же оно такое есть, это *настоящее*, и какое оно.

– Благодарю тебя, воин, – произнёс он с оттенком суровости, – но решения старших не могут быть несправедливыми: так гласит Яса. Считай, что я не слышал твоих дерзких слов, секироносец Га-Руб. Твоя награда – это твоя награда: наслаждайся ею, и да будет упруг твой корень.

* * *

...Каменное море развалин казалось бесконечным. Берега его терялись в туманной дымке – там, где земная твердь выгибалась вверх, смыкаясь с вогнутым тусклым небом. Ни звука, ни шевеления – мёртвый мир, наводящий тоску на любого, кто радуется жизни со всеми её цветами, звуками и запахами. Но десятник Бал-Гор смотрел на каменную пустыню с каким-то мрачным удовлетворением – это был его мир, мир, очищенный Богом от врагов и отданный волей Его любимым его детям: людям народа песков, которым надлежит владеть этим миром отныне и навсегда. В руинах, обожжённых Пламенем Гнева и переполненных Дыханием Бога, нет места никому, кроме воинов Ондола: всё живое здесь умерло, исключая тех, кому удалось бежать, спасая свои жалкие жизни. А если кто-то почему-то остался – что ж, секиры воинов Юга подарят ему быструю смерть.

Держа оружие наизготовку, Бал-Гор пристально всматривался в развалины. Минуту назад ему показалось, что за грудой битого кирпича – наверно, раньше здесь стоял дом, где когда-то жили дохлятники, – что-то шевельнулось. Возможно, это была большая бурая крыса – такие здесь водились, – только она была очень уж большой, если сумела обрушить наземь несколько кирпичей. И десятник замер, положив палец на спусковой крючок винтовки: он знал, что очень большие крысы ходят, как правило, на задних лапах, у крыс этих нет хвоста, а в передних лапах они носят что-нибудь огнестрельное – именно такие крысы убили Хван-За.

Среди руин сочилась тишина, нарушаемая лёгким посвистом ветра. Никого и ничего – кирпичи могли ведь упасть и сами. Бывает, подумал Бал-Гор, только я уверен, что на этот раз

камни посыпались не сами по себе, клянусь демонами барханов. Жаль, что я здесь один, и что рядом нет того же Га-Руба, но по-другому было нельзя...

...К найденному ими танку Бал-Гор не вернулся. На следующий же день Ур-Джид послал туда два других десятка и боевую колесницу. Не один Бал-Гор разбирался в технике дохлятников – завести боевую машину секироносцы не сумели, но они откопали и очистили гусеницы и притащили трофей в лагерь на буксире, захлестнув его ржавую башню прочным волосяным канатом. А потом появились двое в плащах Имеющих-Право-Думать, и Ур-Джид получил награду – имперские танки находят в развалинах не каждый день. Сотник ликовал, однако Бал-Гор воспринял случившееся со стоическими равнодушием, хотя и понимал, что Ур-Джид проделал всё это только для того, чтобы не дать ненавистному «умнику» лишней возможности отличиться. Старший всегда прав, сказал себе Бал-Гор и забыл о случившемся: его мысли были заняты поиском ответа на вопрос «Что искали дохлятники в эпицентре?». Да, искать ответы на заковыристые вопросы – этим занимаются Имеющие-Право-Думать, но запретить себе думать Бал-Гор не мог, да и не хотел.

На третий день он пошёл к сотнику и осторожно намекнул ему о своих подозрениях, испросив при этом разрешение на повторную тщательную разведку района эпицентра. Ур-Джид долго думал – Бал-Гору казалось даже, что он слышит, как у тупоголового сотника от натуги скрипят мозги, – но в итоге разрешение дал. Ход его мысли был прост: Ур-Джид не верил, что в Следе Ока Гневного Бога можно найти что-то особенное – Пламя Гнева сжигает всё, до чего дотянется, – но там бродят дохлятники, и они умеют стрелять. А раз так, почему бы им не взять на мушку десятника Бал-Гора – Великий Бог уже заждался «этого умника» в щедрых небесных пустынях. Если же, паче чаяния, настырный десятник и впрямь разыщет в руинах что-то ценное, награда не минует и его командира, сотника Ур-Джиды. А если умник Бал-Гор присоединит свой череп к черепам дохлятников, рассыпанных по развалинам, и его обглодают вечно голодные бурые крысы, тысячнику не в чем будет упрекнуть сотника Ур-Джиды: сотник Ур-Джид разрешил десятнику Бал-Гору отправиться в опасное место, потому что десятник Бал-Гор надеялся отыскать там нечто, способное возвеличить мощь Великого Царя, владыки Ондола. И это будет правдой – Имеющий-Право-Слушать-и-Сообщать, тенью следовавший за командиром сотни, подтвердит его слова.

...За кирпичной грудой по-прежнему ничего не шевелилось. Бал-Гор подождал ещё с минуту и направился туда, пробираясь среди бетонных обломков – остатков высокой стены, окружавшей когда-то довольно большое пространство. Дохлятники огораживали стенами места, куда разрешалось входить не всем, припомнил Бал-Гор, а это значит, что здесь было что прятать. А если здесь было что прятать, я могу это «что-то» найти, подумал он, чувствуя нарастающий охотничий азарт.

Он уже почти добрался до груды битых кирпичей, когда прямо над его головой, в двух ладонях, в бетонную глыбу с хрустом ударила пуля, подняв облачко белёсой пыли.

* * *

В опасные места поодиночке не ходят. Бал-Гор отправился в рейд по руинам со всем своим десятком, и поступал так раз за разом, давая своим воинам между вылазками только краткий отдых. Но развалины обширны, и в каменном лабиринте секироносцы разделились на пары и разошлись. Бал-Гор остался один (взамен погибшего Хван-За ему пока ещё никого не прислали, и его десяток был неполным), но это не слишком его огорчило. Бал-Гор даже почувствовал что-то вроде облегчения – никто не будет путаться под ногами, и если поиск будет удачным, вся слава достанется только ему одному, и никакой Ур-Джид ничего уже тут не сделает.

Лёжа носом вниз – так, что обломки кирпичей царапали щеку, – Бал-Гор размышлял. Стреляли в него, больше никого тут нет на добрую тысячу шагов, и стрелял враг – это ясно. Однако вопросы оставались, и их было много. Если этот враг охотится на песчаных людей, почему он не подкрался к лагерю и не выцелил пару-тройку воинов, когда те мирно сидят у

своих костров, не ожидая нападения? Да, лагерь охраняется, но из дальнобойной имперской винтовки, которые у дохлятников есть – это Бал-Гор знал наверняка, он сам находил такие винтовки на трупах врагов, – можно вогнать пулю в голову (если, конечно, умеешь стрелять) с нескольких сотен шагов, прячась среди каменного хаоса (особенно в сумерках, когда в руины заползают вечерние тени). И стрелять дохлятники умеют – покойный Хван-За мог бы это подтвердить. А здесь, среди развалин, взять добычу куда труднее: в рейдах воины песков держатся настороже, и стреляют на любой подозрительный шорох. И ещё – руины вблизи от Следа Гневного Ока не самое хорошее место для засады: Дыхание Бога смертельно для всех, кто не принадлежит к песчаному племени (или почти для всех). Значит, его, Бал-Гора, хотели убить не потому, что он воин Ондола, а потому что он идёт туда, куда его не хотят пустить.

Не вставая, десятник стянул с себя куртку. Враг был где-то рядом, воин песков чуял его присутствие, и враг этот ждал первого неосторожного движения Бал-Гора, чтобы сделать его поживой для бурых крыс. Вытянув из-за пояса секиру, ондолец надел на рукоять куртку и прицепил к ней тонкую верёвку – запасливый десятник всегда таскал её с собой: невелик груз, а может и пригодиться. Стелясь по земле и пятясь задом, он отполз на несколько шагов в сторону и просунул ствол винтовки в щель между бетонными обломками – по пулевой отметине на стене можно было прикинуть (хотя бы примерно), откуда стреляли. Кругом было тихо: потревоженная тишина руин съела звук выстрела и опять уснула. Взяв на прицел подозрительный выступ (за ним вполне мог кто-то прятаться), Бал-Гор осторожно потянул за верёвку. Рукоять топора с висящей на ней курткой приподнялась, и...

Бах, бах! Два выстрела последовали один за другим. Краем глаза Бал-Гор заметил две вспышки немного левее отмеченного им выступа, у бетонной плиты, лежавшей плашмя, и послал туда три пули, чуть смещая ствол после каждого выстрела.

От плиты метнулась серая тень, торопясь скрыться в развалинах. Бал-Гор выстрелил ещё раз, схватил левой рукой топор (куртку можно подобрать потом) и прыжками понесся к бетонной плите, ловко лавируя среди хаоса обломков, – опытный воин уверенно ступал там, где какой-нибудь дохлятник давно бы уже сломал себе ногу на острых каменных осколках.

За плитой никого не было, но Бал-Гор увидел на толстом слое серой пыли следы ног – маленькие следы маленьких ног. И ещё он заметил на светлом бетоне несколько красных капель и понял, что хотя бы одна его пуля вкусила вражеской плоти. Враг был ранен, теперь оставалось только настичь его и кое о чём расспросить: до того, как он умрёт. Пригнувшись, десятник сунул секиру в поясную петлю, быстро перезарядил винтовку, шагнул вперёд и увидел за скошенным краем плиты чёрный зев подземного хода и сдвинутый в сторону лист железа – крышку лаза, которую раненый враг не смог за собой закрыть.

Лезть за вооружённым (пусть даже раненым) врагом в тесноту и темноту подземелья было сущим безумием. Бал-Гор замер на полушаге, прикидывая, не позвать ли ему своих воинов, обшаривавших руины, мотнул головой, как будто убеждая в чём-то самого себя, и решительно протиснулся в лаз, подчиняясь инстинкту, заставлявшему его не терять след, пока враг не оправился или не затаился так, что его не разыщет в подземном лабиринте и сотня воинов.

Он полз, а потом вдруг узкий лаз обернулся широким коридором с бетонными полом и бетонными стенами – песчаные воины умели видеть в темноте, пускай не так хорошо, как при свете, – и Бал-Гор перешёл на быстрый шаг, а потом и на бег. Он чувствовал, что его враг – там, впереди, что он слабеет, и что он спешит укрыться. И Бал-Гор побежал, готовый выстрелить на любой шорох.

Тёмный коридор то и дело изгибался под прямым углом. Бал-Гор оставлял позади поворот за поворотом, не глядя по сторонам (да и что разглядишь в полной темноте, кроме неясных контуров каких-то громоздких сооружений, спрятанных в стенных нишах). Бал-Гор был готов к схватке – раненый зверь, загнанный в нору, опаснее собакоголового упыря, – и всё-таки едва не налетел на пулю. Враг, истекавший кровью, решил принять бой – как ни старался Бал-Гор бесшумно ставить ногу, для чуткого уха не составило труда услышать звук его шагов по гулкому бетонному полу подземелья.

За очередным поворотом война песков спасло только обострённое чувство опасности, приказавшее ему «Ложись!». Бал-Гор рухнул плашмя на холодный бетон, а над его головой смертельным веером прошли пули: враг был вооружён не винтовкой, а автоматом – опасным оружием, способным отправить к Великому Богу целый десяток песчаных воинов.

Бал-Гор перекатился и вскочил на ноги. Коридор закончился небольшой комнатой, в которую откуда-то сверху – вероятно, через какую-то щель, – проникал рассеянный дневной свет. И в этом слабом свете Бал-Гор увидел у противоположной стены скорчившуюся фигуру человека в чёрном. Десятник вскинул винтовку, забыв о том, что хотел взять врага живым и заставить его говорить, и услышал тихий щелчок – у врага кончились патроны.

Десяток-другой шагов – это не расстояние для тренированного воина народа песков. Бал-Гор подбежал к дохлятнику – кем ещё мог быть стрелявший в него – и вырвал из его рук автомат. Соппротивление врага оказалось неожиданно слабым – он легко выпустил оружие, – а в следующее мгновение десятник Бал-Гор разглядел, что перед ним женщина.

* * *

С женщинами врагов песчаные воины всегда поступали просто и бесхитростно. Яса повелевает уничтожать всех, кто осмеливается встать на пути воинов Ондола, Избранных Детей Великого Бога, которым Он даровал власть над всем этим миром. Женщиной врага можно овладеть, взяв её силой, но потом эту жалкую тварь надлежит умертвить, чтобы чрево её никогда не породило нового врага. И десятник Бал-Гор, воин песков, так бы и поступил, если бы не мучивший его вопрос: почему дохлятники оказались здесь, в «горячем» месте, что они здесь ищут (или что они здесь прячут). Десятник Бал-Гор не выстрелил и не разнёс голову женщины боевым топором: обезоружив пленницу, он стоял и смотрел на неё сверху вниз. Не торопился он и воспользоваться своим законным правом победителя: тела песчаных людей, вдыхавших Пишу, сами по себе смертоносны для дохлятников – после пятнадцати минут объятий пленница заболит, а потом умрёт, и может быть, умрёт раньше, чем успеет сказать то, что так интересовало Бал-Гора.

На пленнице был потрёпанный, но вполне ещё годный для носки чёрный комбинезон – удобная одежда, не зря её носили солдаты-легионеры. Обычно дохлятники, которых воины песков встречали в руинах, были одеты в невообразимые лохмотья, а эта женщина, похоже, специально готовилась к ползанью по развалинам. И автомат – такое оружие где попало не валяется. Нет, она оказалась тут не случайно, подумал Бал-Гор: не похожа она на одичавших беглецов, заблудившихся на пепелище и умиравших под топорами песчаных людей.

– Проклятый дикарь, – надорвано прохрипела женщина. – Варвар... Убей меня, убей, только не мучай...

Произнося эти слова, наполненные ненавистью и обречённостью, она одновременно пыталась отползти вдоль стены в угол комнаты, подальше от песчаного воина. Двигалась она неуклюже, держась рукой за левое плечо. Эге, подумал Бал-Гор, а ведь она знает, чем опасно для дохлятников близкое соседство с *горячими* телами воинов пустыни. Он вспомнил, как однажды на его глазах, когда он был ещё простым секироносцем, Имеющим-Право-Убивать-и-Умирать, казнили дохлятника, убившего из-за угла трёх воинов Ондола. Его привязали к столбу, а вокруг расселись десять воинов, касаясь пленника подошвами сапог. Воины не дотронулись до него и пальцем, они сидели и пили «весёлую воду», сидели долго, часа три, а потом встали и ушли. А дохлятник остался висеть на столбе, крепко к нему привязанный, и через несколько дней умер – волосы с его головы осыпались, а всё лицо и тело покрыли кровоточащие язвы. Эта женщина не хочет умирать такой смертью, поэтому она и старается отползти.

Пленница доползла до угла. Туда падал рассеянный свет, и Бал-Гор смог разглядеть её получше. Пальцы женщины, сжимавшие плечо, были окровавлены – она была ранена. Не слишком серьёзно – она ведь сумела забраться в своё подземелье и стреляла, – но всё-таки. Надо бы её перевязать, подумал Бал-Гор, а то она умрёт, и я так ничего и не узнаю. Волосы у

неё были длинные и грязные, они падали на лицо пленницы спутанными прядями, и Бал-Гор не мог понять, красива она или нет, и сколько ей лет. Да и какая разница, сказал он себе, я что, в жёны собираюсь брать это тощее и хилое существо, дохлятницу, ошибку природы? Я вообще не могу понять, как жёны дохлятников – с такими узкими бёдрами – могли рожать. У нас такая никчёмная женщина не стала бы даже Имеющей-Право-Услаждать-Воинов – она похожа на сушёную рыбу. Прав, тысячу раз прав Великий Бог, отдавший эту землю нам, а не дохлятикам...

– Я не буду тебя убивать, – сказал он по-имперски, тщательно подбирая слов. – И я не буду к тебе подходить, чтобы тебя не *обжечь*. Я подойду к тебе один раз, чтобы перевязать твою рану.

– Ты знаешь наш язык? – с неподдельным изумлением произнесла пленница. – Кто бы мог подумать: кровожадный варвар, говорящий на языке цивилизованных людей...

– Я не знаю слова «цивилизованных». Но я знаю, что ты истечёшь кровью, если тебя не перевязать. У тебя есть чистая тряпка?

Женщина завозилась, шаря свободной рукой у себя на поясе.

– Бинты, – сказала она, протягивая небольшой пакет. – Антисептические, так что рану обрабатывать не нужно.

Слово «антисептические» Бал-Гор не понял – его учили самым простым словам языка дохлятников, – зато он умел обращаться с ранеными. Закинув за спину винтовку и автомат, отнятый у пленницы, он подошёл к ней – при его приближении она вжалась спиной в стену, – присел, вынул нож и ловко разрезал рукав комбинезона, промокнувший от крови. При этом Бал-Гор коснулся локтем груди женщины и с некоторым удивлением обнаружил, что грудь у неё имеется, пусть даже не такая объёмистая, как у женщин народа песков.

Дохлятнице повезло: пуля пробила мякоть плеча навывлет, порвав мышцы, но не задев кость. Бал-Гор сноровисто забинтовал рану (Хорошие у дохлятников бинты, у нас таких нет), начал вставать, и почувствовал резкий удар в живот.

Лязгнуло. Лезвие ножа (И как она сумела незаметно его достать, гадюка песчаная!) встретило железную пластину панциря и соскользнуло. Бал-Гор перехватил тонкую руку и вывернул её; женщина вскрикнула. Нож со звоном упал на пол, а десятник взял пленницу за горло и сжал так, что она захрипела.

– Если ты ещё раз так сделаешь, я оторву тебе голову. Или буду держать тебя за шею целый час, пока ты не *сгоришь*.

Оттолкнув ногой нож – вращаясь, оружие отлетело в другой конец комнаты, – Бал-Гор свободной рукой отвёл волосы с лица пленницы и встретил взгляд ненавидящих серых глаз. Черты её лица были правильными и миловидными, это было заметно даже под слоем пыли и грязи. У людей народа песков были свои понятия о женской красоте, однако Бал-Гор не мог не заметить, что пленница молода – лет тридцать пять, не больше, – и недурна собой. Правда, он не особо пристально её разглядывал – воину песков не слишком приятен был её взгляд, сочившийся тяжёлой ненавистью.

– Убей меня, – судорожно выдохнула женщина. – Убей, проклятый дикарь!

Бал-Гор не ответил. Он грубо ощупал пленницу с головы до ног (Не припрятала ли она ещё что-нибудь острое?), безжалостно тиская ей грудь, живот и бёдра. На него накатила мутная волна желания, однако воин сдержался (Она мне нужна не для этого...).

– Я не буду тебя убивать, – повторил он, вставая и отходя в другой конец комнаты, – не для этого я тебя перевязывал. Я сохраню тебе жизнь, а ты за это расскажешь мне, что ты тут искала. Ты согласна?

Пленница промолчала, и Бал-Гор понял, что она лихорадочно соображает, что же ей на это ответить. Умирать она явно не хотела – никто не спешит умирать, даже дохлятники, – но она не верила «кровожадному варвару», как называли песчаных людей северяне.

– Я не могу рассказать, – сказала она наконец, – это трудно, ты не поймёшь. Но я могу показать дорогу – без меня ты её не найдёшь. Мы искали здесь... (она привела какой-то технический термин, которого Бал-Гор не понял). Нас было двое, но вчера мой товарищ умер

от лучевой болезни (это понятие Бал-Гор знал), и теперь только я знаю, где находится то, что мы искали – и то, что ищешь ты.

– Хорошо, – отозвался Бал-Гор, немного помедлив. – Сиди здесь, лечи свою рану и не вылезай наверх. Я приду – один – и принесу тебе воды и еды: *чистой* воды и *чистой* еды, вашей еды.

– Вода у меня есть, – пленница коснулась рукой фляжки, висевшей у неё на поясе. – Правда, её мало...

– Я принесу. Но если я приду и не найду тебя здесь, я уйду, и вернусь уже не один, а со своими воинами. Может быть, мы не найдём то, что я хотел найти, но тебя мы разыщем, как бы ты не пряталась. И тогда мы тебя убьём. Ты поняла?

– Я поняла, – тихо ответила женщина.

– Твоё оружие я заберу. Хотя нож я могу тебе оставить, – Бал-Гор нагнулся, подобрал с пола клинок и повертел его в пальцах, – надо же тебе чем-то отбиваться от бурых крыс.

– Крысы сюда заходят очень редко – они боятся этого места. Но всё-таки они здесь появляются – иногда, – и если ты оставишь мне нож, он мне пригодится.

– Оставлю, – Бал-Гор снова положил на пол короткое лезвие на тёмной рукояти. – Возьмёшь, когда я уйду – не хочу, чтобы ты попыталась метнуть мне его в спину, потому что тогда мне придётся тебя убить.

– Я не буду этого делать...

– Хорошо, – повторил Бал-Гор. – Сиди здесь, и жди – я вернусь. И не выходи наверх, иначе ты проживёшь ровно столько времени, сколько нужно боевому топору, чтобы рассечь твою голову: любой воин моего народа убьёт тебя сразу, а их наверху много.

...Если мне придётся её убить, думал Бал-Гор, возвращаясь обратно к лазу, я сначала обязательно ею овладею – интересно, каковы в любви женщины народа дохлятников. Вряд ли, конечно, она сможет меня удивить, но попробовать её надо – Яса это позволяет.

Выбравшись наверх, он осмотрелся и аккуратно прикрыл подземный ход железным листом – ни к чему, чтобы его заметил чей-нибудь внимательный глаз. Брошенную среди камней куртку он подобрал, но трофейный автомат решил с собой не брать, а припрятать в укромном месте. Патронов к нему у него всё равно не было, а хорошее состояние оружия – автомат был вычищен и смазан – может вызвать ненужные вопросы: исправных автоматов в руинах не находили уже несколько лет. Бал-Гор поймал удачу – похоже, пленница говорила о какой-то очень ценной *машине* дохлятников, находившейся где-то поблизости. За такую находку десятника Бал-Гора сделают сотником, а то и переведут в разряд Имеющих-Право-Думать. Такой наградой нельзя делиться ни с кем, и поэтому до поры до времени никто не должен заподозрить, что десятник Бал-Гор отыскал в развалинах кое-что куда более ценное, чем ящик винтовочных патронов.

* * *

К возвращению в подземелье Бал-Гор подготовился основательно. Раздобыв тяжёлый освинцованный контейнер (их использовали для особо ценных находок, которые нужно было донести до Имеющих-Право-Думать в целости, не повредив их жгучим Дыханием Бога), он загрузил в него две банки мясных консервов, упаковку галет и двухлитровую пластиковую бутылку с водой. И воду, и консервы Бал-Гор взял в «голодном» районе к северу от лагеря, где Пищи почти не было. Найти всё это не составило особого труда (если знать, где искать), куда труднее было избежать внимательных глаз соплеменников. До последнего момента Бал-Гор опасался, что Ур-Джид поинтересуется содержимым его заплечного мешка и прикажет открыть контейнер, однако обошлось. И мешки, и *глухие* контейнеры были обычной частью снаряжения воинов-разведчиков – в руинах много чего можно найти, а нести добычу в руках, когда эти руки в любой момент могут понадобиться для того, чтобы стрелять или рубить, не слишком разумно, – и сотник обычно проверял их после возвращения из рейда, а не перед выходом в рейд. Ур-Джид подозревал, что его воины кое-что от него утаивают (и такое

случалось, хотя кара за подобные проступки была суровой), но проверки по возвращении Бал-Гор не боялся: то, что он ищет, в мешок не положишь, *машина* – это наверняка что-то крупное, а контейнер будет уже пустым.

В районе поиска воины разошлись, и Бал-Гор, убедившись, что поблизости никого из них нет, скользнул в лаз и задвинул за собой лист-крышку. Шагая по бетонному коридору, он гадал, на месте ли его пленница, или она давно сбежала – сразу же, как только он ушёл. Да, она ранена, но рана её не слишком тяжела; у неё нет оружия, но в подземелье может быть тайник, где этого оружия сколько хочешь; она знает, что эпицентр кишит воинами песков (он сам сказал ей об этом), но из подземелья может быть и другой выход, за тысячи шагов от первого. И она владеет какой-то тайной – неужели она отдаст эту тайну врагу? Он, Бал-Гор, на её месте постарался бы уйти – или умереть, – лишь бы не помогать заклятым врагам. Хотя – что взять с дохлятников? У них нет настоящего мужества, недаром Великий Бог возлюбил не их, а людей народа горячих пустынь. И всё-таки Бал-Гор вполне допускал, что найдёт в конце коридора только лишь пустую комнату, испытывая при этом что-то вроде сожаления: ну вот, а я даже не узнал, чего стоит эта дохлятница на ложе любви.

И поэтому десятник Бал-Гор даже удивился, когда увидел женщину – она сидела на том же самом месте, где он её оставил, и на её лице при появлении «кроважного варвара» мелькнула слабая тень улыбки. Хотя последнее могло и померещиться – света в подземной комнате было мало, а Бал-Гор, как и все его сородичи, не слишком хорошо видел в полутьме.

Сидя на корточках на пороге комнаты, он наблюдал, с какой жадностью она пьёт и ест, ловко вскрыв ножом консервную банку (по уверенности её движений Бал-Гор понял, что рана не слишком беспокоит пленницу). И ещё он понял, что она выходила из комнаты: когда он уходил, комната была пустой, а теперь вдоль стены возвышалась целая груда тряпья, из которого женщина соорудила себе постель. Хм, подумал Бал-Гор, она выходила отсюда, но не сбежала. Решила быть честной? Нет, так не бывает: честность хороша среди своих, а врага можно и даже нужно обманывать, на то он и враг. Наверно, решил он, ей просто некуда бежать, и она надеется, что в обмен на важную тайну песчаный воин выведет её из района, где рыщут отряды его соплеменников. Но неужели она действительно верит, что он не убьёт её после того, как она станет ему не нужна? Наивная, наивная и глупая...

– Как твоя рана? – спросил он, когда она закончила есть.

– Уже лучше, – ответила она, шевельнув левой рукой. – На мне вообще быстро всё заживает, и таблетки против *радиации* (Не знаю такого слова, подумал Бал-Гор) мне хорошо помогают, хотя мой товарищ умер, ему они не помогли. Ещё день-два, максимум три, и я смогу провести тебя туда, – она запнулась, – где стоит Волшебная Машина.

– Волшебная Машина? Что это такое?

– Как бы тебе объяснить... Эта машина может управлять человеческими мыслями: человек делает то, что ему прикажут.

– И ты отдашь такую машину кровавым варварам песков? – недоверчиво спросил Бал-Гор. – Почему?

– Потому что мы проиграли, – спокойно ответила женщина. – Мой народ умирает – он уже почти умер, – и будет неправильно, если все его тайны тоже умрут. Вы победили, и вы начнёте всё сначала. Я отдам тебе эту машину, варвар, а сама вернусь к последним людям моего народа, чтобы умереть вместе с ними.

– Да, мы победили: Великий Бог даровал нам право владеть всей этой землёй.

– Великий Бог? – пленница горько усмехнулась. – Ты хоть знаешь, кто начал войну, и чем она кончилась?

– Не было никакой войны. Была воля Бога, который решил истребить всех людей на земле – всех, кроме нас, Избранных. И Он отверз небеса, и низринул на землю Пламя Гнева. Он мог бы сокрушить и земную твердь, расколоть её, но тогда внутрь нашего мира хлынула бы Внешняя Тьма – она затопила бы всё, и погасила бы Мировой Свет. Но тогда умерли бы все люди – и вы, дохлятники, и мы, Избранные, – и поэтому Он сдержал свою карающую длань и сжёг только поверхность нашего мира, уничтожив города тех, кто не имел больше

права жить, – ваши города, женщина умирающего народа!

– Меня зовут Дара.

– Что?

– Меня зовут Дара, – повторила она. – Это моё имя. А как твоё имя?

– Зачем тебе знать моё имя? Ты хочешь навести на меня чёрное колдовство?

– Кажется, я несколько переоценила твои умственные способности. Ладно, не хочешь говорить – не надо.

– У нас думают те, кто имеет на это право, – медленно произнёс Бал-Гор. – А я всего лишь Имеющий-Право-Учиться. И кое-чему я уже научился: например, тому, что женщину вражеского народа не обязательно надо насиловать и убивать на месте, как того требует Яса (Особенно если эта женщина всё равно скоро умрёт вместе с остатками своего народа, добавил он про себя).

– Извини, – поспешно сказала Дара, – я не хотела тебя обидеть. Извини.

– Воин не обращает внимания на слова женщины, они пусты и легковесны. Ты утолила голод?

– Да.

– Может, тебе надо чем-то помочь? Скажи.

– Спасибо, у меня теперь всё есть, – она встряхнула бутылку с водой и посмотрела на своё импровизированное ложе. – И крысы меня не беспокоили, и у меня есть нож. Больше мне ничего не надо, воин.

– Хорошо. Тогда я пошёл. Завтра я вернусь, и снова принесу тебе еду. Пусть твоя рана быстрее заживает, чтобы ты смогла отвести меня к Волшебной Машине.

И уже уходя, он вдруг обернулся и сказал:

– Меня зовут Бал-Гор.

– Что?

– Меня зовут Бал-Гор. Это моё имя.

* * *

Они пробирались через развалины, поминутно останавливаясь и прячась среди куч битого кирпича и бетонных плит, остатков рухнувших стен. Сородичи Бал-Гора были где-то рядом, песчаный воин чувствовал их присутствие, и чутьё помогало ему избежать встречи, не нужной ни ему самому, ни, тем более, женщине умирающего народа.

...На четвёртый день Дара встретила Бал-Гора бодрой, полной сил и готовой ко всему – не верилось, что всего три дня назад она лежала с простреленным плечом, кусая губы от боли. Она даже привела себя в порядок: расчесала волосы и собрала их в пучок, умылась, хотя каждый глоток воды здесь, в мёртвых руинах, был бесценен, и стянула ниткой разрез на комбинезоне, оставленный ножом Бал-Гора, когда тот делал ей перевязку. «Мы можем идти, – сказала она. – Пойдём, не будем терять время».

И они пошли, не приближаясь друг к другу ближе чем на десяток шагов – оба хорошо знали, чем опасно для Дары близкое соседство с «горячим воином» на протяжении хотя бы четверти часа.

Наружу первым выбрался Бал-Гор. Оглядевшись, он подал знак Даре, следившей за ним из темноты подземного хода: опасности нет, выходи. Но дальше первой пошла женщина – в отличие от песчаного воина, она знала, куда идти. Дара скользила среди громоздившихся руин с ловкостью ящерицы – так, что Бал-Гор, шедший за ней следом, несколько раз терял её из виду. Если бы я не видел это своими глазами, думал Бал-Гор, перелезая через очередную каменную осыпь, я никогда бы не поверил, что хрупкая женщина способна на такое. Да если бы она захотела, она сбежала бы от меня через пять минут и затерялась среди руин, где её не найдут даже демоны барханов. Но она не убегает, и это странно...

Дорога через хаотичный лабиринт мёртвых развалин оказалась недолгой. Обогнув похожий на сломанный зуб угол, оставшийся от какого-то разрушенного здания или от стыка

стен бетонного забора, они оказались на свободной от обломков небольшой площади – то ли во дворе, то ли на перекрёстке переставших существовать улиц. Площадь была густо увита мохнатыми побегами «мёртвой лозы» – мутировавшего растения, приспособившегося жить там, где радиация убила всё живое. А посередине площади возвышался щербатый каменный куб, похожий на постамент памятника, – Бал-Гору уже доводилось встречать в разрушенных городах статуи непонятно кого, смотревшие в никуда слепыми каменными глазами.

Дара стояла возле постамента, и губы её чуть шевелились. Бал-Гору показалось, что она что-то говорит тихим шёпотом, но что именно, с десяти шагов «безопасного расстояния» он разобрать не мог.

– Что это? – спросил он, кивая на каменный куб постамента.

– Здесь когда-то стоял памятник одному, – Дара запнулась, – ...человеку. Он хотел, чтобы все люди нашего мира проснулись, стали людьми и жили счастливо. А потом он ушёл на небо – вернулся в объятия Мирового Света, – и вскоре началась война, убившая этот мир.

Она отошла в сторону, и Бал-Гор, подойдя к постаменту, разобрал на камне стёртые буквы имперского алфавита: «М. к С..м. Св. той. ак, П. сл. нец М. ро...го Све. а». Никогда о таком не слышал, подумал Бал-Гор. Он повернулся к Даре и увидел её сидящей на корточках возле какого-то округлого предмета, лежавшего на земле и поросшего сизой плесенью. Дара касалась этого предмета пальцами, и глаза её – Бал-Гор видел их выражение, несмотря на расстояние, разделявшее его и женщину умирающего племени, – были грустными: очень.

– У Святого Мака была подруга, – негромко сказала Дара. – Её звали Идущая Рядом. Она хотела родить сына, чтобы семя богов проросло среди людей, но началась война, и она...

– Она погибла?

– Не знаю. Может быть – погибла, а может – ушла в северные леса, к уцелевшим людям моего народа. Идём, воин, времени у нас с тобой меньше, чем хотелось бы.

Она поднялась и пошла к бетонному углу, в переплетение стеблей «мёртвой лозы». Бал-Гор последовал за ней, сохраняя дистанцию. И проходя мимо странного предмета, возле которого задержалась Дара, воин песков смог его рассмотреть. Эта была голова бронзовой статуи (судя по длинным волосам, женской), сплошь покрытая толстым слоем патины. Из-за патины черты лица статуи было не разобрать, но Бал-Гору почудилось, что лицо это чем-то ему знакомо.

В зарослях «мёртвой лозы» обнаружился люк, прикрытый крышкой, – не просто листом железа, а настоящей. Крышка была тяжёлой – даже Бал-Гору пришлось напрячься, чтобы её сдвинуть, а Даре с её не до конца зажившим плечом эта операция ни за что бы не удалась. Вниз, в темноту, вела шахта, утыканная железными скобами, и десятник понял, почему Дара просила его подождать, пока её рана хоть немного не затянется: спускаться по этой шахте на одной руке мало бы кто смог. Дара проворно нырнула в люк; песчаный воин, подождав, полез следом. Спустившись на две скобы, он задвинул над головой крышку люка – это оказалось куда проще, чем открывать её снаружи. Людей здесь можно не опасаться, подумал он, а с крысами мы как-нибудь справимся.

Десятник Бал-Гор не знал, что от самого выхода из подземелья, где он нашёл Дару, и до этого люка за ними обоими внимательно следили чужие глаза.

* * *

Шахта закончилась горизонтальным ходом. Темнота здесь была густой и вязкой, Бал-Гор почти ничего не видел, несмотря на «механическую свечу» в руке Дары. А потом что-то тихо щёлкнуло, и загорелся свет: неяркий, но показавшийся ослепительным. Повяло едва ощутимым ветерком: подземелье имело не только освещение, но и вентиляцию.

– Этот подземный *лабораторный блок*, – пояснила Дара, – был оснащён автономным ядерным реактором. И реактор до сих пор работает.

Что такое «атомный реактор», Бал-Гор знал.

- Кормушка, – пробормотал он, озираясь по сторонам.
– Для вас – да, *кормушка*, а для нас – источник энергии.

Дальше они шли молча, и Бал-Гор очень скоро перестал понимать, в каком они идут направлении. Коридор то и дело разветвлялся, образуя довольно большие «пещеры», тускло освещённые; вниз уходили металлические лестницы с перилами. Дважды они упирались в глухие стены, но Дара, бормоча что-то себе под нос, шарила руками по шершавому бетону, и стены расходились, открывая проход. Без неё я бы здесь заблудился, думал воин пустынь, и не прошёл бы дальше первого яруса. Она здесь бывала раньше, ещё до того, как вспыхнуло Пламя Гнева (или всё-таки началась война?), это ясно. Кто же она такая? Может быть, она из Имеющих-Право-Хранить-Знания, или как это называется у дохлятников?

В «пещерах» в ответвлениях коридора стояли непонятные сооружения (машины?), назначения которых было загадкой для песчаного варвара, но он был уверен, что награда за сокровища этого подземелья будет более чем щедрой: здесь хватит работы на долгие годы для всех Имеющих-Право-Думать, какие только есть в царстве Ондол.

– В этом *исследовательском центре* до войны работали тысячи людей. Здесь скрыты знания моего народа, – сказала Дара, как будто услышав его мысли. – Я отдаю их тебе, воин.

«Почему? Зачем ты это делаешь?» – хотел спросить Бал-Гор, но промолчал. Он уже перестал считать «пещеры», лестницы и проходы – сбился со счёта, – когда они оказались в просторном зале, окаймлённом комнатами, в которых видны были столы, стулья и даже лежа – похоже, люди здесь не только работали, но и жили: ели и спали. А посередине зала стоял громоздкий причудливый агрегат из блестящего металла и пластика, перевитый жгутами проводов и ошетилившийся многочисленными иглами длиной в локоть.

– Вот она, Волшебная Машина, – объявила Дара. – Точнее, психотронный генератор. Стационарная модель. Орудие власти, и одновременно оружие. Как именно она работает, я тебе объяснить не смогу: моих знаний здесь недостаточно, а ты даже и слов таких не знаешь. Что ж, пусть ваши учёные, если они у вас есть, попробуют во всём этом разобраться.

– Зачем? – не выдержал Бал-Гор. – Зачем ты отдаёшь всё это мне – нам? Ведь мы же враги, и теперь, когда ты привела меня сюда, я могу перерезать тебе горло – ты мне больше не нужна. Или ты надеешься, что я сдержу слово, и выведу тебя за пределы мёртвого города туда, откуда ты сможешь добраться до своих сородичей на севере? Но слово, данное врагу, ничего не стоит – вам это известно, дохлятники, называющие себя «цивилизованными»?

– Слово, данное мужчиной, – мягко, но с непрекращаемой уверенностью заявила Дара, – твёрже стали, и дороже золота, кому бы он его не дал. На этом стоит вся Вселенная. Ты, конечно, можешь меня убить, но лучше сделай это после того, как мы поднимемся наверх: без меня ты отсюда не выберешься. А вот взять меня ты можешь прямо здесь и сейчас – ты ведь этого хотел, правда?

С этими словами она без колебаний подошла к Бал-Гору, всё время державшемуся от неё на «расстоянии безопасности», и прижалась к нему всем телом, словно забыв о том, чем ей это грозит.

– Ты уверен, варвар, что женщину народа врагов непременно нужно брать силой? – прошептала она, обнимая его мускулистую шею. – Уверен?

А варвар смотрел в её серые глаза, в глубине которых танцевали золотистые искры, и не понимал, почему он, могучий воин, не может разорвать тонкое кольцо слабых женских рук, обвинивших его шею, и отшвырнуть от себя вражеское отродье, дочь умирающего народа. Свирепый сын песков впервые в жизни узнал, что любовь бывает не только по обязанности или по принуждению...

* * *

– Зачем ты это сделала? – глухо спросил Бал-Гор, приподнявшись на локте.

– Ты о чём? – отозвалась Дара, сидевшая в десяти шагах от его лежа. Она забралась на стул с ногами, и глаза у неё блеснули, как у песчаной кошки. – Ты хочешь знать, зачем я

привела тебя сюда, в эти подземелья, где столько всего ценного для твоего народа?

– Это я тоже хочу знать, но сначала ответь, зачем ты приняла моё семя? Оно сожжёт твоё чрево. А ты ведь не спешишь умирать – высвободившись из моих объятий, ты сразу же отсела от меня подальше.

– Зря я сомневалась в твоих умственных способностях, – ответила она, убирая с лица упавшую на него прядь волос. – Из тебя бы вышел настоящий учёный – ты умеешь строить логические умозаключения.

– Говори простыми словами, женщина, если хочешь, чтобы я тебя понимал. Я ведь не учёный – я воин, простой десятник, каких у Великого Царя тысячи.

– Таких, как ты, у него больше нет, – Дара улыбнулась (в первый раз с тех пор, как воин песков нашёл её в подземелье), и Бал – Гору показалось, что в комнате стало светлее. – Твоё семя меня не убьёт. Хорошо, – сказала она, видя, что он не понимает, – я расскажу тебе всё.

– Говори. Я слушаю.

– О твоём народе – о том, какие вы есть, – мы узнали незадолго до Последней Войны. Здесь, в этом подземелье расположен лучший научно-исследовательский центр старого мира – он был построен не по нашим технологиям, не по саракшианским. Свет здесь зажигается и гаснет автоматически, реагируя на присутствие людей, реактор рассчитан на сто лет работы. Нам помогли люди из другого мира, который... Впрочем, об этом долго рассказывать, да это сейчас и не важно. Я здесь работала, и многому научилась – меня научили. Узнав о вас и о вашей смертоносной для нас особенности, мы были удивлены, и даже испуганы. А потом я предложила идею, которая показалась безумной всем, даже нашим Учителям. *Генетический эксперимент*. Как бы тебе объяснить... Скрещивание организмов, чтобы тебе было понятно.

– Это как улучшение породы скота?

– Примерно так, хотя несколько сложнее. Мы и вы – мы не можем жить вместе, даже само ваше дыхание для нас смертельно. А это значит – война, война до полного истребления одной из сторон. Вселенная теряет бесконечно много, когда погибает всего один человек, а если гибнет целый народ... И мне захотелось найти выход из безвыходного положения. Мне удалось получить первые обнадеживающие результаты, но началась война. Погибли десятки миллионов людей – ты можешь представить себе такое число? – и я поняла, что мой долг – спасти остатки моего народа, помочь им выжить и приспособиться к новым условиям. Мы пришли на развалины не за машинами: мне нужен был *генетический материал*, полученный мною в этих лабораториях. Я надеялась, что он сохранился – убежище строили на совесть, оно, как видишь, не рухнуло, хотя над столицей взорвалось не меньше пяти атомных бомб. К сожалению, я ошиблась...

– Хранилище было засыпано?

– Нет, но был нарушен температурный режим хранения, и материал был испорчен – весь, целиком. Потом умер мой спутник, а потом...

– А потом ты встретила меня, и решила меня застрелить. Это правильно: встреченный враг – мёртвый враг.

– Не так. Мы не охотились за вами, мы просто отгоняли вас от подземелий. А в тебя я стреляла только потому, что ты мешал мне пройти ко входу в лаборатории – я хотела кое-что отсюда забрать и уйти на север, чтобы встретить там свою судьбу. Но ты мне помешал.

– Я прострелил тебе плечо и отыскал тебя в твоей подземной норе. И ты почему-то решила открыть мне вашу тайну, хотя перед этим, как ты только что сказала, вы старались не подпускать нас к лазу. Странно...

– Если ты помнишь, это случилось не сразу. Перед этим кое-что произошло: ты не убил меня на месте, ты перевязал мою рану, и ты не убил меня даже тогда, когда я ударила тебя ножом. И тогда я решила, что получу новый генетический материал взамен утраченного – от тебя, самым древним способом. Идущая Рядом один раз уже сделала что-то подобное, давно это было... Правда, тогда ей было легче: ей не надо было рисковать жизнью, ползая под пулями по радиоактивным руинам.

– Ты использовала меня, Дара, женщина умирающего народа...

– И так, и не так, воин. Когда ты не убил меня – ты, кровожадный варвар, сохранил мне жизнь! – я поняла, что ты сможешь стать прародителем новой расы, которая соединит в себе кипучую молодую энергию детей пустынь и усталую мудрость моего народа. У тебя грубые руки, но мне были приятны твои прикосновения – да, да, приятны! А когда я узнала тебя ближе... Ты не просто безмозглый дикарь, Бал-Гор, в тебе есть что-то, что роднит тебя с... с людьми из другого мира, то есть с одним человеком из другого мира, то есть... – она вдруг смешалась и замолчала. – Так что нельзя сказать, что я всего лишь использовала тебя – я была искренней, и мне хотелось, чтобы ты мне поверил. Я поняла, конечно, что ты оставил меня в живых только для того, чтобы с моей помощью найти кое-что ценное, но это уже ничего не меняло. И я показала тебе это хранилище – мне нужно было твоё доверие. Моему народу это уже не повредит – хуже, чем есть, уже не будет, – а ненависти к вам у меня нет. Не вы начали ядерную войну, и не вы виноваты в том, что случилось с нами. Вы следствие, а не причина – за что же мне вас ненавидеть? К тому же мой дар – он как обоюдоострый клинок. Знание может быть и опасным, смертельно опасным. Волшебные Машины принесли на Саракш много зла, а водородные бомбы выжгли его дотла. С помощью того, что хранится в этом подземелье, вы расселитесь по всему Саракшу. Вы доплывёте до Благословенных Островов – там теперь есть много мест, которые вам понравятся. Вы сможете подняться до уровня *настоящих людей*, но можете и упасть под тяжестью этих знаний, и она вас раздавит.

А что до твоего семени и моего чрева... Из генетического материала можно создать человеческий зародыш, но вынашивать его всё равно должна женщина. И я решила, что этой женщиной стану я. Я готовилась, зная, что мне предстоит. Мой организм изменён – я могу выносить и родить *горячего* ребёнка, тем более что он будет уже не таким «горячим», как его отец, мои гены тоже включатся в процесс развития и роста *эмбриона*. Твоё тело – источник *жёсткого излучения*, но кратковременный контакт с тобой мне не опасен: я гораздо лучше переношу радиацию, чем мои сородичи, и ещё у меня есть специальные таблетки, которые повышают сопротивляемость моего организма. Вот, смотри.

Она завопилась на своём стуле, достала из поясного кармашка небольшую коробочку, высыпала из неё на ладонь пару светлых горошин, кинула их в рот и запила водой из фляги.

Она или святая, или сумасшедшая, подумал Бал-Гор. Или и то, и другое вместе.

– Я не убью тебя, – сказал он, – ни здесь, ни там, наверху. Я выведу тебя за кольцо наших патрулей, а там пусть боги твоего народа решают, жить тебе или умереть. Я сказал.

– Спасибо, Бал-Гор, – Дара коротко вздохнула. – Но как ты объяснишь своим твоё долгое отсутствие? Развалины велики, потребуется немало времени, чтобы дойти до окраины города – бывшего города...

– Скажу, – десятник пожал плечами, – что нашёл это подземелье, и очень долго по нему бродил. И это будет правдой: когда мои сородичи увидят, какое оно, они мне поверят – по этим залам и переходам можно бродить неделями. Отдохни, и пойдём: время почему-то всегда кончается раньше, чем хочется.

...Свет внизу погас, как только они начали подниматься по железным скобам шахты. Добравшись до люка, Бал-Гор чуть приоткрыл крышку и прислушался – наверху было тихо. И темно: они провели в подземелье много часов, и наступил вечер. Выбравшись из шахты, песчаный воин отошёл в сторону, уступая место Даре.

– Отойди, – сказал он ей, когда она вылезла наружу, – и подожди, пока я не закрою крышку. Не хочу, чтобы кто-то наткнулся на открытый люк, и...

По глазам полоснул слепящий свет – где-то рядом вспыхнул мощный прожектор. А потом Бал-Гор услышал знакомый голос Ур-Джида:

– Стой на месте, шакалий помёт! Не двигайся, гнусный предатель!

* * *

...Га-Руб был хорошим воином, а хорошему воину свойственна наблюдательность. И

Га-Руб заметил дырку на куртке своего командира, десятника Бал-Гора, когда тот вернулся из развалин после очередной разведки Следа Гневного Ока. Дырка эта была оставлена пулей – в чём в чём, а в пулевых пробоинах Га-Руб разбирался, он видел их немало: и на одежде, и на телах людей. Пуля пробила куртку Бал-Гора как раз напротив сердца, однако десятник был даже не ранен, а ведь винтовочная пуля пробивает панцирь, это Га-Руб знал. Конечно, в руинах случается всякое, но командир ни словом не обмолвился о том, что в него стреляли, и это показалось странным наблюдательному воину по имени Га-Руб.

А потом Га-Руб заметил, как Бал-Гор прячет в свинцовый контейнер воду и консервы, и это снова его удивило. В том, что командир берёт с собой на разведку еду и воду, ничего странного не было – в руинах есть районы, где божественной Пищи уже нет, и там воинам песков приходится утолять голод обычной едой. Станным было другое: зачем прятать эту еду в контейнер, изолирующий её от Дыхания Бога? Воины носили фляги с водой на поясе – вода, впитавшая в себя Дыхание, вкуснее, а еда – сытнее. Зачем же специально её портить? Или... Или еда эта предназначалась совсем не Бал-Гору, а кому-то другому: тому, для кого Пища смертельна?

Га-Руб никому не сказал о своих подозрениях – он уважал своего командира, как один сильный хищник уважает другого сильного хищника. Но Га-Руб, рядовой секироносец, Имеющий-Право-Убивать-и-Умирать, хотел стать десятником, Имеющим-Право-Отдавать-Приказы – точно так же, как десятник Бал-Гор хотел стать сотником. И Га-Руб начал следить за своим командиром, и увидел, как тот выбрался откуда-то из-под земли, причём не один, а с женщиной из рода дохлятников – тех самых, которые стреляли в спины воинам Ондола. Глаз у Га-Руба был острым, как у песчаного барса: он разглядел издали, с кем идёт по развалинам его командир, десятник Бал-Гор. Га-Руб не мог понять, в чём тут дело, зато он знал, что всех дохлятников – и мужчин, и женщин, и детей, – надо убивать на месте: так велит Яса. Тот, кто этого не делает – преступник. А если преступник ещё и кормит врага, а потом идёт куда-то вместе с той, кого он давно должен был убить, и при этом таится от своих сородичей, то он – предатель. Десятник Бал-Гор не может быть предателем, сказал себе Га-Руб, он честный воин, верный великому царю Ондола. Но десятник Бал-Гор тайно встречается с женщиной из племени дохлятников – значит, он предатель?

Га-Руб не мог разгадать эту загадку. Среди народа пустынь мало было Имеющих-Право-Думать, и ещё меньше тех, кто думал, не имея на это права. И секироносец Га-Руб поступил так, как поступил бы на его месте любой воин, чтящий Ясу и хранящий верность Великому Царю: проследив за Бал-Гором и женщиной из племени дохлятников и обнаружив в зарослях «мёртвой лозы» запертый люк, он доложил обо всём сотнику Ур-Джиду. Решать – это удел старших, Имеющих-Право-Отдавать-Приказы. Если Бал-Гор невиновен – значит, невиновен. А если Бал-Гор предатель, то рядовой воин Га-Руб станет десятником: за то, что он раскрыл этого предателя.

* * *

Связывать руки Бал-Гору не стали: его только обезоружили. Он стоял в белом свете прожекторов и смотрел на Дару, окружённую воинами пустынь. Её тоже не стали связывать – двое секироносцев держали пленницу, не давая ей даже шевельнуться.

– Ну, что? – голос Ур-Джиды полнило злобное торжество. – Расскажи мне, что ты здесь делаешь, и почему рядом с тобой дохлятица – живая! – хотя после встречи с воином Ондола её потрохами должны лакомиться бурые крысы!

Живая, да, подумал Бал-Гор. А ведь я мог её убить – там, внизу, у шахты, когда мы с ней дошли до выхода из подземелья, где дорогу наверх нашёл бы и ребёнок, – и тогда этих вопросов бы не было. То есть они были бы, но ответить на них было бы просто, и Ур-Джид не называл бы меня предателем. Да, если бы я её убил, то... Но Бал-Гор затоптал эту мысль, как топчут сапогом ядовитую песчаную гадюку, готовую ужалить.

– Эта женщина жива только потому, – ответил он, глядя в побелевшие от злобы глаза

сотника, – что она показала мне подземелье, полное сокровищ её народа. Там, внизу, – он показал в сторону люка, – есть и машины, и много чего ещё, что послужит величию Ондола. Отправь туда воинов, почитаемый, и они подтвердят мои слова.

По рядом секироносцев – их здесь было десятка четыре, не меньше, – прошёл лёгкий ропот. Сотник отдал короткий приказ, пятеро воинов бросились к люку, подняли крышку, и один за другим исчезли в горловине шахты.

И потекли минуты – долгие, тягучие. Бал-Гор смотрел на Дару и чувствовал, как её тело неотвратимо пропитывается смертельным для неё Дыханием Бога: рядом с пленницей стояло четверо воинов народа песков.

Прошло не меньше часа, прежде чем из-под земли вылез первый из разведчиков.

– Отступник сказал правду, почитаемый, – доложил он Ур-Джиду. – Там целый город с множеством пещер и машин, понять назначение которых мы не могли, это выше нашего разума. И ещё там есть свет, который горит сам по себе.

– Гхм... – пробормотал Ур-Джид, с хрустом почесав ногтями щёку.

Сотник был в замешательстве. Ему очень хотелось казнить «предателя» на месте, но... А вдруг Бал-Гора следует не карать, а вознаграждать, и щедро вознаграждать? Конечно, вина его – нарушение Ясы, – налицо, но не искупает ли эту вину такая находка? Я прикажу взять его и его тварь в топоры, думал Ур-Джид, а потом выяснится, что я ошибся, и моя ошибка причинила вред величию Ондола. И скрыть эту ошибку мне не удастся: Имеющий-Право-Слушать-и-Сообщать стоит рядом, наострив уши: эмир-тысячник, Имеющий-Право-Повелевать, непременно узнает, кто отдал такой приказ, и кто должен за это ответить. И Ур-Джид послал сообщить о случившемся в лагерь: решать – это удел старших.

И снова потекли томительные минуты, и снова незримая смерть вползала в тело женщины умирающего народа, медленно выжигая из неё жизнь. Воины песков стояли молча, с бесстрастными лицами, не пытаясь присесть или хотя бы привалиться спиной к бетону стен – Имеющие-Право-Убивать-и-Умирать ждали слова Имеющего-Право-Отдавать-Приказы.

– Почитаемый Ур-Джид, – не выдержал Бал-Гор, – прикажи воинам отойти от неё на десять шагов, она никуда не убежит. Это моя добыча, и она нужна мне живой!

– Закрой свою смрадную пасть, не то я прикажу воинам вырвать тебе язык! – рявкнул в ответ сотник и ощерился: – Ты что, решил взять её в жёны? Твоя судьба ещё не решена!

Ночь уже плотно обволокла развалины, когда послышалось тарахтение мотора, и в круг, очерченный прожекторными лучами, въехало неуклюжее сооружение: широкие колёса, высокие борта с узкими щелями-бойницами, открытая кабина водителя. Эмир-тысячник Даг-Бухур не любил ходить пешком: он предпочитал передвигаться на боевой колеснице.

Первыми из недр повозки выскочили его телохранители. В отличие от секироносцев, они были вооружены ритуальным оружием – самострелами. Патроны для винтовок делали в кустарных мастерских, но самодельных патронов было мало, и качество их оставляло желать лучшего, а патроны, найденные в руинах сожжённых городов, по большей части никуда уже не годились. А железную стрелу, если она не сломается, можно использовать не один раз, и с малого расстояния такая стрела, пущенная из тяжёлого арбалета, пробивает панцирь не хуже пули.

Эмир покинул колесницу не спеша, с достоинством. Он был одет в парадный мундир офицера старой имперской гвардии – кости прежнего владельца мундира давно рассыпались в прах, и мундир облегал теперь мускулистое тело варвара, пленённого блеском серебряного шитья.

– Высокопочитаемый, – скороговоркой произнёс Ур-Джид, рысцой подбегая к нему. – Моего жалкого разума не хватает, чтобы решить, что надо делать, дабы не нанести вред силе и мощи Великого Царя.

Имеющий-Право-Повелевать шевельнул бровью, и вспотевший от подобострастия сотник, зная, что многословия Даг-Бухур терпеть не может, коротко изложил суть дела.

Внимательно выслушав Ур-Джиду, эмир-тысячник задумчиво посмотрел на пленницу, потом перевёл взгляд на Бал-Гора.

– Яса нарушена, – сказал Даг-Бухур, – он виновен. Но ценность найденного искупает его вину – он должен быть вознаграждён. Но он никому ничего не сообщил – он действовал один, желая получить много и при этом рискуя потерять всё: дохлятница могла заманить его в хитрую подземную ловушку, погубить его и сбежать, унеся свою тайну с собой. И он не убил её после того, как она показала ему подземелье, и в этом он виновен – пленники под пыткой говорят всё, но это не значит, что за это их надо оставить в живых. Этот воин смерти не повинен, но во искупление своей вины он отправится в пещеры за Большой Южной Рекой – сражаться с большеголовыми собаками. Он хороший воин, а хорошие воины там нужны. А дохлятница должна умереть – Яса ненарушима. Как она умрёт, – эмир-тысячник посмотрел на Ур-Джиду, – реши сам. Надеюсь, твоего жалкого разума на это хватит: ты ведь сотник, а не погонщик шестиногих ослов. Я сказал.

Эмир-тысячник Даг-Бухур была куда умнее тупоголового Ур-Джиды. Он догадался, что десятник Бал-Гор вырвал у женщины из племени дохлятников тайну подземелья отнюдь не с помощью калёного железа, и правильнее было бы отдать эту женщину ему: пусть делает с ней что хочет. Но среди телохранителей Даг-Бухура тоже был Имеющий-Право-Слушать-и-Сообщать, а над эмиром-тысячником был хан-генерал, Имеющий-Право-Карать, которому такое великодушие эмира могло не понравиться. Рисковать не стоило, к тому же Даг-Бухур сообразил, что пленница всё равно скоро умрёт: ни один дохлятник не выживет, простояв несколько часов зажатый с двух сторон телами «горячих воинов».

Сотник выслушал старшего с усердием. Дослушав до конца, он постоял, подумал и широкими шагами направился к Бал-Гору, неся на своём плоском лице ликующую ухмылку.

– Слушай меня, Бал-Гор. Велением высокопочитаемого ты отправишься сражаться с большеголовыми псами – тебе уже не привыкать лазать по подземельям. За Большой Рекой, если собакоголовые не отгрызут тебе голову, ты сможешь подрасти. Воины песков гибнут в пещерах оборотней каждый день, и секироносцы быстро выходят в десятки, а десятки – в сотни. Но сначала ты должен доказать, что не замыслил предательства, сохранив этой дохлятнице её жалкую жизнь. Она должна умереть – убей её, убей здесь и сейчас, на наших глазах! А если ты её не убьёшь, – брызгая слюной, сотник сорвался на крик, – значит, ты всё-таки предатель, и ты тоже должен умереть! Я сказал.

Лицо эмира-тысячника чуть дрогнуло, однако он промолчал: в конце концов, он ведь сам повелел сотнику Ур-Джиду решить, какой смертью умрёт пленница. Но тысячнику Даг-Бухуру почему-то очень не хотелось бы оказаться сейчас на месте десятника Бал-Гора...

Бал-Гору почудилось, что земная твердь под его ногами дрогнула и поплыла. Лица воинов вдруг расплылись, и он отчётливо видел только лицо Дары: бледное лицо с широко распахнутыми глазами. Десятник пришёл в себя только тогда, когда почувствовал, как ему в ладонь тычется что-то твёрдое. Бал-Гор не сразу понял, что это рукоять его секиры, которую протягивал ему Га-Руб.

– Твой боевой топор, командир, – глухо сказал Га-Руб и отвёл глаза, словно стыдясь чего-то. Это мне показалось, подумал Бал-Гор. Нам, воинам горячих песков, неведомы ни жалость, ни сострадание, ни стыд – мы рождаемся, убиваем и умираем велением Великого Бога. И если от рождения до смерти мы успеваем убить хотя бы одного врага, значит, наша жизнь прожита не зря: так гласит Яса.

– Перед тем, как она умрёт, я хочу сказать ей слово, – с трудом произнёс Бал-Гор, не узнавая собственного голоса.

– Нет! – взвизгнул Ур-Джид. – Хватит слов – убей её! Убей, иначе ты...

– Пусть говорит, – холодно прервал его эмир, и сотник мигом заткнулся.

Воины, державшие пленницу, отступили. Бал-Гор, сжимая секиру до боли в суставах пальцев, подошёл к Даре и остановился от неё в двух шагах. Опасное расстояние, подумал он, надо бы отойти... И тут же одёрнул сам себя – какое это теперь имеет значения?

– Послушай меня, женщина умирающего народа, – тихо сказал он. – Мне приказали тебя убить. Если я этого не сделаю, убьют меня, а ты всё равно умрёшь.

– Убей меня, – спокойно ответила она. – Я всё равно умру – стоя тут, я нахватала

столько рентген, что никакие таблетки мне уже не помогут. Не получилось из меня матери-спасительницы, жаль... Убей меня, зачем умирать обоим? Убей меня, и живи, и если когда-нибудь женщина твоего народа родит тебе дочь, назови её моим именем, хорошо?

Бал-Гор смотрел в серые глаза Дары – в свете прожекторов они казались каменными, – и вдруг понял, чьё лицо напомнила ему голова статуи, лежащая где-то здесь, недалеко от постаamenta памятника человеку, пытавшемся сделать этот мир счастливым.

За спиной он услышал скрип, а потом лёгкий щелчок, и догадался, что это за звуки. Телохранители эмира-тысячника взвели арбалеты – Даг-Бухур был очень предусмотрителен.

Не отрывая взгляда от лица Дары, Бал-Гор медленно поднял секиру и, развернувшись с быстротой атакующей песчаной гадюки, метнул её в Ур-Джида, стоявшего от него в десяти шагах: как раз на «расстоянии безопасности».

Отточенное лезвие боевого топора, брошенного умелой и сильной рукой, сверкнуло в воздухе расплавленным серебром и врезалось в переносицу сотника, срубив череп на уровне бровей и выбив из него веер красно-белых брызг. А в следующую секунду пропели тетивы арбалетов, и Бал-Гор, пробитый тремя стрелами, рухнул к ногам Дары и умер, пробульвав пронзёнными лёгкими: «Да... Ра... да...». Он уже не видел, как один из телохранителей Даг-Бухура, повинувшись жесту тысячника, подбежал к женщине умирающего народа, схватил её за волосы и быстрым взмахом ножа перерезал ей горло.

Воины пустынь молчали, и в этой тишине отчётливо было слышно, как возятся среди развалин крысы, привыкшие к Дыханию Бога. Крыс очень интересовало происходящее; они чуяли поживу, но опасались вылезать из своих убежищ: двуногих было много, и это было опасным.

– Оставьте их бурым крысам, – приказал эмир-тысячник. – Всех троих.

* * *

...Под багровым вогнутым небом, среди закопчённых руин, похожих на обгорелые кости, медленно ползли нелепые повозки на широких колёсах. Сидевшие в них варвары переговаривались гортанными голосами – «горячим воинам» радиация была нипочём: они купались в ней, наслаждаясь потоками излучения, словно прозрачной водой горных ручьёв. Новые хозяева мёртвой планеты вступали в наследство, равнодушно давя подошвами грубых сапог жалкие осколки сгинувшей цивилизации. По материку расползались пустыни, хороня под песками развалины городов, названий которых уже некому было вспомнить...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПРЕДАВШИЕ БОГОВ

– Формирование и подготовка ударной эскадры возмездия почти завершена. На днях, по завершении цикла ходовых испытаний, в строй войдёт последний – двадцать четвёртый – подводный ракетоносец типа «пятнистый кракен». Эти новейшие боевые корабли выгодно отличаются от лодок серии «багровый спрут» силовой установкой – они оснащены ядерными реакторами – и ударной мощностью: «кракены» вооружены дальнобойными баллистическими снарядами «морская богиня смерти». Каждый «кракен» несёт двенадцать таких снарядов – вдвое больше, чем «спрут», – и это при том, что термоядерные боеголовки «морских богинь» по разрушительной силе вчетверо мощнее, чем боеголовки «ядовитых угрей», состоящих на вооружении «багровых спрутов». И в отличие от «угрей», «морские богини» стартуют из-под воды – их удар будет неожиданным и неотвратимым. Для полного опустошения территории континентального противника, согласно подсчётам, достаточно двухсот «богинь» – таким образом, мы располагаем почти полуторократным запасом разрушительной мощи, и это ещё без учёта баллистических снарядов ракетоносцев старых типов.

Адмирал-командор Нагга Торибучи, главнокомандующий флотом, слушал доклад молча, полузакрыв тяжёлые веки. Лысая морщинистая голова главкома, похожая на череп хищной морской птицы, слегка покачивалась; со стороны могло показаться, что старик

дремлет, но впечатление это было обманчивым: адмирал-командор слушал и слышал всё. Начальник отдела стратегического планирования, адмирал-капитан Роггу Сидимодо, говорил о том, что было хорошо известно всем присутствующим, но для воина Островной Империи нет ничего слаще, чем лишний раз послушать о боевой мощи её флота, готового метнуть на Старые Страны смерть и пламя. Адмиралы помнили о недавнем разгроме флота вторжения и жаждали реванша – полного уничтожения исконного врага.

Здесь, в Славном зале Адмиралтейства, о величии и о героическом боевом прошлом айкров напоминало всё: и картины на стенах, запечатлевшие победные морские битвы, от сражений утлых каноэ эпохи Объединения до боев броненосных мониторов эпохи Большого Подъёма, и боевые знамёна, свисавшие с потолка, и оружие, расставленное по стеллажам. Тусклый металл наконечников копий и стрел помнил запах яда, которым они когда-то были пропитаны, и вкус вражеской крови, которую они выпускали из поверженных тел. Грузные туши крупнокалиберных конических ядер и чёрные шары подводных мин, вспарывавших днища крейсеров пришельцев с материка, дышали спящей смертью, а длинные серые тела ракетных баллистических снарядов, стоявших по углам, казались колоннами, подпиравшими свод Славного зала. А со стен на адмиралов дня нынешнего строго взирали адмиралы дней минувших, и почётное место среди портретов доблестно павших занимал портрет адмирала Сугга Хоронити, до дна испившего горькую чашу позора поражения, но сохранившего честь морского воина Благословенных Островов.

– Особое внимание уделено комплектации экипажей кораблей эскадры возмездия, – продолжал Сидимодо. – Мы сочли неразумным включать в команды «кракенов» кого-то из гниловатых: эти люди не походят для обслуживания такого оружия.

Верно, отметил про себя Торибучи, верно. Это я тебе подсказал, да. Гниловатые – они хороши в десанте, который убивает и умирает во славу Владыки Глубин, а допускать их к пультам управления баллистическими снарядами и в реакторные отсеки нельзя. Да и нет у гниловатых необходимого уровня знаний – нет, и быть не может. Они человеческий шлак, налип с Внешних Островов, никогда ничему не учившаяся и освоившая только одну науку: право сильного и умение убивать, стараясь при этом не быть убитым. Не знающие своих отцов ублюдки истрёпанных айш, ставших ненужными по возрасту или по болезни, рабы сладкого дыма, жалкие существа, годящиеся разве что на корм головоногам-человекоядцам, – расходный материал. Да, кое-кто из них – иногда – выходил в офицеры, но такое бывало редко, очень редко.

– Ваша оценка степени возможного противодействия староимперцев? Что они могут нам противопоставить?

Хороший вопрос, подумал Торибучи. Командующий группой флотов «А», задавший его, – опытный воин. Ну, и что ты на это ответишь, адмирал-капитан Сидимодо?

– Серьёзного противодействия мы можем не опасаться, – уверенно ответил начальник отдела стратегического планирования. – Боевого флота у противника практически нет, нет и противолодочной авиации. А в сфере воздействия их гипнотического оружия мы не войдём: удар будет нанесён издалека.

– Вы в этом уверены? – адмирал-командор приоткрыл глаза, и при звуке его тихого голоса Роггу Сидимодо – сухощавый, подтянутый, гладко выбритый, в безукоризненно сидевшем мундире, – смешался и заметно подрастерял свою невозмутимость.

– Вы о чём, пресветлый? О боевых силах неприятеля или о том, что радиус действия их гипнотических башен...

– И о том, и о другом, – всё так же негромко проговорил главнокомандующий, но у адмирал-капитана дёрнулся кадык, словно его коснулось холодное и острое лезвие кортика.

Однако Сидимодо был потомственным воинов-айкром, прошедшим жёсткую школу традиционного воспитания, и быстро справился с мимолётным замешательством.

– Средств для перехвата наших ракетноносцев, даже если они будут обнаружены, что маловероятно, хотя и возможно, у континенталов нет, – ответил он с прежней уверенностью, – ни морских, ни воздушных. Вероятно, их локаторы и посты наблюдения засекут наши

ракеты, однако перехватить их староимперцы не смогут – нечем, – и времени у них останется только на то, чтобы успеть помолиться перед огненной смертью. А гипнотическое оружие дальностью не обладает, и при ударе по материку с предельной дистанции его можно не опасаться. Наша разведка на этот раз сработала куда добросовестнее, пресветлый. За свои слова я отвечаю, господин адмирал-командор.

Роггу Сидимодо не стал добавлять, что по некоторым данным, сеть башен неактивна и частично даже демонтирована. Данные эти были противоречивыми и непроверенными, и полагаться на них не стоило: один раз это уже дорого обошлось флоту Островной Империи и лично адмиралу Хоронити.

– Хорошо, – попытожил Нагга Торибучи, обводя пронзительным взглядом адмиралов, сидевших за длинным столом совещаний. – В ближайшее время Император будет извещён о готовности флота выполнить его волю, и нам останется только ждать его слова.

* * *

Белый Город напоминал жемчужину в изящной оправе голубых лагун, зелёных рощ и серых гор, вздыбивших покатую спину одного из внутренних островов Архипелага – острова не самого большого, но и не самого маленького. Здесь всегда стояла чудесная погода, берега омывало теплое течение, воздух был насыщен свежим дыханием океана. И этот природный рай приютил рай рукотворный: среди зелени деревьев видны были изящные белые строения, похожие одновременно и на жилые дома, и на храмы светлых богов – мрамор колонн, стены, устремлённые ввысь, просторные оконные проёмы. Чистота и покой; мир, в котором нет ни тени тёмного зла – так казалось любому, кто видел Белый Город и замирал, очарованный его красотой.

На открытой террасе дома за невысоким столиком на причудливо изогнутых ножках сидели двое мужчин, одетых в лёгкие одежды, представлявшие собой нечто вроде хитонов с короткими рукавами, свободных и не стеснявших движений. Перед ними стоял прозрачный сосуд с золотистым напитком и два бокала, которые они то и дело подносили к губам. Один из них, постарше, с чёрными с проседью волосами, выглядел спокойным, другой, помоложе и светловолосый, заметно нервничал: движения его были чуть более порывистыми, чем это принято среди Утончённых.

– Как вы оцениваете ситуацию, мэтр? – спросил он, продолжая начатый разговор. – Мне всё это очень не нравится.

– Мне тоже, мой дорогой Аилло. Флот готов начать войну – адмиралы ждут только приказа императора. В преданности адмиралов Великому Кракену есть одна положительная черта – без его приказа ни одна субмарина не выйдет в океан, к берегам Старых Стран, не говоря уже о запуске ракет с ядерными зарядами.

– А если этот приказ последует, что тогда? Император – он ведь тоже из древнего рода воинов, а эти полоумные головорезы помешаны на идее мести континентам за все их былые преступления.

– Если приказ будет отдан, это станет началом конца, конца всему: с атомным огнём не шутят. На материке однажды уже дошутились, зачем повторять чужие ошибки?

– Военные надеются победить, уничтожив врага одним ударом...

– В новой ядерной войне победителей не будет. Судьба дала нам только один шанс, и на второй её щедрости уже не хватит. Бомбы сегодняшнего дня куда мощнее тех бомб, что во время прошлой войны опустошили всю центральную часть материка.

– Но в Адмиралтействе считают, что континенталы бессильны: им нечем парировать наш удар, и нечем ответить.

– Мыслительные способности воителей несколько ограничены. Они видят только то, что хотят видеть, и принимают желаемое за действительное. Да, флота у староимперцев – хотя называть их так неправильно, Старой Империи давно уже нет, как нет и Страны Отцов, – нет, и построить его в считанные месяцы они не смогут. Адмиралтейство не ошиблось в

оценке эффективности береговой обороны континенталов, зато оно ошиблась в другом. Не будет никакого противодействия ракетному удару «пятнистых кракенов» – будет ответный удар, ошеломляющий и уничтожающий, после которого всё это, – мэтр сделал плавный жест рукой, – сгорит, и превратится в пепел.

– Но как? Ракеты континенталов не долетят до Благословенных Островов – слишком далеко, – а боевого флота у них...

– Да что вы все заикнулись на этом флоте! – поморщился хозяин дома. – У них есть авиация: тяжёлые дальние бомбардировщики типа «ангел смерти», и в достаточном числе, о чём разведка флота не осведомлена. Эти машины способны достичь наших островов, неся на борту по четыре водородные бомбы, каждая из которых – каждая! – сотрёт в пыль любой наш город, включая столицу и Белый Город. «Ангелы смерти» постоянно дежурят в воздухе – одна эскадрилья сменяет другую, – и в случае ядерного удара по материку, на Архипелаг обрушится по меньшей мере сотня таких бомб. Континентам нечем остановить «морских богинь», а мы беззащитны перед их «ангелами» – нет у нас ни высотных зенитных ракет, ни соответствующих истребителей-перехватчиков.

– Откуда вам всё это известно? И про них, и про нас...

– Станный вопрос, – мэтр улыбнулся. – Разве ты не знаешь, что у нас, Утончённых, есть свои службы разведки – и внешней, и внутренней, – и что работают они гораздо эффективнее разведки Великого Кракена? О воинственных планах айкров континентам стало известно от пленных островитян – их десятки тысяч, среди которых немало офицеров, – и староимперцы нашли ассиметричный ответ. И точные координаты всех наших городов им тоже известны – от тех же самых пленных.

– Но ведь мы можем, – пробормотал юноша, – создать противовоздушную оборону, и тогда...

– Я не понимаю тебя. Ты собрался надеть красивый мундир с эполетами и служить верой и правдой Великому Кракену, потому что Владыки Глубин? Ты Утончённый, и не ты должен служить императору, а он тебе, неужели это неясно? Нам надо думать не о том, как выиграть войну, а о том, как её избежать. Не континенталы собираются её развязать, а мы, то есть император и его воинственная клика, которая всё никак досыта не навоюется. Создать систему воздушной обороны... Пока мы её создаём, континенталы построят ракетноносный флот, и нам придётся озаботиться созданием системы защиты от их ракетных субмарин, и так далее. Это гонка по кругу, бессмысленная и бесцельная, – надо устранять причину, а не следствие.

– Я вам не помешаю? – раздался мелодичный женский голос.

На террасу из глубины дома вышла молодая (точно определить возраст Утончённых – и женщин, и мужчин, – трудно, почти невозможно) девушка совершенной красоты, одетая в длинное белое платье, скрывавшее и в то же время подчёркивавшее гармоничные формы её стройного тела.

– Если я вам и помешаю, то ненадолго, – она чарующе улыбнулась. – Вы за вашими спорами осушили уже весь фиал, а природа не терпит пустоты!

С этими словами она гибким движением нагнулась над столиком (в разрезе её платья на миг мелькнула смуглая кожа бедра, приоткрывшегося почти до талии), сняла с подставки пустой сосуд и заменила его полным. Повернувшись, она встретилась взглядом с молодым человеком, смотревшим на неё восхищённо, рассмеялась и удалилась стелющейся походкой, гордо неся голову, увенчанную идеально уложенными тёмными волосами.

«Кто она такая? – ошарашено думал Аилло, провожая её взглядом. – Племянница или дочь? Что-то я не слышал о том, чтобы у мудрого Сенао Тариа была жена, дети или другие родственники. А может, эта красавица – ученица мэтра или его свободная любовница? Или и то, и другое вместе? Спрашивать об этом не принято, ведь мы Утончённые... Но одно я знаю наверняка: такие женщины не должны исчезать в радиоактивных кратерах. Пусть гибнут гниловатые, пусть фанатики-айкры из военной аристократии вспарывают себе горло, следуя своему варварскому кодексу чести, пусть там, на материке, горят и рушатся города – это

далеко, и это меня не касается, – но наш Белый Город не должен стать мишенью для атомной атаки. Мэтр прав: эту войну нужно остановить, остановить любым способом!».

«Остановить войну, – думал Сенао Тариа, аккуратно наполняя бокалы себе и гостю душистым золотым вином, – это только начало. Пришло время переделывать всю структуру изжившей себя Островной Империи. Но любая переделка требует инструментов, и поэтому меня очень интересует учёный трудован по имени Аримаи Танаодо».

* * *

– Я слушаю тебя, Особый Советник. Что ты имеешь донести до моего слуха?

Великий Кракен откинулся на спинку похожего на раковину перламутрового трона, украшенного золотой инкрустацией и «морскими слезами», гирлянды которых сплетались в причудливый узор. Трону этому было около четырёхсот лет – его изготовили в первые годы существования Островной Империи, и с тех пор не раз бережно реставрировали, заменяя потускневшие жемчужины и потёртые золочёные части. Однако пробоина в спинке – след от ядра, выпущенного из фальконета во время осады столицы новорождённой империи объединёнными армиями Старых Стран, – оставалось в неприкосновенности. Выложенная по контуру багровыми самоцветами, дыра эта походила на кровавую рану и напоминала о том страшном времени, когда пришельцы с материка проломили стены, ворвались в город и уже штурмовали императорский дворец. Айкров спасло тогда только беззаветное мужество, подкреплённое силой дурман-травы, и цепкая мудрость жрецов Владыки Глубин, сумевших заменить старинные природные яды искусственными нейротоксинами, убивавшими в считанные секунды. И ещё эта пробоина-рана напоминала о мести, завещанной предками, и о том, что час возмездия придёт – непременно.

– Потребна высшая степень конфиденциальности, повелитель, – ответил Советник, почтительно склонив голову.

Император молча протянул руку к небольшому пульта, смонтированному возле трона. Седая древность причудливо сочеталась с последними техническими достижениями – окна зала прикрыли металлические экраны, бесшумно выскользнувшие из пазов, и створки дверей сомкнулись за спинами сторожевых гвардейцев, покинувших зал по безмолвному приказу властителя Благословенных Островов. Раздалось тихое гудение – электронная аппаратура генерировала активные помехи. При высшей степени конфиденциальности защита тронного зала от подслушивания, подглядывания и всех известных айкрам способов технического шпионажа была абсолютной.

– Итак?

– Положение даже хуже, чем вы полагали, повелитель. Фактический хозяин страны – не вы, а Утончённые.

– Говори, – пальцы императора стиснули перламутровые подлокотники трона.

– Утончённые не занимают никаких государственных постов и не служат в армии, вы это знаете. Они никогда не занимались никакой производственной деятельностью, оставляя ей трудованам, и не постигали тайны наук – Утончённые используют чужие достижения. Не добиваются они и власти над душами людей – по крайней мере, явно, – это дело жрецов.

Утончённые, подумал Великий Кракен. Жители Внутреннего Круга, райской обители; элита элит. Трудованы взирают на них с почтением, а гниловатые считают их богами, зачем-то спустившимися на грешную землю. И никто почему-то до сих пор так и не задался очень простым вопросом: откуда взялась эта элита, и как образовался Внутренний Круг?

– Они оставили себе только одно, – продолжал Советник, – финансы, и в эту сферу они никого не допускают: никого. Утончённые контролируют всё кредитование, а поскольку нарастающие проценты по кредитам выплатить практически невозможно, у них в долгу вся Империя, и всё в Империи фактически принадлежит им – земля, города, заводы и весь ваш непобедимый военный флот, повелитель: они финансировали его постройку. И если завтра Утончённые предъявят векселя к оплате, нам нечем будет их погасить.

Всё началось во времена Большого Подъёма, думал император. Ему предшествовало трудное время борьбы: староимперцы добивались права основывать торговые фактории на Благословенных Островах, чтобы покончить с их вековой самоизоляцией, и угрожали в случае отказа пушками своих бронированных фрегатов. И всё-таки айкрам удалось выиграть дипломатическую битву: утончённое коварство островитян, превосходно осведомленных обо всех хитросплетениях межгосударственных интриг Старых Стран, взяло верх над грубой нахрапистостью вельмож континентальной Империи.

Островная Империя осталась для обитателей материка страной за семью замками: на Благословенные Острова не допускались не только торговцы, но даже миссионеры, не говоря уже о вольных путешественниках. Торговой территорией был признан остров Хаззалг, расположенный в материковом полушарии: все сделки между подданными Островной Империи и подданными любой из Старых Стран должны были заключаться только там, и там же осуществлялся товарообмен и все банковские операции. И хаззы, уроженцы острова, тороватые менялы и торговцы, взяли в свои цепкие руки густеющие финансовые потоки, хлынувшие на Благословенные Острова.

Великие Кракены вообще отказались бы от любых контактов со Старыми Странами (кроме, разумеется, вооружённых столкновений), однако представители правящей династии были людьми далеко не глупыми. На материке бушевала промышленная революция, каждый день приносил всё новые технические открытия, тут же внедрявшиеся в жизнь, и отсечься от всего этого означало, что в один не самый прекрасный день очередной вооружённый контакт станет началом конца всей Островной Империи. Грозные признаки такого варианта развития событий уже появились: морские военачальники Великого Кракена очень сомневались в том, что гладкоствольные пушки старинных фортов, прикрывавших столицу, смогут причинить серьёзный ущерб броненосным океанским мониторам староимперцев и вести эффективную дуэль с их скорострельными нарезными орудиями.

Однако императоры сделали почти невозможное: они не только сумели сохранить для своей державы принцип закрытости, но и добились составления торгового списка, крайне выгодного для островитян. Айкры высокомерно отказывались от предметов роскоши и быта, производимых многочисленными мануфактурами материка, – мол, у нас такого хватает, – зато охотно заключали контракты на поставку паровых машин, цементированной брони и нарезных стволов казнозарядных орудий. Айкры охотились за технологиями и получали их, не считаясь с затратами. И очень скоро на Благословенных Островах, богатых природными ресурсами, появились собственные университеты, судостроительные заводы и заводы по производству оружия и взрывчатых веществ, и первую боевую субмарину спустили на воду островитяне, а не обитатели материка. И всё это сделали деньги – большие деньги, которыми управляли ростовщики-хаззы, исподволь занявшие важное место в иерархической структуре Островной Империи, и при этом формально в неё не входя.

Оставаясь закрытой, Островная Империя бесстрастно наблюдала, как Старые Страны всё ближе подходят к роковой грани общематериковой войны, и была готова извлечь пользу из этой войны. И когда эта война началась, и над Старыми Странами встали атомные грибы, морской десант айкров одним броском захватил остров Хаззалг и опустошил его, оставив на месте всех торговых факторий дымящиеся руины, усыпанные скелетами. У многих скелетов не хватало черепов – морские воины чтили древние традиции и не упускали случая засушить ещё одну голову убитого врага.

Хаззы, давно переселившиеся на Благословенные Острова, не обратили на эту резню особого внимания – стоит ли жалеть старую одежду, брошенную в огонь? Уже был построен диковинный Белый Город, положивший начало Внутреннему Кругу, и его жители уже называли себя Утончёнными. Они уже правили Островной Империей, оставаясь в тени, и сама Империя уже начала трансформироваться в соответствии с их желаниями.

Да, подумал властитель Архипелага, обитателей Внутреннего Круга правильнее было бы называть не Утончёнными, а Возомнившими...

Ноющий звук, похожий на рёв раненого морского зверя, заметался над узким заливом, выколачивая из угрюмых береговых скал раскатистое долгое эхо. Серый военный корабль, татуированный ломаными линиями и пятнами камуфляжной окраски, неспешно выдвигался из-за оконечности кораллового рифа, возвещая о своём появлении истошным воем сирены.

Голос корабля разбудил сонный берег. Возле неряшливых лачуг, гнездившихся среди клочковатых зарослей в глубине бухты – там, где скальную гряду взломали буйные джунгли, подступавшие к самой воде, – муравьями засуетились люди. Для тех, кто живёт на Внешних Островах, визит корабля – это всегда событие (неважно, плохое или хорошее), нарушающее унылую беспросветность здешней жизни.

– Атаман! – пронзительно заверещал тощий парень в лохмотьях, подбегая к стоявшей особняком тростниковой хижине на корявых сваях. – У нас гости, патрульный корвет охраны Барьера!

Дверь в хижину была открыта (точнее, её нельзя было закрыть, она едва держалась на верёвке, заменявшей дверные петли), однако вестник не рисковал переступить порог, чтобы не получить в лоб чем-нибудь тяжёлым – Дылда Капустник был скор на кулак и славился необузданным нравом.

– Слышу, – донеслось из глубины хибары. – Заткнись, рыбий потрох, и убирайся, пока я не разбрызгал тебя по песку. Ишь, разорался, всю стенку мне закидал слюнями...

Парень в лохмотьях не заставил просить себя дважды и благоразумно ретировался, смешавшись с толпой, густо роившейся на берегу, а из темноты убогого строения появилась грузная фигура местного атамана, который год цепко державшего власть над посёлком.

Заношенные до последней степени суконные штаны Капустника давно утратили свой изначальный цвет (каким он был, об этом можно было только догадываться), а рубашками Дылда пренебрегал – тепло, да и буйная растительность на груди и спине атамана, делавшая его похожим на коралловую обезьяну, с успехом заменяла ему верхнюю часть гардероба. Но куртку – старую серую куртку морского десантника, служившую Капустнику чем-то вроде парадного мундира, – Дылда всё же накинул: он атаман, а не какой-то там ныряльщик-ловец, и прибытие патрульного корабля – это вам не драка за высушенный пучок дурман-травы и даже не за право сделать из малолетки женщину. Преисполнившись важностью момента, он даже попытался расчесать заскорузлой пятернёй свои грязные волосы, но вскоре оставил это занятие как заведомо бесполезное: справиться с его запущенной шевелюрой могли разве что ножницы для резки заграждений из колючей проволоки.

Загребая песок высокими шнурованными сапогами, Капустник размашисто зашагал к хлипкому дощатому причалу, выдававшемуся в море на добрые двести шагов – туда, где глубины позволяли швартоваться не только рыбацким каноэ и моторным катерам, но и более крупным кораблям (для этого он и был построен, самым обитателям острова такая роскошь ни к чему). При его приближении толпа, собравшаяся у импровизированного пирса, быстро раздалась в стороны; жители посёлка вполголоса переговаривались, с тревогой поглядывая на серый силуэт корвета – зачем пожаловал патрульный корабль, и что он принёс?

Дылда поднёс к глазам согнутую ладонь. Глаза атамана давно гноились – на Внешних Островах нет хороших врачей, а на заботу срединников рассчитывать не приходилось, – но видел Капустник неплохо (да и картина был ему знакомой – чай, не в первый раз). Наблюдая, как сторожевик подходит к причалу, атаман лихорадочно перебирал в уме все прегрешения жителей посёлка, за которые могла последовать кара.

Рыбак-срединник, которого случайно занесло течением к острову? Его убили тихо, труп сожрали головоноги-человекоядцы, а вещи убитого, которые могли бы стать уликами, утоплены в бухте. Последняя драка, когда трое молодых парней стали покойниками? Такие мелочи полицию не интересуют, это обычное дело среди людей Внешнего Круга. Правда, в той группе девок, что месяц назад была отправлена на ближайшую военную базу работать айшами для рядовых, обнаружилась одна заразная, но тут уж он, атаман посёлка, не при чём

– он же не медик. А других преступлений в его деревне за последнее время не случилось – было бы что серьёзное, он бы знал: все поселковые боятся его больше имперской полиции и стучат ему друг на друга. По всем прикидкам, никаких особых грехов за его подопечными не числилось, и это, как ни странно, тревожило атамана: получалось, что корвету делать здесь вроде бы и нечего, а он появился. Зачем, за каким дьяволом? Подкинуть островитянам еды и тряпья? Это вряд ли, суда снабжения приходят по графику: до ближайшего рейса ещё целый месяц, а подозревать чиновников Островной Империи в повышенном человеколюбии никто не станет даже в наркотическом бреде.

Корвет ткнулся в причал, матросы проворно и сноровисто завели швартовные концы. Толпа на берегу не шелохнулась: нацеленная на неё спаренная автоматическая пушка на носу сторожевика недвусмысленно предупреждала, что необдуманных движений делать не стоит. Дылда Капустник тяжело вздохнул и шагнул на дощатый настил, зашатавшийся под ногами. Он атаман, царь и бог этого жалкого клочка суши, но в то же время жалкий вонючий червяк-гниловатый – ему надлежит встречать прибывший сюда патрульный корвет охраны Барьера и узнавать, зачем он прибыл, и чем он, Дылда Капустник, может служить воинам непобедимой Империи, будь оно всё проклято...

На борт сторожевика его не пустили (на это он и не рассчитывал, хотя надеялся, что ему кинут с корабля если не бутылку спиртного, то хотя бы пачку дурман-травы).

– Атаман? – полуутвердительно-полувопросительно произнёс стоявший на палубе человек с бескровным лицом, одетый в чёрное с серебром. Капустника пробрала дрожь – он хорошо знал эту форму, и знал эту манеру разговора (довелось узнать в своё время...).

– Так есть, ваша славность! – выпалил он, вытягиваясь в струнку. – Готов служить!

– Прекрасно, – бескровнолицый вяло шевельнул рукой, затянутой в чёрную перчатку, – Великому Кракену нужны готовые служить. Мы возьмём у вас четырёх рекрутов...

– Я выберу для вас лучших!

– Не перебивай меня, грязь. Лучшие определятся сами – отберёшь двадцать крепких парней, чьи тела ещё не сгнили от солёной воды и древесного сока, и пусть они решат, кто из них достоин служения потомку Владыки Глубин. Сами, в бою – голыми руками, хотя можно и ножами.

– До смерти, ваша славность? – пробормотал Дылда, потев от собственной смелости (ему повелели не перебивать, а он...).

– Безразлично. Это ты можешь решить сам. Мы будем смотреть отсюда – позаботься, чтобы это стадо не берегу нам не мешало.

Приказы, отданные людьми в чёрно-серебряном, надо исполнять как можно быстрее. Атаман рысью побежал на берег, рискуя свалиться в воду. С корвета видели, как он, яростно размахивая руками и отвешивая оплеухи, отдаёт распоряжения, как толпа отползает к стенам хижин, очищая площадку для боя, и как два десятка молодых мужчин, скинув с себя тряпье (дабы продемонстрировать вербовщику свои мускулы), становятся лицом друг к другу. В руках у них тускло сверкали ножи: обитателям Внешних Островов разрешалось иметь холодное оружие (всё равно они им обзаводились бы, невзирая ни на какие запреты), а Дылда Капустник рассудил, что так он поймает сразу трёх рыб – потешит воинов-айкров кровавым зрелищем, отберёт для них лучших из лучших (победят те, кто уже умеет убивать), а заодно избавится от претендующих на титул атамана посёлка. Молодёжь подрастает, а он, Дылда, стареет, так пусть уж самых лучших – победителей – заберёт вербовщик, а тех, кто похуже, но тоже опасен, съедят головоноги.

Отойдя в сторону, атаман окинул взглядом берег – так, бойцы готовы, с корвета они хорошо видны (вербовщик будет доволен...), – и резко взмахнул рукой, словно разрубая что-то невидимое.

Над посёлком взлетел дикий крик, слитый из множества голосов. Мужчины с ножами набросились друг на друга со звериным рычанием – на песок брызнула первая кровь, и упали первые мёртвые тела, – а у хижин вопили и бесновались женщины, подпрыгивая и раздувая ноздри. «Ценность человеческой жизни» – такого понятия гниловатые не знали (и очень бы

удивились, если бы кто-то попытался им объяснить, что жизнь человеческая – очень ценная штука), и женщины Внешних Островов были так же первобытно жестоки, как и мужчины. И сейчас эти женщины – и дети – были от восторга, наблюдая, как на их глазах умирают люди.

Бой на берегу шёл без всяких правил. Правило здесь было только одно: убей, если не хочешь быть убитым, а как ты это сделаешь, это уже неважно. И поэтому разделение на две команды было более чем условным: победитель, повергнувший на песок своего соперника, мог тут же получить нож в спину от своего же товарища, дравшегося рядом. Побеждал не самый сильный и отважный, а самый подлый, умеющий быстро сообразить, у кого больше шансов выбиться в победители, и без промедления свести эти шансы к нулю одним ударом ножа.

Тела валились на песок, окрасившийся кровью. Дылда Капустник сжимал кулаки – ему тоже хотелось почувствовать, как под лезвием его ножа с хрустом разваливается живая плоть, и только многолетний жизненный опыт, обретённый атаманом среди крови и грязи Внешних Островов, удерживал его от нестерпимого желания принять участие в кровавом безумии. Атаман помнил, что вербовщику нужны четверо живых, и следил за ходом схватки – поножовщина могла ведь закончиться и тем, что на ногах останется всего лишь один из её участников. Следили за этим и с корвета, и когда четверо бойцов (остальные уже валялись на песке, мёртвые и умирающие), забрызганные кровью с головы до ног, замерли, переводя дыхание и примеряясь, кому теперь вспороть живот или вскрыть горло, с корабля ударила пушка.

Длинная очередь трассирующих снарядов пронеслась над головами гниловатых, обезумевших от запаха пролитой крови, и прошла по зарослям, перерубив ствол высокой пальмы и взметнув над крышами хижин ворох срезанных листьев. Парни с ножами прервали драку и замерли, пошатываясь и очумело мотая головами.

– Вы, четверо, – прогремел голос, усиленный мегафоном, – на причал! Подойдите!

Плескалась вода, облизывая сваи причала. Пятеро гниловатых шли к сторожевику. Пятеро – Дылда Капустник сопровождал рекрутов: он атаман, и он должен довести дело до конца.

С борта корвета выдвинулся узкий трап, и по знаку человека в чёрно-серебряном четверо гниловатых гуськом поднялись на палубу сторожевика. Они не оглядывались – они прощались с прошлой жизнью, и не брали с собой ничего, даже воспоминаний – стоит ли воспоминаний дикая зона, гигантская тюрьма под открытым небом, где ты можешь умереть в любой день и в любую минуту? Из этой тюрьмы не сбежишь (Барьер – вон он, острые шпильки энергоэммиттеров видны издалека), и единственная возможность из неё вырваться – это корабль вербовщиков. И неважно, что впереди – полная неизвестность: хуже, чем здесь, на Внешних Островах, уже не будет.

Атаман Дылда Капустник на борт не поднимался – его место здесь, на берегу, тут ему жить, и тут умирать. Но атаман не расстроился – он даже возликовал. С корвета ему бросили две пачки сухой дурман-травы и передали большую оплетенную бутылку с рисовой водкой – щедрая награда для гниловатого, честно выполняющего свой долг перед великой Островной Империей.

* * *

Палуба сторожевика мелко дрожала – корвет набирал ход, оставляя позади остров и бухту, похожую на распахнутую пасть исполинской хищной рыбы, усаженную каменными клыками береговых утёсов.

Вербованные, загнанные в тесный кормовой кубрик, специально предназначенный для таких, как они, молчали и терпеливо ждали, когда о них вспомнят. И дождались – дверь кубрика, железная дверь с тяжёлыми задрайками, с лязгом распахнулась, пропуская человека в чёрно-серебряном.

Человек этот пришёл один (если его и сопровождала охрана, она осталась за дверью),

но он нисколько не боялся остаться лицом к лицу с четырьмя гниловатыми, у которых даже не отобрали ножи. Человек этот был наследником древней секты Карающих – он был уверен, что перебьёт гниловатых голыми руками, всех четверых, если они окончательно потеряют разум и кинутся на него. Гниловатые убивали, повинувшись своей порочной натуре, а для него убийство было искусством, наполненным мрачной эстетикой запредельного, – искусством, которым он владел в совершенстве.

– Слушайте меня, не перебивайте и запоминайте всё, что я скажу: повторять я не буду. Вы станете воинами-десантниками флота Великого Кракена. Не всё – до этого доживут в лучшем случае двое из вас. Вас будут избивать унтер-офицеры в учебном центре, вас будут калечить солдаты-старослужащие, а любой офицер пристрелит любого из вас на месте, если вы не выполните его приказ или хоть на секунду замешкаетесь. Вы можете погибнуть на учениях – морские воины стреляют боевыми даже в учебном бою, – и первыми пойдёте под пули при высадке на материк. Вы станете пушечным мясом, и только. Однако у вас ещё есть выбор: кто не хочет такой судьбы, может прыгать за борт и плыть обратно на свой райский остров – мы ещё недалеко от него отошли. На размышление – минута.

Гниловатые молчали. В словах Карающего для них не было ничего нового: рекруты знали о том, что их ждёт. Но знали они и разницу между морским воином и отверженным жителем Внешних Островов. Унижения и возможность погибнуть рекрутов не пугали – они с детства жили под страхом смерти, не говоря уже о постоянных издевательствах со стороны тех, кто сильнее. Гниловатые убивали, чтобы выжить, и эти четверо тоже были убийцами – тела убитых ими людей, оставшиеся на берегу, ещё не остыли. Смерть их не страшила: они с нею свыклись, а философские мысли о краткости бытия и смысле жизни не посещали убогие умы людей Внешнего Круга. А в рядах десантников можно – и даже нужно – убивать чужих: за это не только не наказывают – за это награждают, и даже платят деньги. Так о чём тут ещё думать? Тут всё ясно...

– Хорошо, – сказал чёрно-серебряный, когда минута истекла. – Вы сделали выбор. Но вам предстоит пройти ещё одно испытание. Кто из вас умеет управлять моторным катером?

– Я, – отозвался один из рекрутов. – Умею... немного...

– И я тоже, – ответил другой.

– Хорошо, – повторил вербовщик. – Через час мы подойдём к Барьеру и спустим на воду быстроходный катер. Вы сядете в него и попытаетесь пересечь охранную линию...

– Пройти Барьер? – пробормотал рекрут с глубокой царапиной на щеке. Царапина была свежей, из неё ещё сочилась кровь. – Это верная смерть...

Карающий посмотрел на него и сделал неуволимо быстрое движение. Рекрут рухнул на палубу и замер, раскинув руки и выпучив глаза.

– Я приказывал меня не перебивать, – холодно пояснил вербовщик. – Барьер пройти можно, если повезёт. Его можно перескочить на волне, разогнавшись до полной скорости. Не сумеете – что ж, на этом ваша служба закончится. Сумеете – это испытание зачтётся вам как вступительный экзамен. Пройдя Барьер, вы высадитесь на берег у Акульего мыса и сможете там погулять – час, не больше. По истечении часа вы снова сядете в катер и вернётесь назад. Если вы этого не сделаете и решите остаться там, на острове Среднего Круга, то через час в воздух поднимутся полицейские вертолётчики. Они разыщут вас, как бы вы не прятались, и расстреляют, так что лучше возвращайтесь. А чтобы вам веселее было пересекать Барьер в обратном направлении... – Карающий сделал паузу. – Окрестности Акульего мыса – место пустынное, окраина Серединных Островов. Там никто не живёт, но если вы случайно кого-то встретите – неважно кого, мужчину или женщину, – вы можете поступить с ним так, как вам заблагорассудится. Это будет вашей наградой. Понятно? Можете отвечать.

– Понятно, – дружно ответили три голоса.

– А этот, – чёрно-серебряный посмотрел на тело, распростёртое на палубе. – Если он через час придёт в себя, он отправится с вами. Если нет – полетит за борт, голодных рыб тут хватает.

...Сторожевик застопорил машины у самого Барьера. Ничего необычного в этом не

было – патрульные корабли на то и патрульные, чтобы среди всего прочего проверять, нет ли дыр в непроницаемом занавесе, отсекающем Внешние Острова от Серединных. Гниловатым в Средний Круг дороги нет, трудованы – это становой хребет Империи, на них держится вся её мощь, и поэтому серединники должны быть защищены от тёмной ярости подонков Круга Внешнего.

Блестящий конус эмиттера был совсем рядом, и близость его действовала на нервы матросам-айкрам. Они хорошо знали, чем опасно приближение к любому из «поплавков», опоясавших внутренние острова Империи. Чуткая автоматика Барьера реагировала на любую попытку его пересечь, не имея на это права, и мощный энергоразряд уничтожал на месте любую лодку (в том числе и подводную), имевшую неосторожность войти в сферу действия следящих детекторов. Вода – хороший проводник, а ядерные реакторы, смонтированные на безлюдных островах периметра и бдительно охраняемые, питали энергией тысячи эмиттеров Барьера. Конечно, крейсер или белая субмарина смогли бы его прорвать, но таких кораблей у гниловатых не было, а для катера или для одинокого пловца Барьер был непроходим.

И рекруты об этом знали – на их лицах проступил страх, когда они вышли на палубу и увидели, что им предстоит. Однако выхода у них не было: катер уже был спущен и на воду и покачивался на волне, ожидая своих пассажиров-смертников.

– Идите, – приказал Карающий. – Докажите, что вы можете служить Императору. А ты, говорливый, – он ткнул пальцем в рекрута с царапиной на щеке (тот уже оклемался и шёл вместе с остальными), – наденешь вот это. И упаси тебя Владыка Глубин потерять её или разбить: если сигнал прервётся, это будет означать, что вы решили сбежать, и мы не будем с вами церемониться.

С этими словами он закрепил на куртке гниловатого миниатюрную телекамеру и подтолкнул его к борту. Вербованные с обречённым видом спустились в катер.

– Вперёд, отродье, и помните, что я вам сказал. Владыка Глубин к вам благосклонен, – чёрно-серебряный показал на белые барашки волн, – он развёл волну, и у вас есть шанс перескочить через Барьер на полном ходу. Вперёд!

Взревел мотор. Катер, провожаемый движением орудийных стволов, описал круг и понёсся прямо к эмиттерному конусу. Гниловатые сказали правду – они действительно умели управлять моторными лодками.

Карающий поднялся на мостик и поднёс к глазам бинокль – в оптике лица рекрутов, искажённые страхом, были видны отчётливо, до деталей.

– Сейчас сгорят, – меланхолично заметил командир корвета. – Будет жареное мясо...

Разогнавшийся катер, прыгая с волны на волну, подлетел почти к самому конусу, в очередной раз подпрыгнул, подброшенный бурлящим гребнем, и шлёпнулся в воду уже по ту сторону Барьера.

– Смотри-ка, проскочили, – изумлённо произнес капитан. – Вот уж не ожидал...

Человек в чёрно-серебряном промолчал – ему не о чем было говорить с командиром патрульного корвета. И уж во всяком случае Карающий не собирался объяснять, что пройти мимо *выключенного* эмиттера можно и на весёлом каноэ, и что для этого совсем не нужно разгоняться.

В свою очередь капитан не стал продолжать разговор. Он полагал, что всё это затеяно только для проверки Барьера – реальной проверки, – и был искренне удивлён тем, что катеру удалось проскочить. Однако катер прорвался, и командир сторожевика не стал задаваться вопросом, почему так получилось. За всё отвечает Карающий, рассудил моряк, а моё дело – отвезти его туда-то и туда-то, обеспечить ему то-то и то-то, такой у меня приказ. Командир корвета не любил чёрно-серебряных: зловещие они ребята, и непонятно даже, кто им отдаёт приказы – Адмиралтейство, сам Великий Кракен, жрецы Владыки Глубин или кто-то ещё.

* * *

– Ты только посмотри, как красиво! – балансируя на плоском камне, Натаи подняла

руки, как будто желая обнять море, плескавшееся у её ног, и холмы, поросшие живописной зеленью, и далёкие острова, и небо – вогнутое небо, похожее на гигантскую синюю чашу.

– Красиво, – согласился Камао. Он не кривил душой: дикие места есть дикие места, они сохранили свою первозданную прелесть и остались такими же, какими они были сотни и даже тысячи лет назад, когда предки айкров жили здесь в единении с природой, не пытаясь её покорить и переделать. Однако самой красивой деталью пейзажа Камао считал Натаи – лёгкая, стройная, она казалась ему птицей, присевшей передохнуть, чтобы лететь дальше. Он смотрел на неё, стоявшую на камне в купальном костюме – в коротких штанишках и узкой маечке, облежавшей грудь, – и думал, что совсем скоро Натаи Танаодо станет его женой, и он сможет каждую ночь делить с ней ложе и целовать её волосы, вкусно пахнущие солнцем. И пусть говорят, что он, «красавчик Камао», прицепился к ней только из-за того, что её отец – известный учёный, которого высоко ценят и Утончённые, и даже сам Император (ценят, и вознаграждают, и, надо сказать, вознаграждают неплохо). Эти разговоры – они от зависти; они с Натаи любят друг друга, и это самое главное. А всё остальное – так, приложение (пусть даже неплохое, кто ж с этим спорит). Он, Камао, добивался согласия девушки выйти за него замуж вовсе не из желания стать зятем знаменитого Аримаи Танаодо – у него, Камао Таке, и у самого неплохой статус, и неплохой доход, и его семья не будет ни в чём нуждаться и без помощи тестя (хотя если такая помощь будет, зачем от неё отказываться?).

Идея съездить на пару дней в дикие места, на самую окраину Серединных Островов, поначалу не вызвала у Камао особого восторга. Чего они там не видели? Море – оно везде то же самое, и берега такие же, а в обжитых местах к твоим услугам все удобства: и гостиницы, и уютные кафе, и развлечения. Однако он уступил Натаи, причём не только потому, что хотел сделать ей приятное: в глубине души Камао лелеял сладкую мысль, что когда они останутся одни – одни, совсем одни, одни на десятки километров окрест, словно первые люди на земле, – девушка наконец-то ему уступит и станет его женой до брачной церемонии, до которой ещё целых две недели. Камао подозревал, что Натаи сама этого хочет, поэтому и стремиться подальше от людских глаз: сплетни – страшная вещь, они могут замарать самое доброе имя. Невеста – ещё не жена, а завистники не преминут позлословить о «распутном поведении» любимой дочери самого Аримаи Танаодо: вот, мол, она какая, для неё нравственные законы не писаны! Серединники вообще помешаны на законах – и нравственных, и любых других, – недаром их называют законопослушными.

– Хорошо... – Натаи закинула руки за голову, подняла лицо к небу и зажмурилась. – Надоел мне этот наш уют, где всё расписано от и до, и где шагу нельзя ступить, чтобы не нарушить какое-нибудь неписанное правило. Не люблю расчерченного и упорядоченного – человек рождается свободным, зачем загонять его в тесные рамки, и кому это надо?

– Смотри не свались, – предупредил её Камао. – Стоит закрыть глаза, как начинаешь терять равновесие (А если терять, так уж лучше девственность, добавил он про себя).

– Не свалюсь, – девушка засмеялась и перепрыгнула на соседний камень. – А если и свалюсь, ты ведь меня поймал, правда?

– Обязательно поймаю, – пообещал Камао. – Поймаю, обниму – крепко-крепко, – и буду целовать – долго-долго, – а потом...

– Размечтался, – Натаи озорно тряхнула волосами, ещё не высохшими после купания. – Тогда уж я лучше постараюсь не упасть!

Она перепрыгивала с камня на камень, омывая ноги в шипящей пене волн, лизавших береговые валуны, а он шёл за ней по кромке прибоя, любуясь гибкостью её движений и её красотой. Добравшись до песчаной полосы, разрывавшей нагромождение камней, обросших бахромой водорослей, Натаи соскочила на песок и заявила требовательно:

– Время обеда! Что принёс мужчина-добытчик женщине своего племени? Удачна ли была его охота?

– Мужчина принёс хранильнице огня сытной еды и вкусного питья. Его охота была удачной.

С этими словами он сбросил с плеча сумку, порылся в сложенной в ней одежде и

вытащил упаковку с копчёной рыбой и бутылку с лёгким вином. Бросив на песок полотенце, Камао разложил на нём снедь.

– Прошу к столу!

Они сидели на полотенце, ели, пили и смотрели друг на друга – они были одни, как первые люди на земле. Они целовались долго и жадно, но когда Камао попробовал сократить площадь тела девушки, прикрытую тканью купальника, она воспротивилась.

– Не надо... пожалуйста... Я тоже хочу тебя, да... но... Невеста – это от слова «не ведать», не ведать страсти. Как я надену белое свадебное платье? Мне будет стыдно...

– Перед кем, Натаи? Что за глупости...

– Перед собой. Прежде всего надо быть честным перед самим собой, и только потом уже можно требовать честности от других. Так говорит мой отец, и я с ним согласна. Ты не сердись, а? Я люблю тебя, очень, и хочу быть твоей женой, но сейчас – не надо. Пожалуйста.

Сдерживаясь, Камао встал и скрестил руки на груди, сжав пальцами плечи. В висках гулко стучала кровь, ослепляя сознание и заглушая разум. Откуда-то из тёмных закоулков вылезла обжигающая мысль «Сейчас я повалю её на песок и возьму её силой!», но Камао её задавил: разве можно так обращаться с любимой?

Девушка подошла к нему и тихонько коснулась его плеча.

– Не сердись, любимый, постарайся меня понять, – сказала она и добавила, желая его отвлечь: – Ты знаешь, что это за острова?

– Какие?

– Вон те, – она дёрнула подбородком, показывая, и он различил в туманной дымке смутные бледные очертания далёкой земли. – Это Внешние Острова.

– Те самые?

– Те самые. А вон там вот – видишь? – Барьер. Цепь энергоэмиттеров, граница между нашим добродушным миром и злобным миром гниловатых.

Внешние Острова, думал Камао, так вот вы какие... С виду – острова как острова, в Архипелаге таких тысячи, но если знать, кто там обитает... Клоака, выгребная яма, куда стекает гной со всей Империи. Хранилище человеческих отходов, вонючая помойка. Зря мы сюда приехали, не хочу я на них даже смотреть...

– Гниловатые, – услышал он голос Натаи, – это грубая кожа нашей империи, колючая жёсткая кожа, защищающая нежный организм. Так нас учили в школе, помнишь? Они наш щит, принимающий на себя удары извне, и они же наш меч, наносящий ответные удары. Они необходимое зло, как говорят жрецы, но разве зло может быть необходимым? Отец говорит, что все люди равны от рождения, и что безжалостно вышвыривать кого-то во Внешний Круг – это неправильно. Необходимое зло копится, а когда оно накопится, оно станет неизбежным злом. И когда я об этом думаю, – она зябко повела плечами, – мне становится не по себе.

– А ты об этом не думай, – Камао ласково провёл ладонью по её волосам. – У нас есть свой мир, и свой порядок вещей, среди которого нам тепло и уютно, – зачем думать о том, чего ты всё равно не можешь изменить? И в конце концов, страх попасть во Внешний Круг удерживает многих неустойчивых трусов от плохих поступков. Разве было бы лучше, если преступники оставались бы среди нас, а не изгонялись на Внешние Острова, и если бы дети с порочными наклонностями росли бы вместе с нашими детьми – с нашими с тобой будущими детьми?

– Наверно, ты прав, но... Смотри, что это?

Со стороны Барьера к берегу, на котором они стояли, что-то двигалось – двигалось быстро, с каждой минутой увеличиваясь в размерах.

– Что бы это могло быть? – пробормотал Камао. – Похоже на стандартный моторный катер, да... Морская полиция? Но что им здесь делать?

Катер приближался, и уже можно было различить, что в нём сидели люди, трое или четверо. И люди эти были странными – Камао почувствовал исходившую от них опасность, неуловимую, но явственную. Похоже, на катере заметили парочку, стоявшую у самой воды: лёгкое судёнышко подвернуло и понеслось напрямик к песчаному пляжу, вздымая высокий

белый бурун.

– Это не полиция... Это... Это гниловатые! – с ужасом проговорила Натаи. – Бежим!

Они бежали по камням, оскальзываясь и ежесекундно рискуя упасть и сломать ногу. Какая глупость, какая глупость, повторял про себя Камао. Зачем, зачем мы забрались в эти места, откуда рукой подать до Внешних Островов? Здесь же никого нет, и никто не придёт к нам на помощь! А у меня нет оружия, трудованы оружия не носят, оно им не нужно, потому что в Среднем Круге и мир, и покой, и порядок. А наша машина на той стороне скалистого холма, и до тропинки, по которой мы спустились к морю, километр, не меньше. Моя сумка осталась там, на песке, но ключи от машины при мне, я с ними не расстаюсь, вот они, тут, в кармашке брюк. Но эти камни, когда же они кончатся... Наверх можно подняться только по тропе, здесь сплошная каменная стена, гладкая, без трещин и выступов. Только бы добежать до тропы... Тропа узкая, по ней может пройти только один человек, и она крутая. Я встану на тропе и буду швырять в гниловатых камни, больше тяжёлые камни, дробящие кости, – их удобно швырять сверху вниз. Я буду швырять эти камни точно так же, как это делали мои далёкие предки, защищавшие свои жилища от диких зверей. Только бы успеть добежать до тропы, только бы успеть...

Но они не успевали. Гниловатые, выскочившие на берег, бежали за ними как дикие псы, взявшие след, и сокращали расстояние – дети жестокого мира, выросшие на пустынных Внешних Островах, прошли суровую школу выживания и двигались с быстротой голодных хищников. Оглянувшись, Камао понял, что их догонят задолго до того, как они доберутся до спасительной тропы. Какая глупость, подумал он обречённо, какая глупость...

Берег делал крутой поворот, переламываясь почти под прямым углом. Они обогнули каменный бок утёса, и Камао увидел расщелину. Когда они шли туда, он её не заметил, и неудивительно: вход в расщелину закрывал густой полог побегов горного вьюнка, закрывал так, что её не было видно. Он и сейчас не заметил бы эту расщелину, если бы не порыв ветра, отдёргнувший зелёную завесу и чуть приоткрывший чёрный зев пещеры.

– Туда! – выдохнул Камао, схватив Натаи за руку. – Прячемся!

Они еле втиснулись в расщелину – она была очень узкой, – и замерли, прижавшись к друг другу и боясь даже дышать. В пещерке было темно, под ногами плескалась вода – море забралось и сюда. Камао ничего не видел, зато он слышал – вернее, ощущал, – как отчаянно бьётся сердце Натаи.

– Ш-ш-ш... – прошептал он ей на ухо. – Здесь нас не найдут. Наверно, они сбежали со своих островов, их наверняка ищут, и они не смогут долго тут задерживаться, им же надо бежать дальше...

Снаружи раздались грубые голоса. Гниловатые добежали до поворота и остановились, не понимая, куда же девались те, за кем они гнались. «Не видно...». «Никого...». «На скалу тут не залезешь». «Может, они прыгнули в море? Смотрите в оба, под водой они долго не усидят!». Голоса постепенно удалялись и становились глуше – гниловатые потеряли след. Камао глубоко вздохнул, и в это время Натаи пронзительно взвизгнула.

Маленький зелёный краб, заползший в расщелину, наткнулся на босую ступню Натаи и решил попробовать её на вкус. Щипок его крохотной клешни почти не причинил ей боли, но этот щипок был неожиданным, и напряжённые нервы девушки не выдержали.

Зелёная завеса разлетелась под натиском четырёх пар сильных рук. Молодых людей рывком выдернули из их убежища, и теперь Камао оставалось только драться. Серединник Камао Таке был крепким парнем, мускулистым и спортивным, он мог бы с успехом выстоять в честной драке с парой противников, но против четверых гниловатых с ножами, одичалых убийц, которых можно было назвать людьми только с большой натяжкой, шансов у него не было. Он услышал жалобный крик Натаи, успел нанести несколько ударов, кроша кулаками носы и челюсти, а потом его сбили с ног. Бок обожгло болью – нож полоснул по рёбрам, – на голову рухнуло что-то тяжёлое, и свет померк. Камао лежал между камней, и гниловатые не стали его добивать – в их руках билась и заходила криком чистенькая девушка Среднего Круга, такая добыча не часто перепадает отверженным обитателям Внешних Островов, и они

спешили попробовать её на вкус.

Натаи повалили на плоский камень – на тот самый, на котором она стояла два часа назад, – и растянули, распластали как рыбу, из которой надлежит приготовить изысканное блюдо для гурманов. Гниловатые не были гурманами, но они изголодались по женщинам, тем более что таких женщин никто из них раньше даже не видел. И ещё они помнили слова Карающего «если вы случайно кого-то встретите – неважно кого, мужчину или женщину, – вы можете поступить с ним так, как вам заблагорассудится. Это будет вашей наградой».

– А-а-а-а!!!

От крика Натаи Камао пришёл в себя. Болело избитое тело, огнем жгла рана на боку и ещё одна, на спине; кровь заливала глаза, но он видел, что делают с его любимой. И Камао нашёл в себе силы броситься и вцепиться в горло гниловатому, навалившемуся на девушку всем своим вонючим телом. Он очень хотел его задушить, и задушил бы, если бы другой гниловатый не схватил Камао за подбородок и не вогнал ему в глаз лезвие ножа...

Последний из гниловатых встал с измятого тела девушки и натянул штаны. Натаи лежала неподвижно. Глаза её были полны слёз, но плакать она уже не могла – не было сил.

– Её нельзя так оставлять, – буркнул один из насильников, облизнув разбитую губу. – Если нас будут искать, она сможет нас узнать, и тогда...

И тогда другой гниловатый, чуть помедлив, наклонился и воткнул нож под левую грудь Натаи Танаодо, единственной и любимой дочери учёного трудована Аримаи Танаодо.

– Смотри, не разбей камеру, – сказал он гниловатому с царапиной на щеке, пряча нож. – Обидно будет, если из-за такого пустяка нас расстреляют с вертолётов. Пошли, время возвращаться.

...Ещё не остывшие от крови и насилия (и гордые тем, что они почти уже, можно сказать, морские воины Островной Империи), они спихнули в воду катер и взяли курс на тот же эмиттер, который они однажды успешно миновали. А где один раз, там и другой – волны не улеглись, и нужно только хорошенько разогнаться.

...Они не знали, что человек в чёрно-серебряном, видевший всё происходившее на берегу на экране телевизора, чуть усмехнулся, достал пульт дистанционного управления и лёгким движением пальца вновь активировал отключенное звено непроницаемого защитного Барьера, надёжно отсекавшего Внешние Острова от Островов Серединных. И они не успели даже удивиться, когда в их катер ударила молния миллионвольтного разряда, мгновенно расплавившая его алюминиевый корпус и превратившая в пепел всех четверых.

...Вернувшись в столицу, Карающий доложил о выполнении задания и получил деньги, благодарность, а также трёхдневный отпуск. А вечером, когда он сидел на открытой террасе своего дома, ему показалось, что в щеку его укусил москит – эти кусачие насекомые залетали иногда в дома. Человек хлопнул себя по щеке, и успел ещё удивиться, почему это под пальцами ничего нет, ведь реакция у него была отменной, он мог поймать муху на лету.

А потом он упал на пол и умер. Вскрытие не выявило причин насильственной смерти – жрецы Владыки Глубин владели тайными рецептами древних ядов, и крохотная стрелка, выпущенная из духовой трубки, бесследно растворялась в крови жертвы.

...Через неделю после его смерти патрульный корвет охраны Барьера, на котором он ходил к Внешним Островам, случайно оказался в зоне учений группы флотов «А» и был случайно потоплен – морские воины стреляют боевыми даже в учебном бою. Корвет погиб со всем экипажем – спасённых не было.

* * *

– Рад вас видеть, дорогой профессор Танаодо, – мэтр Сенао Тариа изобразил на своём лице радушную улыбку, – всегда, в любое время. Вы один из немногих серединников, кому дозволено посещать Внутренний Круг – вы заслужили это право.

Учёный выглядел неважно: под глазами залегли чёрные тени, лицо осунулось, руки мелко дрожали – чтобы скрыть эту дрожь, Аримаи сжал пальцами краешек стола.

«Да, старику несладко, – подумал Утончённый, – и неудивительно. Он до безумия любил свою дочь, и пережить такую трагедию... Мне его искренне жаль, но...».

– О чём вы хотели со мной поговорить? – спросил Тариа. – Мне сообщили, что речь пойдёт о чём-то крайне важном.

Аримай поднял глаза, подёрнутые дымкой душевной боли.

– Я буду краток, – произнёс он надтреснутым голосом. – Я готов работать для вас на ваших условиях. Два года назад вы предлагали мне неограниченное финансирование, если я соглашусь на... Так вот, я согласен.

– Э-э-э... Простите великодушно, но не могли бы вы мне напомнить, о чём именно идёт речь? Конечно, мне известно, что вы крупнейший физик-теоретик страны и, пожалуй, всего мира, что вы являетесь создателем единой теории поля, и что ваша теория, в некотором смысле, переворачивает все наши представления о Мироздании. Не поймите меня превратно, но уточните, пожалуйста, в чём суть вашего проекта? Два года – большой срок, и годы эти у меня были наполнены массой дел, каждое из которых требовало к себе внимания.

Мэтр Сенао Тариа беззастенчиво лгал. Он отлично помнил, о чём они говорили два года назад, и в чём заключается «суть проекта» – замысел был выдвинут никем иным, как им самим. Однако мэтр Сенао Тариа хотел лишний раз подчеркнуть свою значимость, а заодно и отвлечь сломленного горем старика от тягостных мыслей: для истинного учёного, каким был трудован Аримай Танаодо, любимая работа – это и панацея, и смысл жизни.

– Как вам, надеюсь, известно, – начал Танаодо, – я выдвинул понятие «ментальное поле» и сумел нащупать его следы, переведя таким образом это понятие из умозрительной области в область физических экспериментов. Ментальное поле существует, это не фикция. Свойства его загадочны – например, это поле ничем не экранируется. И это поле неразрывно связано с человеческим разумом, причём неясно даже, что здесь первично, а что вторично. Можно сказать так: ментальное поле – это субстанция разума или, если угодно, средоточие души. А что касается практического применения этого открытия – ментальным полем можно лечить психические расстройства, можно корректировать структуру личности, можно даже продлять срок жизни человека. Но можно и убивать, и вот это-то вас и заинтересовало.

– Это не совсем так, – возразил Тариа. – Да, теперь я вспомнил наш разговор. Меня интересовало не убийство как таковое, а изъятие «жизненной силы» – термин это, конечно, не научный, зато простой и понятный, – и её дальнейшей использование... в определённых целях. А убийство – это побочное явление: неизбежное.

– Изъятие «жизненной силы»? – Танаодо на секунду задумался. – Да, это определение довольно точно отображает суть процесса. Есть ментальное поле мира, и есть поле каждого отдельного человека, и поля эти взаимодействуют, перетекая одно в другое. А техническая сторона вопроса проста. У меня были сведения о разработках континенталов – отрывочные, поскольку всё это глубоко засекречено, – и я кое-что понял. Их гипнотические башни – это генераторы ментального поля, приносящие стороннее воздействие на человеческий разум. Но любое – почти любое – техническое устройство обратимо: генератор может работать в двигательном режиме, эмиттер может стать ресивером, а передающая антенна – приёмной. И если возможно создать генератор поля – а судя по всему, континенталам это удалось, – то можно создать и «насос», и даже комбинированную установку. А дальше – дальше можно лечить людей, ведь все болезни, в конечном счёте, а также старение обусловлены дефицитом этой самой «жизненной силы». Да, «жизненной силы», – должен сказать, что определение ваше весьма удачное. Во всей этой радужной картине есть только один изъян: для того, чтобы кто-то жил, кто-то должен умереть. Такая этическая коллизия для меня неприемлема – была неприемлема, – и только поэтому два года назад я отказался от вашего предложения.

– Вы сказали «была неприемлема»? – вкрадчиво заметил Утончённый. – С тех пор что-то изменилось?

– Изменилось, – глухо ответил учёный и сгорбился, словно на плечи ему опустилась неподъёмная тяжесть. – Моя дочь... Она умерла – погибла, да, а я не смог её спасти...

– Простите меня, – скорбно произнёс Утончённый, – я не знал об этом.

Мэтр Сенао Тариа снова беззастенчиво лгал. Учёный трудован Аримаи Танаодо был для него слишком важен, и поэтому вся жизнь физика и его ближнего окружения находилась под неусыпным надзором – поминутно. Мэтр Сенао Тариа знал, что Натаи Танаодо со своим женихом собирается побывать на Окраинных Островах, и знал точно, где и когда они будут. Мэтр Сенао Тариа знал не только о том, что дочь Аримаи Танаодо погибла: она знал, как она погибла – во всех подробностях, – и ему были известны все обстоятельства её гибели. Но мэтр Сенао Тариа не счёл нужным сообщать об этом безутешному отцу...

– Её убили гниловатые, – голос Аримаи дрогнул, – изнасиловали и убили. И теперь я знаю, кто станет подопытными рыбками для моих экспериментов с «насосом» ментального поля. Я ошибался, считая гниловатых людьми – они не люди. И если миллионы гниловатых умрут ради того, чтобы выздоровел всего лишь один больной ребёнок, это уже будет благом. Гнойная сыпь Внешних Островов – это короста на теле нашей страны, огромное гетто, где гниловатые реализуют все свои дурные наклонности. Эта погань должна быть уничтожена, и это тоже лечение.

Утончённый молча слушал, давая срединнику выговориться.

– Наша концепция «защитного слоя», – продолжал Аримаи, – каковым якобы является Внешний Круг, порочна. Мы выпустили на пустырь за забором нашего благоустроенного дома стаю бездомных собак, полагая, что они защитят наш дом от воров. Да, эти собаки набросятся на любого, кто попытается подойти к забору, но если они найдут в заборе дыру, они точно так же кинутся и на нас. Что, собственно, и произошло... Настоящие сторожевые собаки преданы своему хозяину, они умрут за него, не говоря уже о том, что они никогда не причинят ему вред. И хозяин о них заботится, а не ограничивается тем, что швыряет за забор обглоданную кость – жрите. А бешеные псы – их надо отстреливать, чтобы они не грызли людей. И я буду их отстреливать, чтобы такие трагедии в будущем никогда не повторялись, и буду изымать из их черепов субстанцию разума, которой найдётся лучшее применение.

– Я скорблю вместе с вами, дорогой Аримаи, – с рассчитанной проникновенностью проговорил Утончённый. – И я рад буду обеспечить вас всем необходимым и создать вам все условия для работы. У вас есть какие-то особые пожелания?

– Мне хотелось бы ознакомиться с разработками континенталов – описания, чертежи, а лучше всего – готовое изделие, рабочий образец генератора ментального поля. Я понимаю, что это очень сложно, особенно сейчас, когда мы находимся накануне большой войны, но это сэкономило бы нам время и силы. Лучше воспользоваться результатом – если есть такая возможность, – чем заново повторять кем-то уже сделанное.

– Да, это непросто, – согласился мэтр, – но не невозможно. Что же касается войны – надеюсь, нам удастся её избежать.

* * *

Келья Уединения – каменный мешок, облицованный изнутри мраморными плитами, – врезана в тело храмовой пирамиды. Здесь нет окон – свет рождают лампы, скрытые под потолком, – а тяжёлая дверь так тщательно пригнана, что сливается со стеной и составляет с ней единое целое. С поверхности сюда не долетает ни один звук – служение богам не терпит суеты, и ничто не должно отвлекать неофитов и напоминать им о суетности внешнего мира. В кельях Уединения желающие приобщиться к древней мудрости и принять благосклонность Владыки Глубин встречаются со жрецами и ведут с ними долгие беседы, и содержание этих бесед никогда не становится достоянием чужих ушей: кесарю – кесарево, а богу – богово.

За шестигранным столом, занимавшим большую часть кельи, сидели два человека, айкр и хазз. Они молчали, напоминая этим опытных бойцов, которые в поединке с опасным противником не спешат нанести удар, оценивая друг друга и зная, что любая ошибка может стать роковой.

– Что привело тебя сюда? – нарушил молчание жрец. – Белый Город ищет мудрости?

– Белый Город ищет помощи. Страна наша на краю гибели.

– Поясни свои слова, Утончённый.

– Поясню, Верховный. Мы все – все – не проживём и часа после того, как «морские богини» взлетят из-под воды и понесутся к материку. Войну надо остановить.

– Война и мир в руках Владыки Глубин. Древняя месь священна.

– Война и мир в руках Великого Кракена. Если безумный потомок Владыки Глубин ищет смерти, его предок вправе подарить ему смерть, но только ему – одному. А волю Бога изрекают его жрецы, и если они скажут, что император должен уйти...

– Твои слова пахнут изменой. Знаешь ли ты, что находится на вершине храмовой пирамиды? Я тебе скажу: там алтарь, на который взирает Недремлющее Око, выжигающее сердца. Ты хочешь, чтобы взгляд Ока упал на твою грудь?

– Я знаком с архитектурой храмовой пирамиды. Я не хочу попасть на алтарь, но я не хочу и того, чтобы этот алтарь вместе со всей пирамидой был разрушен взрывом водородной бомбы. Оставим экивоки, Верховный жрец, давай говорить прямо. Империя – это война, в которой не будет победителей, а будут только побеждённые. Это понимаем и мы с тобой, и даже кое-кто из военных аристократов. А я бывал на материке и видел, что осталось на месте нескольких Старых Стран, опрометчиво полагавших, что атомный меч принесёт им победу.

– Ты хочешь власти. Остановить войну – для тебя это всего лишь повод.

– Да, я хочу власти, – согласился хазз без тени смущения. – Я использую эту власть куда рациональнее, чем этот делает Великий Кракен, и предлагаю тебе, Верховный, перейти на нашу сторону. Трудованы пойдут за победителем, гниловатых можно не принимать в расчёт, а вот ты, святейший... Ты мне нужен: часть военачальников мы просто купим, но среди них есть и такие, которые не продадутся – например, первый адмирал флота Нагга Торибучи. Однако он и ему подобные чтят Владыку Глубин: император для них всего лишь сын Бога, а сына они почитают куда меньше, чем отца. И если морские воины услышат слово жрецов...

– И для этого ты хочешь купить меня? И ты думаешь, что сможешь это сделать? Что ты можешь мне предложить, Утончённый? Деньги? – айкр презрительно скривил губы. – Для нас это мусор. Власть? У нас её не меньше, чем у вас. Не всё продаётся, хазз.

– Я предлагаю вам бессмертие, – спокойно и даже равнодушно ответил Утончённый, словно речь шла о мелкой купюре, какие подают храмовым нищим. – Реальное физическое бессмертие. У вас, жрецов, есть всё – богатство, влияние, власть над миллионами людей. Вы владеете многими тайнами древних знаний, но даже эти знания не подарят вам бессмертия, – в голосе хазза промелькнула еле заметная тень иронии. – А я это сделаю.

Первым желанием Верховного жреца было желание одёрнуть зарвавшегося торгаша резкой фразой «Что ты знаешь о наших древних знаниях, ростовщик? Не тебе о них судить, слишком много о себе возомнивший!». Однако он не стал этого делать – Верховный жрец Владыки Глубин знал, что человек, сидевший напротив него, никогда ещё не бросал слов на ветер. Да и кто осмелился бы шутить со святейшим? Только сумасшедший, возжелавший без промедления оказаться на жертвенном алтаре, а Белый Город Внутреннего Круга, насколько было известно Верховному, не был населён безумцами.

– Я это сделаю, – повторил Утончённый. – Для этого нужно немного – нужно всего лишь изменить неуклюжую структуру нашей архаичной Империи. Великий Кракен больше не нужен, разве что в качестве декоративной фигуры, дани традициям. Фактически власть уже у нас, Верховный, и тебе это известно. Осталось сделать последний шаг – зафиксировать этот факт. А на вашу власть над людскими душами мы не покушаемся – наоборот, она будет нам полезна. Вы ничего не теряете, а приобрести можете многое – очень многое, Верховный.

– Всего лишь немного изменить структуру Империи... – медленно произнёс айкр. – Да, пустяк, сущий пустяк... Но ты прав: мы можем это сделать, и мы это сделаем.

Сенао Тариа облегчённо вздохнул. Вздохнул мысленно – красивое лицо Утончённого осталось бесстрастным: внешне мэтр никак не выказал своего облегчения. Император уйдёт, подумал он, и войны не будет. А мне – нам – не нужна даже победоносная атомная война с континентами: ядерные взрывы уничтожают всё, а на материке, в Стране Неизвестных

Отцов – в бывшей Стране Неизвестных Отцов, – есть кое-что чрезвычайно ценное, что надо бы заполучить в целости и сохранности.

Однако говорить этого вслух он не стал: мэтр Сенао Тариа отлично знал, что в беседе с таким человеком, как Верховный жрец Владыки Глубин, не стоит выкладывать на стол все козыри.

* * *

Дылда Капустник с трудом оторвал опухшее лицо от груди тряпья, служившего ему постелью. Вчерашний вечер вспоминался с трудом. Пospела брага, и весь посёлок вусмерть перепился – какие ещё у гниловатых могут быть развлечения? Ну да, была ещё драка, дикая и бессмысленная, и он, атаман, кого-то изувечил, а потом гонялся за какой-то девчонкой, которая уже достаточно подросла для того, чтобы ею можно было попользоваться. Не догнал – девчонка оказалась шустрой, как зверёк, а ноги Дылды Капустника не слишком уверенно держали своего пьяного хозяина. Надо будет сегодня найти её и завалить, пока это не сделал кто-нибудь другой, охотники помять первоцвет всегда найдутся.

Нашарив жестяную кружку с водой, атаман осушил её жадными глотками и помотал головой. Сознание прояснилось. Что-то давно в посёлке не появлялись вербовщики, и судно снабжения тоже запаздывает. Островитяне подъели уже все запасы и сидели теперь на одной рыбе и прочих дарах природы, произрастающих в джунглях. Голода пока не было (и, хвала Владыке Глубин, не будет), но жрать хотелось уже постоянно. Вести из-за Барьера доходили странные и невнятные: сначала вроде бы дело шло к большой войне – подводный флот Островной Империи готовился атаковать материк, – а потом вдруг поползли слухи о войне гражданской: то ли жрецы восстали против императора, то ли Великий Кракен решил взять жрецов к ногтю, то ли взбунтовались срединники. С жиру бесятся – сюда бы их всех, на Внешние Острова, на голодный паёк да под строгий надзор, тогда бы они по-другому запели.

Капустник выбрался из хижины, почесал волосатую грудь и огляделся. И рука его замерла, перестав скрести грязную шерсть: Дылда увидел корабль, входивший в бухту.

Корабль этот выглядел необычно – длинный и узкий, он совсем не походил своими стремительными очертаниями ни на патрульный корвет охраны Барьера, ни на любой другой военный корабль императорского флота, какие доводилось видеть атаману посёлка. Корабль напоминал прогулочную яхту какого-нибудь богача – на нём было ни орудийных установок, ни ракетных труб, только возвышалась посередине решётчатая башенка, увенчанная круглой нашлапкой, ошетилившейся длинными иглами. И ещё Капустника удивило то, что корабль входил в бухту молча, словно крадущийся хищник, не подавая никаких звуковых сигналов, – неудивительно, что берег был пуст, все жители деревни дрыхли по своим норам, отсыпаясь после вчерашнего.

Мозги гниловатого ворочались с трудом. Дылда Капустник тупо глядел на странный корабль, пытаясь сообразить, что всё это значит, но так ни до чего и не додумался. Он просто не успел этого сделать: шар на решётчатой башенке корабля окутало голубоватое дрожащее сияние, и береговой песок ушёл из-под ног атамана, вышвыривая его в непроглядную тьму, где нет ни света, ни движения. Из хижин никто больше не вышел: уснувшим вчера жителям посёлка уже не суждено было проснуться...

Сидя в аппаратной крейсера специального назначения, покидавшего обезлюдевший остров, профессор Аримаи Танаодо скрупулёзно снимал показания приборов, подводя итоги эксперимента.

«Четыреста двадцать семь умерщвлённых подопытных, – думал он, – но аккумуляция ментальной энергии по-прежнему ничтожна. Её хватит разве что для того, чтобы излечить от подагры всего одного старика в Белом Городе. Высосанная энергия рассеивается – мне её не собрать. И всё-таки мои теоретические выкладки подтвердились! Улов невелик, но он есть, а увеличение коэффициента полезного действия «насоса» – это вопрос времени. Увеличим, особенно если удастся воспользоваться наработками континенталов. А время – время у меня

есть. Атомной войны с материком не будет: похоже, Империя доживает последние дни.

* * *

...Чёрный дым полз по улицам и волнами стекал к морю.

Столицу Островной Империи пожирал огонь.

Великий Кракен сумрачно взирал с террасы дворца на дым, затопивший огромный город. Там, в этом дыму, торопливо перебежали люди – люди, отринувшие древние традиции и предавшие старых богов ради богов новых, – лязгали гусеницы тяжёлых танков и гремели выстрелы. Мятеж, который поначалу никто из приближённых владыки Островной Империи не принимал всерьёз, обернулся крахом устоявшегося порядка вещей: золото победило сталь, и преданные морские воины, опора трона, продавали свои мечи новым хозяевам страны за звонкую монету. Правда, не все – многие дрались до конца, не прося и не давая пощады и заливая кровью широкие площади и узкие улицы столицы. Но это было сопротивление обречённых – исход великой битвы сомнений уже не вызывал.

Жрецы, жрецы – кто мог подумать, что они, хранители веры, протянут свои жадные ладони за мздой, отрекутся и плюнут на алтари? Жаль, что ударный ракетносец не смог выполнить последний приказ императора – субмарины мятежников перехватили его и отправили на дно прежде, чем распахнулись люки, выпуская на свободу могучие тела ракет, несущих яростное ядерное пламя. Ракеты не взлетели, и не упали на Белый Город, смывая очистительным огнём гнусную накипь, разёвшую основу основ Империи Тысячи Островов – преданность и честь воина. Битва проиграна – последние защитники дворца расстреливают последние патроны, дорого отдавая свои жизни. Ну что ж, он, Великий Кракен, воин из рода воинов, сумеет уйти достойно.

Император обернулся и нашёл глазами верного телохранителя, оставшегося с ним до конца. Воин понял безмолвный приказ: он приблизился, опустился на одно колено и молча протянул Великому Кракену резной деревянный ларец.

Высшие военные аристократы Островной Империи открывали Двери в Вечность, соблюдая особый ритуал. Ключом к Дверям Вечности служила морская раковина, плоская кромка которой было отточена до бритвенной остроты. За сохранностью этой ритуальной раковины тщательно следил проверенный воин, пользующийся особым доверием знатного айска: он ежедневно вынимал раковину из ларца, протирал мягкой кожей и проверял заточку кромки, роняя на неё полоску тонкой рисовой бумаги. Если полоска распадалась надвое, раковина заботливо убиралась обратно в ларец, если нет – хранитель восстанавливал остроту «Священного Ключа», затрачивая на эту процедуру немало времени.

Великий Кракен недрожжащими пальцами откинул крышку ларца и извлёк «ключ» – время пришло. Император посмотрел на пустую вершину ступенчатой пирамиды, на металлическое кольцо над покинутым жертвенным алтарём, на потухшее Недремлющее Око и одним уверенным взмахом перерезал себе горло острой кромкой ритуальной раковины...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОЖРАВШИЕ СЕБЯ

Смерть приходила по ночам.

Незримая, неслышимая, неосязаемая, она кралась на мягких лапах по пустынным ночным улицам – ночью улицы города пустовали, потому что законопослушные должны спать, чтобы утром встать на работу хорошо отдохнувшими, а те, кто имел право веселиться, веселились за закрытыми дверями и плотно зашторенными окнами ночных клубов, доступ в которые разрешён далеко не каждому.

Смерть собирала обильный урожай.

Её жертвами становились люди в расцвете сил, здоровые мужчины и женщины в возрасте сорока-сорока пяти лет, ещё не успевшие обзавестись хроническими болезнями, но уже успевшие родить и вырастить детей. Зачастую ночная смерть прихватывала и других

людей – стариков и старух, юношей и девушек, и даже младенцев, аппетит у ночной смерти был завидный, – но прежде всего она выхватывала сильных людей среднего возраста, и это было непонятно, ведь обычно смерть предпочитает старых и слабых.

Смерть была непредсказуемой.

Она могла не напоминать о себе и месяц, и два, и три, и пять, а потом вдруг сотрясала спящий город несколько ночей подряд, опустошая целые кварталы и целые районы. И никто не мог сказать, какой дом и какая улица уже облюбованы ею, и кто из жителей города уже не увидит следующее утро. Смерть гребла всех: толстых и тощих, рослых и низеньких, лысых и кудрявых, блондинов и брюнетов, энергичных и апатичных, совестливых и подлых. Люди умирали во сне, в своих постелях, а утром угрюмые работники похоронных служб очищали вымершие квартиры от трупов. И как ни странно, освободившиеся жилища не приобретали дурную славу – наоборот, эти дома пользовались большим спросом: существовало поверье, что Ночная Смерть не приходит дважды туда, где она уже была. На самом деле это было не так, но отчаявшиеся люди, не знавшие, как бороться с этой напастью, готовы были поверить во что угодно.

Смерть не знала преград.

Её не удерживали двери, запёртые на все замки и засовы, решётки на окнах, глухие стены, проложенные листами металла, и даже вентиляционные фильтры, рассчитанные на нейтрализацию всех известных болезнетворных микробов. Время от времени на «чёрном рынке» появлялось очередное патентованное средство, «позволяющее со стопроцентной гарантией защитить вас от Ночной Смерти», однако на проверку оказывалось, что таблетки и микстуры нисколько не помогают: пустые флакончики из-под «Панацеи древних» и облатки от «Порошка богов» находили на прикроватных тумбочках рядом с мёртвыми телами людей, веривших во всеисцеление медицины. Не помогали и молитвы отцов церкви, творимые по всем правилам адептов Святого Престола, некогда властвовавших над умами, сердцами и душами миллионов прихожан. Истовость веры и покаяние не приносили никакой пользы – Ночная Смерть забирала и грешников, и праведников, не делая между ними никакого различия. Кое-кто пытался выявить закономерность в периодических пришествиях Ночной Смерти, однако никому не удавалось это сделать. И люди, пережившие очередную страшную ночь, утешали себя тем, что они всё-таки её пережили – смерть прошла стороной, и есть надежда, что она явится за ними ещё не скоро.

Смерть приходила по ночам...

* * *

Вставать не хотелось. Закинув руки за голову, Гай потянулся и задумчиво посмотрел в потолок. Потолок был белым, чистеньким, и ничего интересного на нём не наблюдалось, даже одинокой заблудшей мухи. Чуть повернув голову, Гай Заар бросил взгляд на соседнюю кровать, где обычно спал Дой Шинту, его товарищ и сокурсник. Кровать была пустой – Дой то ли уже встал, то ли вовсе не приходил ночевать, застряв вчера вечером в какой-нибудь весёлой компании на пятом этаже или даже в женском корпусе. Парней оттуда вообще-то гоняли, но строгим администраторам очень трудно было справиться со всеми «нелегалами», которых к тому же весьма изобретательно укрывали обитательницы женских комнат.

Вставать было лень, но вставать было надо, не валяться же целый день в постели. И надо было поесть: простым студентам (и даже выходцам из богатых семей) завтрак в постель здесь, в городке, обычно не подают.

Ни в коридоре, ни в умывальной Гай никого не встретил – в праздничные дни, как говорил Дой, городок напоминает пустыни Дальнего Юга. Большинство студентов в такие дни разъезжаются по домам: занятий завтра не будет, а тёплый домашний уют всяко лучше надоевших стен общежития. К пятому курсу наличием такого уюта могли похвастаться не только уроженцы столицы, но и приезжие из других городов, успевшие к этому времени обзавестись «свободными друзьями-подругами». Правда, случались и трагедии: бывало, что

приехавший по заветному адресу студент обнаруживал там опечатанные двери опустевшей квартиры и угрюмое кольцо оцепления: Ночная Смерть успевала придти раньше. Эпидемия, подумал Гай, и все учёные умы Республики не могут доискаться до её причин...

Заар, выросший в детском доме, привык к общежитию и по выходным никуда особо не спешил. Развлечений по вечерам хватало и здесь: молодёжь собиралась и веселилась, как умела и могла. Веселье, понятное дело, подогревалось хонтийским спиртным (оно дешевле) и пандейской травкой, а потом народ разбредался по «стартовым парочкам», и начиналась «чехарда». Дой такое времяпрепровождение обожал (потому, наверное, и не пришёл вчера ночевать), но Гаю оно было не по душе: ему почему-то не нравилась засыпать в обнимку с одной девчонкой, а просыпаться в объятьях другой и гадать, как же её зовут.

Вернувшись к себе в комнату, Гай оделся (времени на это ушло немного, гардероб студента Заара не поражал своим разнообразием) и посмотрел в окно. Погода была хорошей (дождя, кажется, не будет). Ну что, сказал он себе, направим стопы в город? Так, деньги у нас ещё есть (остатки стипендии – не миллион, конечно, но скромному студенту кое на что хватит), и поэтому перед походом дальним зайдём-ка мы сначала в ресторанчик «Настырный ректор», до него пять минут прогулочным шагом.

Бодро сбежав вниз по межэтажной лестнице (и никого там не встретив – выходной), Гай пересёк холл общежития и по привычке бросил взгляд на доску объявлений у входа, где среди записочек о потерянных вещах и уведомлений о намеченных/отменённых свиданиях вывешивались и официальные бумаги ректората, содержание которых «потребно доводить до сведения господ обучающихся».

Взгляд его выцепил одну такую бумагу: напечатанную, а не написанную от руки. И в этой бумаге сообщалось, что «по очень уважительной причине» из перечня факультативных дисциплин, предлагаемых студентам на выбор, изымается краткий курс истории Республики, «От Старой Империи до наших дней». Гай остановился, и не только потому, что он посещал этот факультатив: его внимание привлекла зловещая формулировка «по очень уважительной причине».

Двадцатидвухлетнего студента Гаю Заара обдало холодом: несмотря на свой возраст, он уже хорошо знал, что скрывается под этой формулировкой. Она означала только одно: с преподавателем Аду Ноором, который вёл этот курс, случилось что-то недоброе, и Гай знал – догадывался, – что именно. Конечно, старик Ноор мог стать жертвой Ночной Смерти или какой другой хвори – не мальчик всё-таки, пятьдесят два года, – или попасть под машину (за последние годы машины заполонили все улицы столицы так основательно, что зачастую быстрее было идти пешком, чем терять время в тягучих автомобильных пробках), но Гай знал – чувствовал – доцент Аду Ноор под машину не попал.

Факультативный курс истории изъяли из программы обучения не потому, что приват-доцент Аду Ноор заболел или, не дай Мировой Свет, умер – старик Ноор был отстранён от работы потому, что этот курс был признан ненужным. А сам Ноор, скорее всего, арестован как «враг существующего порядка вещей»: неясные слухи о том, что приват-доцент являлся в прошлом с «желавшими странного» – сектантами, сеявшими смуту и вносящими брожение в умы, – давно ходили по университету. Страна вообще жила слухами – о том, например, что творилось в Республике двадцать лет назад, официальные источники информации говорили глухо (или вовсе молчали). Были вроде бы какие-то смутьяны-еретики, и были Беспорядки, и только благодаря энергичным мерам, предпринятым властями, Беспорядки эти не переросли в гражданскую войну и сменились временами Покоя-и-Благоденствия.

Бедный старикан, подумал Гай, вспомнив умное лицо Ноора и его глаза, усталые и грустные, как будто Аду Ноор знал что-то такое, чего не знали его юные слушатели, и о чём он хотел им рассказать – хотел, но опасался, боясь повредить и им, и себе. Теперь мы этого уже не узнаем, сказал себе Гай, а жаль...

Ресторанчик по утреннему времени был ещё пуст, только за столиком в углу лениво обнималась какая-то парочка – то ли так и не добравшаяся до постели, то ли расстающаяся после неё. Звучала тихая музыка – кажется, пандейские напевы, протяжные и щемящие; за стойкой Тону Малышка сосредоточенно протирала бокалы. Девушка она была приветливая и славная, её знал весь студенческий городок, а кое-кто даже пытался (и неоднократно) завлечь Тону на весёлые «вечерние игры». Малышка вроде бы была и не против – во всяком случае, на двусмысленные комплименты она отвечала милой улыбкой, – однако дальше дело не шло. На страже семейного очага бдительно стоял её муж, служивший охранником здесь же, в городке, – здоровенный парень звероватого вида, связываться с которым не хотелось никому. Он и сейчас сидел в зале, – наверно, уже сдал ночную смену, – и посмотрел на вошедшего Гая не слишком ласково.

Оценив его взгляд, Гай ограничился обращённым к Малышке нейтрально-вежливым «Доброе утро!» и попросил кофе и «что-нибудь укусить».

– Кофе хороший, – заметила Тону, подавая Гаю дымящуюся чашечку. – Настоящий, с Объединённых Островов.

А разве бывает ненастоящий кофе, подумал Гай, садясь за столик, откуда был виден экран телевизора, висевшего в углу. Хотя, говорят, раньше – до эры Покоя-и-Благоденствия – в Республике (а до этого – при диктатуре) пили какой-то хонтийский суррогат, который и кофе-то нельзя назвать. Раньше вообще много было такого, чего сейчас нельзя и представить – например, очереди или пустые полки в магазинах. Гай ничего этого уже не застал, он знал о революции только по рассказам старших, а рассказы эти были противоречивыми. Жаль всё-таки, вспомнилось ему, что исторического факультатива больше не будет – доцент Ноор умел рассказывать так, что верилось: да, так оно и было.

Засветился экран телевизора: заботливая Тону включила аппарат, невзирая на то, что в зале ресторанчика имелся только один зритель – томной парочке в углу ни до чего не было дела, а грозный муж Малышки смотрел только на свою шустрюю жёнушку.

Зазвучали фанфары, и на телеэкране появились крупные буквы «Да здравствует День Единения, день мира на всём Саракше!». Ну да, конечно, ведь завтра праздник – самый что ни есть важный из всех праздников в Республике. Замелькали титры, а потом пошла хроника, которую Гай Заар видел не единожды: океан – панорама с борта самолёта, – заполненный знаменитыми белыми субмаринами Островной Империи. Только на этот раз «белые змеи» никому не угрожали: они выстроились бесконечными рядами в ожидании своего последнего погружения – по мирному договору между Республикой и Островной Империей обе стороны проводили масштабное сокращение своих вооружённых сил, и почти все подводные лодки айкров были затоплены в океане на большой глубине – это оказалось дешевле, чем резать их на металлолом. И Республика тоже выполняла принятые на себя обязательства – на экране возник тяжёлый дальний бомбардировщик, облепленный крохотными фигурками рабочих. Вспыхивали искры электросварки; на решётчатой стреле крана повис, раскачиваясь, мотор, отделённый от плоскости крыла. Лица военных и политиков, пожимавших друг другу руки; искренние улыбки (или казавшиеся искренними?), шасси противотанкового танка (со снятой башней) с прицепленным сзади многорядным плугом, пласты вспаханной земли, поднятые лемехами. И проникновенный голос диктора: «Наконец-то пришёл мир, отныне и навсегда, – живите, рожайте детей и не думайте о том, что светлый ясный день может смениться тёмной атомной ночью – этого не будет!».

Да, с этого и началась эпоха Покоя-и-Благоденствия, подумал Гай, прихлебывая кофе и глядя на экран телевизора. На разоренный материк, ещё не залечивший раны, нанесённые ядерной войной, хлынул поток заокеанских товаров и кредитов – инвесторы Благословенных Островов, не затронутых войной, накопили огромные средства и теперь охотно вкладывали их в экономику Хонти и бывшей Страны Неизвестных Отцов. Жизнь стремительно менялась к лучшему, и казалось, что всё плохое – войны, мятежи, нищета, – уже позади, и что теперь всё будет хорошо. Правда, при ближайшем рассмотрении благолепие не выглядело таким уж безукоризненным, но где и когда все люди были всем и всегда довольны?

Гай вспомнил свою прошлогоднюю поездку на Объединённые Острова – теперь это было возможно, хотя двадцатью годами раньше такое никому из обитателей материка не могло даже присниться. Он вспомнил чистый и упорядоченный мир спокойных и улыбчивых людей, называвших себя трудовниками или что-то в этом роде, точный перевод сделать было затруднительно; прекрасную природу Благословенных Островов и удивительное ощущение древности, органично вписавшейся в современность, – храмы Владыки Глубин (говорят, ему приносили человеческие жертвы) и этический кодекс островитян, совершенно непонятный жителям континента. Он вспомнил Айико Санатои, девушку-гида, сопровождавшую группу туристов с материка в поездке по островам, и то, как во время прощального вечера он с ней уединился под пальмами. С берега доносился мерный рокот прибоя, от Айико пахло цветами (а ему говорили, что от рыбоедов воняет рыбой). Гай был настойчив, и девушка, упорно сопротивлявшаяся (но не уходившая), вдруг обмякла и тихо сказала, чуть прикрыв раскосые глаза: «Я готова уступить тебе, потому что я чувствую к тебе любовь. Но на рассвете мне придётся себя убить: я из древнего рода воинов-айкров, а женщины моего рода никогда не принадлежали мужчинам до брачной церемонии – преступившие этот закон или умирали, или становились айшами, что тоже есть смерть, только не тела, а души». Айико сказала это спокойно, но так, что Гай ни секунды не усомнился: она умрёт, именно так оно и будет. И это подействовало на него, как ведро холодной воды, – чего-чего, а уж смерти ей он никак не желал. Перед расставанием они долго держались за руки и смотрели друг на друга, потом переписывались в течение нескольких месяцев (Заар всерьёз собирался этим летом снова пересечь океан и просить руки Айико у её очень строгих родителей), а потом их переписка оборвалась – Айико замолчала, и Гай не знал, что с ней случилось, и не понимал, почему она больше ему не пишет. На Благословенных Островах вообще было много непонятного: были вопросы, на которые аборигены не отвечали, и были места, куда приезжих не пускали (без объяснения причин – нельзя, и всё). Единение Единением, но айкры остались вещью в себе, и в свой мир они чужих не допускали. И запомнились Гаю слова гида, рассказывавшего о «плохих людях», живших раньше на окраинных островах Архипелага. «А где они теперь, эти плохие люди?» – спросил кто-то. «Мы их перевоспитали, – очень спокойно ответила Айико, – всех». В её словах вроде бы не было никакого двойного смысла, но Гай вдруг понял, что означает слово «перевоспитали», и ему стало жутковато.

Картинка на экране сменилась – там появился одутловатый человек, преисполненный апломба.

– Учёные нашей Республики, – возвестил он, – наконец-то раскрыли тайну «Ночной Смерти»! Болезнь вызывается вирусом, возникшим в результате радиоактивного заражения обширных территорий во время ядерной войны. В настоящее время успешно ведутся работы по созданию вакцины против «Ночной Смерти», первые образцы которой скоро поступят в продажу. Подробности вы можете узнать по телефону...

А ведь он врёт, понял вдруг Гай, дожевывая ломтик жареного хлеба, врёт нагло, и сам же верит своему вранью. Почему в нашем мире столько лжи? Почему?

Ему стало противно. Он торопливо покончил с завтраком, сказал Малышке «спасибо» и вышел.

* * *

Столица готовилась к празднику.

Выбравшись из автобуса, который довёз его до центра города, Гай попал в людской поток, заполнивший улицы. Поток бурлил на проспектах, разбивался на ручейки в переулках и закручивался водоворотами на площадях. Поток этот был цветастый и шумный; яркие краски одежд дополнялись разноцветными гирляндами воздушных шаров, развешанных на фасадах домов, а в гул голосов вплеталась музыка, рвавшаяся из репродукторов, из дверей кафе и из открытых окон. Город веселился – праздник со всеми его шествиями, концертами и фейерверками должен был начаться завтра, но уже сегодня люди торопились накинуть на

себя искрящееся покрывало радости, чтобы отключиться от тягостной повседневности, сотканной из проблем, больших и маленьких. И что с того, что проблемы эти вернутся, как только кончится праздник? День Единения есть День Единения; день, который навсегда – хотелось в это верить – перечеркнул тёмный ужас ядерной войны, врезавшийся в память поколения, эту войну пережившего и передавшего детям и внукам неизбывный страх перед возможным повторением атомного кошмара. А всё остальное – да какое это имеет значение? Что такое рост цен по сравнению с жадной пастью радиоактивного кратера, которая могла в любую минуту распахнуться на главной площади столицы и проглотить и дома, и людей? И так ли уж плоха жизнь сегодняшняя? Посмотрите вокруг: вы сыты, одеты, магазины наполнены великим множеством красивых вещей – чего вам ещё? У вас не хватает денег, чтобы пользоваться всем этим в полной мере? Заработайте, всё зависит только от вас: у нас свобода – свобода жить, и свобода умирать, если жить уже неумоготу. Всё в твоих руках – как же иначе?

«Живи легко!» – призывали смуглые полуобнажённые красавицы с громадных щитов, установленных на всех углах. Нарисованные красавицы предлагали выгодно вложить деньги, приобрести последнюю новинку косметики, отправиться в круиз на борту роскошного лайнера или просто купить бутылку тонизирующего напитка, «замечательно поднимающего настроение и улучшающего самочувствие». И плыли в туманном небе над городом десятки огромных серебристых дирижаблей, обвешанных со всех сторон длинными лентами с теми же призывами, похожими на приказы – «Купи!», «Оттянись!», «Вливайся!».

Гай шёл сквозь толпу, впитывая её настроение: он был частью этой толпы, и жил её жизнью. Прямо на тротуарах сидели длинноволосые певцы-музыканты, собиравшие вокруг себя кучки слушателей; кое-где возникали стихийные митинги – потрепанного вида оратор, явно обделённый женской лаской, призывал узаконить в Республике полигамию по примеру Пандеи, а в пяти шагах от него коротко стриженная особа неопределённых лет и блеклой внешности, одетая в «унисекс», собирала подписи в защиту «угнетённых женщин Севера», стонущих от произвола пандейского диктатора, не признающего Единения и тянущего свою страну в тёмное средневековье. Гай усмехнулся: он вспомнил, что Дой Шинту готов был на каникулах отправиться в Пандею защищать права тамошних амазонок, если они должным образом возблагодарят его пылкий порыв. Потом к Гаю подошла девушка из фонда защиты бездомных животных, и Гай бросил в её кружку пару монет: девушка было симпатичной, и ему захотелось сделать её приятное.

Цветной калейдоскоп огромного города разворачивал перед Гаем всё новые картины, и Заар не заметил, как оказался перед входом в многоэтажное здание с зеркальными окнами. Здание оказалось универмагом, и Гай, чуть поколебавшись, зашёл внутрь. Он не собирался ничего покупать, но он знал, что в подобных торговых центрах есть неплохие – и недорогие – кафетерии. После лёгкого завтрака в «Настырном ректоре» прошло уже несколько часов – пора было перекусить.

Кафе на четвёртом этаже универмага Гай нашёл быстро, но его ждало разочарование: здесь обслуживали только покупателей. «А я кто?» – недоумённо спросил он у бесцветно-строгой служительницы с глазами снулой рыбы. «Вы пока ещё не покупатель, – вежливо, но непреклонно объяснила она, – вы ещё ничего не купили. Вы *посетитель*, а когда вы станете *покупателем*, мы с удовольствием вас обслужим. – И добавила, заметив ошарашенность парня: – Это нововведение. Цены у нас низкие, и нам невыгодно кормить всех, кто забежал сюда на минуту». Гай посмотрел на столики, за которыми сидели счастливые обладатели пакетов с покупками – на пакетах красовался фирменный логотип магазина, – хмыкнул и побрёл прочь. Настроение у него заметно испортилось, и ему захотелось побыстрее покинуть негостеприимное место, где голодному студенту отказывают в чашке бульона за его же деньги.

Он шёл мимо бесконечных прилавков, забитых всякой всячиной; шёл, ускоряя шаг, но поневоле ловил обрывки разговоров покупателей с продавцами. «Это последний писк моды! «Молния» управляется дистанционным пультом, и вы, сидя на кровати, сможете наблюдать,

как на вашей девушке – без прикосновения рук! – медленно распахивается платье. Поверьте, это очень волнительно!». «Этот летающий пылесос незаменим в быту! Он может собирать пыль с карнизов и шкафов, и вам не надо вставать на стул, чтобы протереть их тряпкой. Есть и модель «змея» – гибкий шланг сам заползает в самые укромные уголки, вам достаточно всего лишь нажать кнопку». «А это что?» – «О, это совершенно незаменимая вещь (скосив глаза, Гай разглядел что-то вроде паука, которого продавщица демонстрировал мужчине средних лет). Это механический чесатель пяток: вы кладёте его к ногам, и он по заданной программе – их у него целых четыре! – начинает массировать вам пятку на правой или на левой ноге, по вашему выбору» – «М-м-м, да, интересно... И сколько он стоит?». Гай шёл мимо бесконечных полок, уставленных несметным количеством самых разных вещей – ярких, броских, привлекавших внимание, – и ему вдруг показалось, что он слышит тихий бесплотный голос, доносящийся со всех сторон: «Купи меня... Купи... Ну купи...».

Наваждение прошло только на выходе, у касс. «Что у вас?» – спросила кассирша, и удивлённо вздёрнула аккуратно подрисованные брови, когда Гай, пожав плечами, бросил коротко: «Ничего». Он уже миновал выходной турникет, когда его остановило безличное, но явно обращённое к нему «Молодой человек, подождите!».

Заар обернулся. Перед ним стоял служитель в синей униформе торгового управителя.

– Вы ничего не купили? – прошелестел он.

– Ничего, – с вызовом ответил Гай. – А что?

– У вас нет денег?

– Почему же? Деньги у меня есть.

– Тогда вам придётся заплатить штраф, – бесстрастно констатировал управитель. – За нарушение правил посещения универсальных магазинов столицы.

– Какой штраф? Каких правил? – возмутился Гай. – Это что, тоже нововведение?

– Это уже старовведение – оно действует уже больше трёх недель. Чаше надо бывать в универмагах, молодой человек.

– Я студент, мне некогда ходить по магазинам. Я учусь, в городе бываю нечасто, а в магазины захожу только по необходимости.

– Вы не только студент, вы ещё и гражданин нашей славной Республики. Незнание законов не освобождает от ответственности за их неисполнение. Вы намерены заплатить штраф?

– Не намерен. И вообще я никогда больше не зайду в магазин, подобный вашему: то, что вы делаете, называется вымогательством.

– Хорошо, – равнодушно сказал одетый в синее. – Тогда вам придётся отправиться в полицейский участок для применения к вам мер административного воздействия.

– Что?!

Из-за спины управителя выдвинулась увесистая туша, упакованная в мундир стража.

– Пройдём, – пробасила туша. – И не советую сопротивляться, не усугубляй.

Они вышли на улицу и сели в машину. Страж защёлкнул дверцу, словно Гай был по меньшей мере шпионом, пойманным с поличным. Какая глупость, подумал Гай, испортили мне праздник.

В небе серебристый дирижабль волочил за собой широкую белую ленту, на которой крупными буквами было написано «Никаких проблем, никаких забот, живите и радуйтесь!», а двадцатидвухлетний студент университета Гай Заар ещё не знал, что случайное посещение универсального магазина уже круто переменяло всю его судьбу.

* * *

– Я понимаю вашу озабоченность, леди Ниэлла, но поймите и вы меня. Постоянное Омовение может вам повредить. Существует ряд побочных эффектов, во избежание которых Омовение не следует проводить чаще, чем раз в десять лет, не говоря уже о наркотической зависимости, вызываемой постоянным Омовением. У нас есть негативный опыт...

– Ах, значит, такой опыт у вас всё-таки есть! Значит, постоянные Омовения всё-таки возможны! Так за чем же дело стало? Я плачу вам деньги, и большие деньги, очень большие, прошу заметить!

Несмотря на свой преклонный возраст, профессор Аримаи Танаодо по-прежнему мог работать с полной отдачей, сутками не выходя из лаборатории. Психика учёного, закалённая особой спецификой его работы, давно устоялась – он видел всякое и многое пережил (и даже был на грани сумасшествия, когда погибла его единственная дочь, но всё-таки перенёс этот удар судьбы – его спасла работа). Но эта посетительница его довела: профессор Танаодо поймал себя на мысли, что с превеликим удовольствием использовал бы её в процедуре Омовения не в качестве реципиента, а в качестве донора. Мысль эта была крамольной – леди Ниэлла была не просто Утончённой, она принадлежала к верхушечникам (иначе она ни за что не смогла бы добиться личного свидания с самим Аримаи Танаодо), – однако профессор не только не гнал эту мысль от себя, но даже лелеял. Что с того, что эта женщина – одна из свободных любовниц Сенао Тариа, и что она, по слухам (сплетен профессор не терпел, но они до него доходили), состоит (или состояла?) в близких отношениях с Верховным жрецом Владыки Глубин и кое с кем из военной верхушки (из числа тех, кто приспособился к новому образу жизни и сумел сохранить вес)? И что с того, что она и сама по себе богата, очень богата? Она уже битых три часа с бычьим упорством пытается добиться от него, профессора Танаодо, невозможного, и пропускает мимо ушей все его возражения! Кто бы мог подумать, что среди Утончённых попадаются такие, гхм, ограниченные особы, причём «ограниченные» – это ещё очень мягко сказано? Этой даме нужен врач-психиатр, а она отнимает время и силы у специалиста совсем другого профиля!

А внешне, думал он, она само совершенство – ожившая репродукция одной из тех старинных гравюр, что висят на стенах моего кабинета. Морская богиня – не баллистический снаряд «морская богиня», а подлинная Рождённая Пеной, дочь Владыки Глубина, созданная нести в мир красоту и любовь. Сколько же ей лет? Кажется, около шестидесяти, а на взгляд – лет двадцать, не больше. И не мудрено: она уже трижды проходила Омовение, возвращая себе цветущую юность во всём её душистом великолепии. Но при этом её совершенно не интересовало, что за это чудо заплачено сотнями человеческих жизней, пусть даже жизнями преступников-недолюдей. Ей это безразлично, и этим она похожа на боевой баллистический снаряд, оружие смерти и разрушения.

– Дорогая леди Ниэлла, стоит ли так переживать из-за крохотной морщинки в уголке глаза? – Танаодо старался, чтобы голос его звучал как можно мягче, хотя это давалось ему с большим трудом. – Зачем прибегать к Омовению там, где достаточно помощи косметолога?

Прекрасные глаза Утончённой мгновенно похолодели – под обликом юной девушки скрывалась опытная женщина, циничная и безжалостная.

– Предоставьте мне самой решать, к кому мне обращаться за помощью, *трудоустроен* Танаодо, – сказала она, выделив голосом социальный статус учёного (мол, помни своё место, *слуга*).

– Да, да, конечно, леди, – Аримаи почтительно наклонил голову, при этом изо всех сил сцепив пальцы рук, скрытых от собеседницы крышкой стола. – Итак, вы хотите, чтобы омоложение вашего организма происходило постоянно, ежедневно и ежеминутно, а не через положенные двенадцать-пятнадцать лет, правильно? Вместо того, чтобы совершать обычное форсированное омоложение от возраста зрелости к возрасту юности, вы хотите замереть в биологическом возрасте двадцати пяти лет, не старясь при этом ни на один день?

– Именно это я и пытаюсь вам втолковать столько времени, – ответила Ниэлла, не скрывая язвительности. – Да, я хочу именно этого.

– Я не буду повторять вам то, что я уже говорил, – устало произнёс учёный. – Скажу вам лишь одно: чтобы не стариться и *застыть в юности* , вам придётся всё время находиться под воздействием поля. В Саркофаге, а это означает, что вы не сможете наслаждаться всеми радостями жизни – пребывая в полубессознательном состоянии, осуществить это несколько затруднительно. Вы этого хотите?

– Ни в коем случае! – энергично возразила Утончённая. – Это меня не устраивает – какая польза от денег, которые лежат мёртвым грузом и не приносят ни удовольствий, ни новых денег? А что, разве другого способа нет? Например, какой-нибудь носимый аппарат – в форме колье или браслета? Стоимость такого прибора, как вы понимаете, меня не волнует.

– Увы, леди, – лицо Аримаи выразило искреннюю скорбь. – Такого прибора пока ещё не существует. Я не бог, и даже не маг, я всего лишь учёный трудован.

Скрытую издёвку, прозвучавшую в голосе Танаодо, Ниэлла проигнорировала – она уцепилась за слова «пока ещё».

– Значит, есть надежда, что такой прибор появится? – спросила она с нескрываемым интересом. – Надеюсь, я буду одной из первых его обладательниц!

– Несомненно, леди.

– Хорошо, – подытожила Ниэлла, вставая из-за стола. – Я буду ждать, а вы, дорогой профессор, работайте. Работайте. Да, я отняла у вас массу времени – примите компенсацию.

С этими словами она открыла сумочку из кожи морского единорога (насколько знал Аримаи, эти животные были почти полностью истреблены, и раритетные изделия из их кожи стоили баснословно дорого), достала оттуда толстую пачку банкнот и небрежно положила её на стол.

– Всего доброго, дорогой Аримаи.

– Всего доброго, дорогая леди Ниэлла.

Она шла по жёлтой песчаной дорожке, змейкой петлявшей среди пышных пальм сада, окружавшего научный центр, а профессор смотрел ей вслед из окна своего кабинета.

А ведь это только начало, думал он. Женщины Утончённых остаются женщинами, им захочется большего. Человеку вообще хочется большего – всегда, такая уж у него натура. И они от меня не отстанут: они будут жужжать в уши свои любовникам, а те начнут на меня давить – в конце концов, кто платит деньги? И мне придётся работать над портативной версией Саркофага, хотя я даже не представляю себе, как это сделать, и можно ли вообще создать подобную модель – слишком много ограничений накладывает процесс омоложения организма, требующий выполнения целого ряда условий, одним из которых является полная неподвижность человека и сведение к минимуму всех его жизненных функций. Я столкнулся с этим ещё на ранних этапах своей работы, поэтому-то и появился Саркофаг – кокон, в который залезает морщинистая гусеница, чтобы по прошествии трёх дней превратится в радужную бабочку. Только вот мне почему-то кажется, что души этих бабочек не слишком соответствуют по своей красоте внешнему виду дивных крылатых созданий...

Профессор тяжело вздохнул. Работать над непрерывным омоложением ему всё равно придётся – теперь, после визита леди Ниэллы, он был в этом абсолютно уверен. А раз так, то неплохо было для начала прикинуть расход ментальной энергии – похоже, он будет на два-три порядка больше, чем в анабиозном режиме (и это ещё как минимум). Так, а что там у нас вообще с соотношением расходования и пополнения аккумулированной субстанции разума? Надо бы кое-что сопоставить...

Аримаи Танаодо вернулся к рабочему столу и включил информационную машину – исследовательский центр был оборудован по последнему слову техники. Доступ к базам данных был жёстко ограничен – секретность высшего уровня, – но личный код руководителя научного центра и отца «Проекта Возрождение» позволял обходить любые ограничения. И очень скоро учёный трудован Аримаи Танаодо нашёл такую информацию, которая заставила его забыть обо всём.

Он работал до поздней ночи, проверяя, перепроверя и сравнивая, а когда закончил, бессильно откинулся на спинку кресла, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Он никогда не вникал в детали работы, проходившей под его началом на основе его идей и разработок, – размах «Проекта Возрождение» был огромен, и быть в курсе всего, от и до, одному человеку было физически невозможно. Аримаи Танаодо намечал магистральные направления, определял стратегию, а всё остальное делали его многочисленные помощники, причём многие из них были отнюдь не трудованами – в проекте принимали участие и жрецы,

и бывшие военные аристократы, и Утончённые. Это было странным само по себе – принцип «каждый должен заниматься своим делом» в Островной Империи соблюдался свято, и это правило не претерпело изменений и после того, как Империя стала Свободным Сообществом Островов, или Объединёнными Островами.

Но самое главное – и самое страшное – было в другом. Профессор Аримаи Танаодо отлично знал, какое количество ментальной энергии требуется для процедуры омоложения, – отклонения от среднего значения были, однако они были незначительными, – и знал, откуда и как берется эта «энергия жизни». И вот теперь учёный трудован Аримаи Танаодо с ужасом обнаружил, что концы с концами *не сходятся*, и что это расхождение наблюдается уже не менее десяти лет.

Как же так, размышлял Танаодо. Математика – наука точная. Изгоев с Внешних Островов почти полностью истребили ещё в первые годы Реформации (этим занимался я сам, и очень активно – гниловатых использовали в качестве подопытных рыб, а затем как доноров), а несколько сотен преступников, которых казнят ежегодно, – этого слишком мало для обеспечения нескольких тысяч ежегодных омоложений людей Внутреннего Круга. Коэффициент полезного действия ментального насоса так и не удалось поднять выше десяти процентов: одна процедура омоложения на пятнадцать лет – например, с сорока двух лет до двадцати семи – требовала жизней как минимум двадцати человек. Но все эти процедуры – тысячи процедур! – проводились, значит, доноры для них – десятки тысяч доноров! – были. Откуда же они взялись? Неужели...

Ответа на этот вопрос в информатории не было – точнее, он был недоступен: личного кода профессора Аримаи Танаодо, отца «Проекта Возрождение» и руководителя научного центра, оказалось недостаточно. И тогда Танаодо, законопослушный трудован, пошёл на преступление: он взломал закрытые сектора информатория, используя для этого все свои недюжинные способности и навыки.

Гениальный учёный Аримаи Танаодо получил ответ на интересовавший его вопрос, и этот ответ его ошеломил.

* * *

Снаружи донёсся протяжный тоскливый вой. Этот вой казался особенно заунывным и зловещим в полутьме – длинный барак был освещен единственной лампочкой, прикрытой жестяным абажуром и висевшей у входа, – была в нём какая-то безысходность и в то же время явная угроза: ждите, мы придём.

Гай приподнялся на локтях и прислушался. Вой не повторился, только стонали во сне воспитуемые, бормотали что-то невнятное, то ли ругаясь бессвязно, то ли жалуясь на судьбу. На судьбу, да, подумал Гай. Мог ли я подумать, что моя вылазка в город в канун праздника окончится здесь, в лагере за Голубой Змеей, и что всего через две недели я буду спать не в уютной комнатке студенческого общежития на пару с весёлым шалопаем Доем Шинту, а в холодном и грязном бараке, где на жёстких дощатых нарах хрипло дышит добрая сотня людей с изломанными судьбами? И будет мне вместо музыки злобный вой большеголовых собак, хозяев ночи...

...Когда Гая Заара доставили в полицейский участок, это событие не произвело там особого фурора – эка невидаль. Страж универмага, доставивший задержанного, расписался в акте-протоколе и отбыл с чувством выполненного долга, а дежурный капрал, оценивающе оглядев растерянного молодого парня, задушевно предложил ему уладить дело «за половину суммы полагающегося штрафа, и никаких бумаг – надо тебе, чтобы мы сообщили о твоём проступке в университет, господин студент?». Гай, к этому времени уже сообразивший, что такой выход из дурацкого положения, в которое он попал, будет для него наилучшим, полез за кошельком, но тут сонное выражение глаз полицейского капрала внезапно переменялось: в них появилась собачья преданность и страх, самый настоящий. Заар, сидя спиной к двери, не видел, кто вошёл в дежурную комнату, а оборачиваться ему не хотелось: при виде бравого

блюстителя закона и порядка, проворно вскочившего и вставшего по стойке «смирно», у Гая появилось гадостное ощущение «кажется, я влип». И предчувствия его не обманули...

– Что тут у вас, капрал? – услышал студент, и в поле его зрения появился человек в серой форме Министерства юстиции. – Докладывайте.

– Нарушитель торговых правил универсальных магазинов, господин надзирающий! – отрапортовал дежурный. – Нарушение выразилось в неосуществлении покупки и в отказе уплатить штраф по месту задержания!

Серый взял со стола протокол – пальцы у него были чистые и розовые, похожие на деликатесные сосиски, а руки пухлые, как у младенца, – прочитал его и перевёл взгляд на Гая.

– Итак, молодой человек, нарушаем? Что же вы, а? Будущий технический инженер, и такая безответственность. Нехорошо... Почему вы ничего не купили в магазине?

– А почему я должен был там что-то покупать? Что за глупость?

– Глупость? – тонкие губы господина надзирающего собрались в нитку. – Значит, глупость, – повторил он, усаживаясь в кресло капрала, продолжавшего стоять навытяжку. – Ну-ну...

И тут Гая, раздражённого безысходным идиотизмом ситуации, понесло, и недавний мимолётный страх его только подхлестнул.

– Конечно, глупость! Почему я должен тратить свои деньги на вещи, которые мне не нужны, тем более что половина этих вещей вообще никому не нужна: можно подумать, что механическая чесалка для пяток – это предмет, абсолютно необходимый любому гражданину Республики! Надо быть полным кретином, чтобы покупать такие безделушки, а требовать, чтобы их покупали, – это вообще верх тупости!

– Так, – очень спокойно сказал человек в сером. – Все слышали? – он посмотрел на капрала и на солдата, стоявшего у дверей. – Я думал, что вы, молодой человек, всего лишь допустили небрежность – в вашем возрасте это объяснимо, – а вы, оказывается, идейный... Значит, по по-вашему, закон, обязующий всех посетителей универсальных магазинов делать там хотя бы одну покупку, – это верх тупости? И принять такой закон могли только полные кретины? Я очень рад, что сюда зашёл – давно среди всякой мелкотравчатой шушеры мне не попадались идейные... Благодарю за службу, капрал. А этого, – розовый палец господина надзирающего указал на Гая, – в машину! Я его забираю: дело куда серьёзнее, чем кажется.

...Республика праздновала День Единения, а студент Гай Заар сидел в камере для подследственных. Однако долго он там не задержался: уже на второй день после праздника состоялся суд – жернова юстиции почему-то очень спешили перемолоть в них попавшего.

Обвинителем выступал уже знакомый Гаю «господин надзирающий». Речь его была краткой, но весьма содержательной: человек в сером в совершенстве владел казуистикой.

– Эффективная экономика – основа благосостояния Республики. Промышленность непрерывно производит массу полезных и нужных вещей, люди их покупают, а вырученные деньги возвращаются в сферу производства. Процесс этот должен быть непрерывным, иначе застой, кризис, коллапс. И вдруг появляется некто, который заявляет: а я не хочу покупать эти товары, я особенный, и мне плевать, что моя позиция наносит прямой вред дальнейшему процветанию страны. Так может рассуждать только враг существующего порядка вещей. Вина подсудимого доказана – его экстремистские высказывания подтверждены показаниями свидетелей. Мы имеем дело с государственным преступлением, и преступник заслуживает самой суровой кары!

Гай Заар слушал обвинителя, и ему казалось, что ему снится бредовый сон, который скоро кончится. Но сон всё никак не кончался – он продолжился в тюремном вагоне поезда, уносившем бывшего (уже бывшего) студента престижного столичного университета на юг, за Голубую Змею. Гай не знал, что роковой перелом в его судьбе обусловлен случайностью: господину надзирающему для карьерного роста совершенно необходимо было выявить хотя бы одного «врага существующего порядка вещей». И господин надзирающий выявил врага и покарал, в кратчайшие сроки установив, что студент Заар – круглый сирота, влиятельных

друзей и покровителей не имеет, и участь его никого особо не беспокоит.

...Тягучий вой повторился, но Гай его уже не слышал: он забылся тяжёлым сном.

* * *

Серая человеческая масса выдавливалась из барака, как паста из тубика. Толкая друг друга, воспитуемые торопились поскорее выбраться наружу – опоздание на построение было чревато очень неприятными последствиями: избиением, карцером и направлением на работу на самые опасные участки Железного Леса, откуда возвращались немногие.

У самых дверей кто-то сильно пихнул Гая в бок и просипел, обжигая ему щёку злым горячим дыханием:

– В Лес пойдёшь с нами, молодой. Понял? И не вздумай увильнуть!

Напиравшие сзади вытолкнули Гая из барака, и там, при свете дня, он смог разглядеть говорившего. Зрелище было не самым приятным: наглый воспитуемый был грязен, волосат, и в маленьких его глазках горел злобный огонёк. Пахло от него отвратно, однако он, судя по его поведению, чувствовал себя здесь по меньшей мере заместителем начальника лагеря. Гай ещё в поезде узнал кое-что о лагерных порядках – нашлись среди этапиремых бывалые и словоохотливые, – и сжался, ожидая чего угодно, от нового тычка до удара ножом. Но удара не последовало – вместо этого он услышал негромкий шёпот, пришедший с другой стороны:

– Ни в коем случае не ходи с ним. Держись меня, потом всё объясню.

Повернув голову, Гай увидел плотного человека, смотревшего на него без злобы, но как-то странно. И что им всем от меня надо, подумал Заар, становясь в строй.

Развод на работы не занял много времени, и когда воспитуемые гуськом потянулись к складу – получать «инвентарь», – волосатый снова оказался рядом.

– Я тебе что сказал? – произнёс он с угрозой. – Ты идёшь с нами, понял? А не то... – «заместитель» мотнул головой, показывая на троих мрачного вида субъектов, державшихся за его спиной.

– Не пойду, – чётко и отдельно проговорил Гай, глядя в маленькие злые глазки. Он не знал, зачем этому волосатому нужно, чтобы «молодой» непременно шёл с ним, но обида на дикую несправедливость, в одночасье превратившую Гая Заара из беззаботного студента в бесправного воспитуемого, перешла в озлобленность и требовала выхода.

– Ах, так...

Дальнейшее произошло стремительно. Заар увидел заточенный металлический прут, зажатый в руке одного из тех троих, что кучковались за спиной главара, зафиксировал резкое движение руки, нацелившей этот прут в бок ему, Гаю, а потом секунды растянулись, как при замедленной киносъёмке.

Студент Гай Заар умел драться, причём так, что университетский тренер по вольному бою сказал ему как-то: «У тебя феноменальная скорость реакции, парень. Нечеловеческая. Я никогда такого не видел. На твоём месте я прямо сейчас бросил бы учёбу и предложил свои услуги какой-нибудь военизированной структуре – есть такие. Там ты будешь получать куда больше, чем в компании, разрабатывающей новые модели электрочайников». Гай не знал, откуда у него такой талант, но иногда талант этот бывал полезен, и сейчас был как раз такой случай.

Драка получилось очень короткой. Собственно, её и дракой нельзя было назвать – что это за драка, когда четверо воспитуемых из привилегированных, привыкших к безропотной покорности всех остальных, в течение нескольких секунд оказались на земле с вывихнутыми конечностями и переломанными ключицами, причём даже непонятно, кто же их так отделал. Предусмотрительность «заместителя», пожелавшего преподать строптивцу хороший урок, укрывшись от бдительных глаз охраны за спинами воспитуемых, обернулась против него самого – никто из охранников даже не заметил, что в плотной толпе что-то произошло, а когда эта толпа расползлась, оставив позади себя четверых покалеченных, искать виноватых было уже поздно.

– Молодец, – услышал Гай и понял, кто это говорит – узнал голос. – Теперь я уже не сомневаюсь: ты именно тот, за кого я тебя принял, а не просто похожий на него. В Лес мы пойдём вместе, и я тебе всё расскажу. Только не надо на меня кидаться, я тебе не враг, Гай Заар.

«Откуда вам известно моё имя?» – чуть было не выкрикнул Гай, но плотный человек – тот самый, который перед построением предостерегал его от тесного общения с волосатым, – приложил палец к губам.

* * *

Незнакомец не сразу пустился в объяснения. Сначала они долго шли через Лес, то и дело падая на землю при любом шорохе и выжидая, не прогремит ли откуда-нибудь очередь из автоматического пулемёта – за сорок пять лет Железный Лес подрастерял большую часть своей смертоносности и был основательно обезврежен, но кое-где боевые автоматы всё ещё действовали, и всё ещё пытались убивать. Потом они вышли в район Крепости, и долго ставили и активировали детекторы движения – у человека, знавшего Гая по имени, был целый мешок этих маленьких чёрных коробочек, и мешок этот казался бездонным. Наконец, когда у Гая уже ноги гудели от усталости, его напарник коротко бросил «Отдыхаем», сел, подстелив под себя опустевший мешок, и сказал, словно продолжая прерванный разговор:

– Мохнатому (Гай понял, что речь идёт о волосатом привилегированном, оставшемся в лагере со сломанной челюстью) нужен был кто-то, кого не жалко послать вперёд. Его и его шайку направили сегодня на старые минные поля – Мохнатый слегка зарвался, и начальнику лагеря это не понравилось. А минные поля – это штука неприятная, там лучше идти за кем-то следом, чтобы тот принял на себя все осколки, если из травы вдруг выскочит «попрыгушка», есть такая мина со скверным характером. И я решил тебя уберечь – ставить детекторы куда безопаснее: большеголовые днём не нападают, и вообще слухи об их агрессивности сильно преувеличены. По-настоящему опасные твари обитают там, в пустынях, – он махнул рукой на юг, – но до них, слава Мировому Свету, далеко, и сюда они пока что не добрались.

– Откуда вам известно моё имя? – Гай понял, что «тварями» его спаситель называет мутантов; об этих существах студент кое-что слышал, и при других обстоятельствах охотно продолжил бы разговор на эту тему, но сейчас его интересовало другое. – Как вас зовут?

– Меня зовут Док Зенту, хотя, думаю, моё имя тебе ничего не скажет. А вот я тебя знаю: я работал у самого Аллу Зефа, и...

– А кто это такой?

– Да-а-а... – мрачно протянул Док, порылся в поясной сумке и вытащил оттуда пакет с пайком. – Коротка людская память... Когда-то этого человека знало полстраны, но прошло всего двадцать лет, и молодому парню – чем ты занимался, пока не угодил сюда?

– Я был студентом столичного университета.

– ...и молодому парню – студенту, что само по себе что-то значит! – надо объяснять, кем был Аллу Зеф, вернувший разум тысячам пострадавших от лучевого голодания.

Гай хотел было спросить, что такое «лучевое голодание», но удержался. Во-первых, он не получил ещё ответа на вопрос, откуда этот Док знает его имя; во-вторых, по приговору суда Заару дали пять лет перевоспитания, а за пять лет поговорить можно о многом, в том числе и о лучевом голодании. А в-третьих – в-третьих, ему почему-то стало стыдно, что он не знает, кто такой Аллу Зеф (оставивший, похоже, заметный след в истории Республики, но кем-то зачем-то вычеркнутый из этой истории), и Гаю не хотелось ещё раз показывать своё невежество.

– А откуда я тебя знаю... – казалось, Док прочёл его мысли. – Это просто: я знал твою мать. Мы были с ней друзьями, и я видел тебя самого, когда ты был ещё вот такусеньким – это было двадцать лет назад, ещё до Беспорядков. С тех пор ты вырос и сильно изменился, но я тебя узнал – у тебя особенные черты лица.

– Вы знали мою мать? Где она, что с ней?

– Она умерла, Гай, – лицо Дока посуровело. – Она работала в лаборатории генетики, и ставила опасные опыты на самой себе. Её отговаривали, но... У неё был рак крови, и врачи не смогли её спасти. Она назвала тебя в честь своего погибшего брата, но фамилию изменила – похоже, она не хотела, чтобы тебя искали и нашли. Поэтому она скрыла сам факт твоего рождения и сразу же, как ты немного подрос, отдала тебя в детский дом – причём так, что там даже не знали, что ты её сын. И её предусмотрительность оказалась спасительной, иначе, может статься, тебя давно уже не было бы в живых. Твою мать звали Идущая Рядом, хотя, боюсь, это имя тебе тоже ничего не скажет...

– А мой отец? Его вы тоже знали?

– Я его видел, и не раз. Ты похож на него, а когда сегодня утром ты устроил избиение младенцев, я понял, кто ты есть: случайное сходство не дало бы тебе боевых умений Святого Мака.

– Святой Мак? А кто это... – начал Гай и тут же прикусил язык, покраснел и спросил, меняя тему и старательно скрывая смущение:

– Мой отец, он что, тоже умер?

– Он ушёл.

– Что значит «ушёл»? Этот Святой Мак что, бросил нас с матерью? Хорош святой...

– Он не знал ни о твоём рождении, ни даже о том, что ты должен появиться на свет. А «ушёл» – это значит «вернулся в свой мир».

– Вернулся в свой мир? – в голосе Гая было столько неподдельного изумления, что Док невольно улыбнулся.

– Это очень длинная история, парень, и пересказать её тебе в двух словах невозможно, особенно учитывая твою, гм, малоинформированность о не таком уж давнем прошлом нашей славной Республики. А времени у нас мало, или даже вовсе нет – Ночная Смерть может придти сюда в любой час.

– Неужели и здесь нет спасения от этой болезни?

– Это не болезнь, Гай, это гораздо хуже. – Зенту помолчал. – Кажется, мне удалось выяснить причину этой «болезни». И это кому-то очень сильно не понравилось, поэтому-то я и оказался здесь. Надо поесть, – Док посмотрел на пакет с пайком, который он так и держал в руке. – Ты ешь, а я буду рассказывать.

– А вы?

– Я поем потом, а ты будешь следить, чтобы ко мне не подкрался подземный пёс и не вырвал у меня изо рта самый деликатесный кусок.

* * *

Они возвращались в лагерь по проторенной тропе, а в голове Гая Заара вертелась одна и та же мысль: «Это самый настоящий массаракш. Мир вывернулся наизнанку, сначала сойдя с ума». Гай никак не мог – не хотел – поверить в то, что рассказал ему Док – настолько это всё было чудовищно, – но и логику рассуждений Зенту он не мог опровергнуть.

Комиссия по изучению загадочной болезни, называемой «Ночной Смертью», была создана давно, ещё лет десять назад – сразу же, как началась первая эпидемия. В её состав вошли видные учёные Республики и светила отечественной (и не только) медицины. И Док Зенту, много лет работавший в реабилитационном центре профессора Аллу Зефа (вскоре после Беспорядков имя это исчезло с фасада здания и из всех документов), тоже в неё попал.

Док Зенту числился неблагонадёжным из-за своего прошлого (что там было в этом прошлом, Гай до конца так и не понял, но догадался, что Док симпатизировал сектантам-еретикам, которых впоследствии поголовно объявили «врагами существующего порядка вещей»), однако ему удалось пройти проверку лояльности. На него продолжали смотреть косо, но специалистов катастрофически не хватало – многие погибли во время Беспорядков, – и Дока допустили к работе.

Удалось установить, что Ночная Смерть – это «распад функций центральной нервной

системы», как гласило официальное заключение, но все попытки выяснить причину этого смертельного и очень скоротечного заболевания (не говоря уже о методах борьбы с ним) неизменно оказывались тщетными, пока однажды Зенту, изучавший данные по очередной эпидемии, не взял точный план всех домов пострадавшего квартала и не начал наносить на него точки, обозначая ими те места, где лежали мёртвые тела людей, уснувших и не проснувшихся. Работа эта оказалась долгой и кропотливой, но по завершении её Док был поражён: оказалось, что все погибшие находились в центре правильного круга радиусом в несколько сотен метров. И граница этого круга была очень чёткой: в одном из домов Ночная Смерть унесла мужа, а жена, спавшая вместе с ним в супружеской постели, осталась жива: роковая граница прошла как раз между их телами. Создавалось впечатление, что откуда-то сверху весь квартал накрыл огромный смертный конус, внутри которого выживших не было. Док Зенту знал о пси-машинах – он даже видел их в действии, излучатели использовались для лечения лучевой шизофрении, – и не мог избавиться от мысли, что смерть людей была вызвана узконаправленным лучевым ударом пси-поля с доселе неизвестными свойствами.

Написав обстоятельный доклад, Док представил его руководству комиссии, а через четыре дня он был арестован по обвинению в распространении наркотиков – в его квартире были обнаружены целый склад пакетов с пандейской травкой и куча денег (надо ли говорить, что ни того, ни другого он за день до этого и в глаза не видел), – и вскоре оказался в лагере для воспитуемых.

Меня казнили бы, сказал он Гаю с горькой усмешкой, или просто пришибли бы где-нибудь в тёмном углу. Но здесь, на дикой южной границе, на счету каждый человек: после Единения все пленные айкры – кроме тех, которые засеяли своими костями Железный Лес, – вернулись на свои Острова, государственных преступников мало – у нас ведь эпоха Покоя-и-Благоденствия, – и ещё меньше охотников работать в этих местах за деньги. Значит, нужны воспитуемые: надо убрать до конца всё старое боевое железо, и главное – на границе надо ставить детекторы слежения за большеголовыми собаками. Эти звери, которые не совсем звери, а скорее всего, совсем не звери, могут стать опасными: очень опасными. И только поэтому я ещё жив – пока ещё жив.

Подождите, сказал ему Гай, но ведь все излучатели давно уничтожены, и даже башни снесены – какое излучение, откуда? И зачем так убивать людей – какой в этом смысл? А ты уверен, спросил его Док, что *все* излучатели действительно уничтожены? Они были здесь, в лагерях – с их помощью держали в покорности пленных айкров. После репатриации пленных здешние пси-машины были взорваны, но все ли? А если одна из них (или даже не одна) была не разрушена, а припрятана, или, скажем, уплыла за океан? В нашем мире всё продаётся... На каком факультете ты у нас обучался? Энергетики и электроники, ответил Гай. Технарь, значит, резюмировал Док. Вот ты мне и скажи: если такое открытие сделано, можно ли его закрыть, а? И где гарантия, что вместо уничтоженных пси-машин не были построены новые? Вот то-то и оно, студент... А рассказал я тебе всё это только лишь потому, что я знаю, кто ты такой, и потому что нам с тобой надо бежать отсюда, и чем скорей, тем лучше. И побежим мы с тобой завтра же, побежим на восток, к горам Зартак. И если я туда не дойду, дойдёшь ты: дойдёшь и расскажешь горцам всё, что ты от меня узнал. Горцам, переспросил Гай, они что, разве существуют? Я думал, это всё сказки... Да, хмыкнул Зенту, хреновые у тебя были учителя, Гай Заар. Ничего, я сам займусь твоим обучением, дай только срок, только не срок перевоспитания. Ты у меня всё узнаешь: и про Святого Мака, и про Город Просвещения, и про иные миры, и про излучатели, и про сектантов, «желавших странного», и про славную нашу Республику тоже всё узнаешь...

...Когда они уже подходили к лагерю, Гай задал Доку вопрос, который интересовал его очень давно, и который он так и успел задать приват-доценту Аду Ноору:

- Скажите, Док, а эти Беспорядки, что это было такое?
- Серая топь перешла в наступление, – ответил Зенту, глядя себе под ноги. – Зачем расти, если всё, что нужно, можно получить здесь и сейчас? Мы дали бой, и проиграли...
- Почему?

– Потому, наверное, что мы были слишком прекраснодушными. Зло нельзя укротить одним только добрым словом: иногда в него нужно стрелять.

* * *

– Здравствуйте, дорогой Аримаи! Искренне рад вас видеть.

Сенао Тариа беззастенчиво лгал. Он вовсе не обрадовался внезапному визиту старого учёного – наоборот, он был всерьёз встревожен. Мэтр Тариа привык, что учёный трудован Танаодо занимается своим делом – очень нужным делом, – с головой ушёл в работу, ни во что не лезет, и даже не задаёт никаких вопросов, среди которых могли быть и щекотливые.

«Да, – подумал мэтр Сенао Тариа, глядя на взволнованное лицо Аримаи и на его руки, дрожавшие мелкой дрожью, – кажется, я допустил ошибку. Расслабился, и упустил из виду, что наш гений, похоже, так и не расстался до конца с наивными воззрениями времён своей юности. Досадно, но... поправимо. Наверное».

– Да вы садитесь, садитесь, – мэтр пододвинул гостю стул, делая вид, что не замечает состояния старика. – Признаться, вы меня немного опередили – как раз сегодня я собирался пригласить вас к себе и обрадовать: принято решение даровать вам внеплановое Омовение, и это несмотря на то, что формально вы не принадлежите к числу Избранных. Поздравляю вас, дорогой Аримаи!

– Вы меня обманули, Сенао, – глухо сказал учёный, тяжело опускаясь на стул. Слова Утончённого о дарованном ему «внеплановом Омовении» старик пропустил мимо ушей. За время существования «Проекта Возрождение» – за двадцать с лишним лет, – творец теории омоложения и создатель «машин вечной юности» – Саркофагов – всего один раз прошёл процедуру биологической регенерации организма. Он помолодел на пять лет только потому, что хотел испытать на себе работу первого Саркофага, на который тогда смотрели с опаской, и сделал это, тщательнейшим образом запротоколировав все свои ощущения. Подвижник от науки никогда не думал о себе – неудивительно, что перспектива «внепланового Омовения» не вызвала у него восторга: особенно теперь, когда Аримаи Танаодо знал, *какой ценой* оно будет оплачено.

– Вы меня обманули, – повторил он, с горечью глядя на собеседника. В отличие от Танаодо, Сенао Тариа не пренебрегал привилегией Утончённых: он омолаживался дважды, и выглядел сейчас не старше тридцати пяти лет.

– Я не уверен, что понял вас, дорогой Аримаи, – голос мэтра звучал всё так же мягко и приветливо, однако глаза его резко похолодели. – Вы получили для своей работы всё, что хотели, даже рабочий образец генератора поля с материка, что было очень и очень непросто. О каком обмане вы говорите?

– Всё вы прекрасно понимаете, Сенао, – за эти годы я неплохо вас изучил, хоть мне и свойственно думать о людях лучше, чем они есть на самом деле. Я ознакомился с данным по балансу ментальной энергии, и теперь я хочу знать, откуда в течение как минимум десяти лет бралась энергия для обеспечения плановых Омовений. Я уже догадываюсь об источнике её происхождения, но хотел бы услышать об этом от вас, дорогой Сенао Тариа. Итак, я вас слушаю.

– Отвечу. – Утончённый колебался секунду, не более. – Все эти годы на материке умирали здоровые люди, полные сил, – десятки и сотни тысяч людей ежегодно. Изъятая у них «энергия жизни» транслировалась сюда, на Объединённые Острова, и расходовалась на омоложение Избранных. Вы удовлетворены моим ответом?

– Не ожидал, что вы вот так прямо во всём сознаетесь... – Аримаи сгорбился и с силой потёр лицо ладонями. – Чудовищно... Вы убили за эти годы свыше двух миллионов людей, убили ради того, чтобы...

– Да, – перебил его мэтр, – убили. А вы сами, дорогой мой, разве не убили за время работы над «Проектом Возрождение» около шести миллионов людей, живших на Внешних Островах? Где же был ваш гуманизм, который вы сейчас тычете мне в лицо?

– Жертвами моих экспериментов были гниловатые – вам хорошо известно, что это за люди, и можно ли вообще назвать их людьми.

– А почему вы считаете, что континенталы чем-то лучше наших гниловатых? – живо возразил Тариа. – А? Лично я не вижу никакой разницы. Вот что, дорогой мой Танаодо, я рад, что вы затеяли этот разговор – рано или поздно он должен был состояться, – и поэтому давайте-ка поговорим прямо и начистоту.

– Давайте, – учёный тяжело вздохнул.

– С самого начала уже было ясно – по крайней мере, мне, – Утончённый откинулся на спинку стула и положил руки на стол, – что омоложение одних людей придётся оплачивать жизнями других людей. Природа не терпит пустоты, как говорит наша красавица Ниэлла. И тогда было принято решение сделать из Старых Стран этакий питомник, кормовую базу, – загон для скота, если угодно. Само собой разумеется, решение это было тайным: такие вещи не нужно знать никому, кроме узкого круга вершителей судеб.

– Вершители судеб – это вы, Утончённые?

– Да. У нас власть над всем Саракшем, и мы имеем право решать, кому умирать, а кому жить вечно. Мы заслужили это право – мы добивались этой власти веками. Знаете, среди обывателей бытует примитивная точка зрения: мол, власть нужна только лишь для того, чтобы вкусно есть, мягко спать и сладко любить красивых женщин. Чушь – ради этого совсем не нужно добиваться власти над миром, такой набор удовольствий имелся у любого мелкого средневекового барона на материке или у вождя жалкого племени рыбоедов здесь, на Благословенных Островах. Настоящая власть нужна, чтобы масштабно изменять мир по своему усмотрению, а для этого нужно подчинить себе всех людей и сделать их покорными твоей воле – только так. И мы добились этой власти – мы заслужили бессмертие.

– А все остальные – они для вас всего лишь расходный материал? Кормовая база – скот, как вы выразились?

– Да, – Утончённый невозмутимо кивнул. – Естественный отбор – это закон природы. Выживает сильнейший, а все остальные становятся удобрением эволюции. Мы победили, и мы пойдём дальше, ступая по черепакам побеждённых. И мы будем пить их «жизненную силу» – вы ведь, дорогой мой, не чувствуете угрызений совести, поедая мясо убитых животных.

– Это не животные, это люди...

– Да кто вам это сказал? Какие же они люди? Примитивные существа, чьи интересы ограничены физиологическими отправлениями – есть, спать, совокупляться, развлекаться. Они не умеют и не любят думать, они готовы вцепиться друг другу в глотку за жирный кусок. Подавляющее большинство этих так называемых людей ничуть не лучше гниловатых, которых вы самозабвенно истребляли – между прочим, с благородной целью: вы хотели лечить других людей, достойных. Нашей цивилизации недолюди уже не нужны даже как работники – их с успехом заменяют машины. Не нужны нам и толпы тупых головорезов – война, если таковая случится, будет высокотехнологичной, и поэтому мы нисколько не возражали против истребления гниловатых. Нет никакого смысла в существовании многих миллионов недолюдей – они камень на шее нашего гармоничного общества. Но мы нашли им применение – точно такое же, какое находит пастух отаре овец, пасущейся на горном склоне. Недолюди счастливы: они живут в тепле и уюте, едят, пьют, не слишком утруждают себя работой и предаются чувственным наслаждениям – пожалуйста, всё к вашим услугам! А когда приходит время, они тихо и безболезненно умирают – во сне, без всяких мучений. Это ли не счастье, о котором мечтает большинство из них? Нам остаётся только регулировать их численность: поголовье должно быть достаточным для «питания» Избранных, но не должно превышать некоего «предела безопасности»: если кроткие агнцы узнают о своём... э-э-э... назначении – а такое возможно, – они могут и взбунтоваться, и в этом случае их чрезмерная численность для нас нежелательна. Патронов, знаете ли, может не хватить... Хотя, думаю, патронов у нас хватит – технология отработана до мелочей. Знаете, как – чисто технически – осуществляется изъятие субстанции разума? Я вам скажу, чего уж там, раз мы с вами решили поговорить начистоту.

Голос Утончённого гипнотизировал, и Аримай Танаодо нашёл в себе силы лишь слабо кивнуть.

– Над всеми городами континенталов висят дирижабли, облепленные красочными рекламными плакатами. И никому даже в голову не придёт, что по ночам эти же дирижабли наносят молниеносные лучевые удары по заранее выбранным квадратам. Затем гружёные дирижабли улетают, а их место занимают другие воздушные корабли. Экипажи дирижаблей состоят из воинов-айкров – военные аристократы бывшей Островной Империи вершат свою древнюю месть, и весьма этим довольны. Изячно, не правда ли?

– Чужие воздушные боевые корабли в небе суверенной страны... А куда же смотрят местные власти, правители Республики?

– А они обо всём знают. Часть из них тоже получает толику «вечной молодости» – да, да, не удивляйтесь, – и подобное положение вещей их вполне устраивает. Или вы всерьёз полагаете, что правители Республики или Хонти денно и ночно радуют о своём народе? В вашем возрасте, дорогой профессор, пора бы перестать идеализировать людей. Люди вообще существа мерзкие, уж вы мне поверьте.

– Глядя на вас, в этом не усомнишься...

– Благодарю за комплимент, – Сенао ослепительно улыбнулся, продемонстрировав свои безукоризненно здоровые зубы. – Дорогой мой Аримай, наверх выбиваются не самые честные и совестливые, а самые хищные. И подлые. Обман – это закон природы, и наша человеческая ложь – это всего лишь разновидность мимикрии. Не было в истории примеров, чтобы рьяные приверженцы чести и совести добивались чего-то значимого. Наивные рыцари вызывали противника на честный бой, а королями становились те, кто не стеснялись ударить ножом в спину или подсыпать яд в дружеский кубок. И наш элитный Внутренний Круг сформировался по такому же принципу – в сфере финансов на высокой этике далеко не уедешь.

– И вы ещё называете себя элитой...

– Называем. Сказки про добродетель – они сказки и есть. Это что-то вроде религии – эти сказки помогают держать скот в покорности. А нам совершенно не нужно, чтобы скот задумывался: недолгую жизнь должны быть настроены на одну примитивную волну. Когда колосья стоят ровно, один к одному, легче снимать урожай. Впрочем, вы и сами это знаете, верно?

Танаодо знал. В первых же экспериментах было отмечено увеличение количества аккумулированной ментальной энергии, если толпа подопытных состояла из людей одного уровня умственного развития, и чем этот обобщённый средний уровень был ниже, тем выше был коэффициент полезного действия «насоса». Чем тупее скот, тем он жирнее, с горечью подумал Танаодо.

– Мы создали идеальное общество, – продолжал между тем Утончённый. – Всеобщее счастье, счастье для всех, невозможно. Большинство людей не заслуживают счастья в силу гнусности своей натуры – люди злобны, завистливы, жадны, жестоки. Они подонки и лентяи, их нужно заставлять работать, заставлять плетью и подачкой. Счастья заслуживают только избранные, сумевшие подчинить себе остальных и стать элитой. Выделение из аморфной человеческой массы касты Избранных – закономерный эволюционный процесс, есть такая гипотеза. А уж каким способом эта каста сформировалась, и как она взяла власть, это уже неважно: победителей, как известно, не судят.

– Вы не человек, Сенао, вы чудовище, – севшим голосом произнёс Танаодо. – После всего, что я от вас услышал, я уже не удивлюсь, если узнаю, что моя дочь погибла далеко не случайно, и что вы, мэтр Тариа, причастны к её гибели.

– Вы не ошибаетесь, – с ледяным спокойствием произнёс мэтр. – Это так и есть. Увы – я был вынужден так поступить, чтобы заставить вас работать над ментальным насосом. И вы его создали, жажда мести – это очень сильный стимул.

– Негодай... Какой же ты негодяй...

В следующую секунду произошло невероятное.

Учёный трудован Аримай Танаодо, маленький сухонький старичок с венчиком седых

волос на голове, из положения «сидя на стуле» прыгнул вперёд и вверх, перелетел через широкий стол, опрокинул на пол Сенао Тариа, крепкого молодого мужчину, и схватил его за горло.

– Аил... – захрипел Утончённый, тщетно пытаясь оторвать от своей шеи костлявые пальцы профессора, ставшие вдруг железными, – ...ло... На по... щь...

Негромко хлопнул выстрел. На лицо Сенао капнуло что-то тёплое. Пальцы Танаодо разжались.

– Спасибо, Аилло, – просипел Тариа, сбросив с себя труп и пытаясь подняться.

– У меня не было другого выхода, мэтр, – извиняющимся тоном проговорил мужчина с пистолетом в руке, помогая ему встать. – Наверно, этот трудован принял какой-то наркотик – ещё бы секунда, и... Я понимаю, что он для вас был очень ценен, но прямая угроза вашей жизни заставила меня пойти на крайние меры: пришлось прострелить ему голову.

– Не извиняйся, – бросил Сенао, растирая шею. – Ты действовал правильно.

– Зачем вы сказали ему о том, что причастны к смерти его дочери? – спросил Аилло с оттенком укоризны. – Всё остальное он проглотил, хотя и поморщился.

– Я его провоцировал. Наш с ним разговор не оставил места для недомолвок: или он с нами, или он против нас. Оказалось, он против... А насчёт его ценности – великий физик Аримаи Танаодо, умерший от сердечного приступа прямо на работе, сделал своё дело, и имя его будет вписано золотыми буквами в историю науки. И дело его будет продолжено – он проложил дорогу, а по накатанной колее ехать нетрудно. «Проект Возрождение» держался не на одном только Танаодо – он был всего лишь первооткрывателем. Так что потеряли мы не так много... Но какая неожиданная сила в таком хилом создании!

И Утончённый с внезапной дикой злобой пнул ногой мёртвое тело учёного.

* * *

Гай допускал, что сподвижники обиженного им Мохнатого могут попытаться свести с ним счёты ночью, под покровом темноты, но нисколько не опасался ночного нападения. Он всегда спал очень чутко – знал он за собой такую особенность, – и был уверен, что проснется при малейших признаках опасности. И он действительно проснулся среди ночи – проснулся от тишины.

В бараке было неправдоподобно тихо: не слышно было ни храпа, ни кашля, ни даже сонного дыхания десятков людей. И через секунду Заар осознал, что так тихо может быть только на кладбище, где нет живых, а есть только мёртвые.

– Док... – тихо позвал он.

Тишина. Гай протянул руку и коснулся лица Зенту – они спали на соседних нарах, голова к голове. Кожа Дока была холодной – тело его потеряло тепло ускользающей жизни. Док был мёртв, и все остальные воспитуемые, лежавшие на нарах, тоже были мертвы, Гай в этом уже не сомневался.

– Док, – прошептал он, не ожидая ответа, а словно прощаясь. – Как же так, Док...

Скрипнула входная дверь. У выхода из барака послышалась какая-то возня, мелькнул луч карманного фонаря и раздался голоса, бубнящие что-то нечленораздельное. Гай застыл, вслушиваясь и вглядываясь в темноту, различая неясные тени и разбирая отдельные слова.

«Всё, – пробормотал кто-то, – кончено». «Барак надо сжечь, – отозвался другой, – не таскать же дохлых на...». «Ещё чего! Это помещение ещё пригодится, а трупы... На рассвете пригоним сюда бригаду из других блоков, и они их перетаскают на корм большеголовым». «На машины, и сбросить в реку...». В речи одного из говоривших слышался какой-то акцент, причём не хонтийский и не пандейский; Гай пытался понять, что это за акцент, и тут вдруг раздался третий голос, произносивший шипящие незнакомые слова. Смысла этих слов Гай не понял, зато он узнал язык. Это был язык островитян-айкров – будучи на Благословенных Островах, Гай запомнил его звучание.

Голоса стихли. Фонарь мигнул и погас, снова скрипнула дверь, и в барак вернулась

тишина, глухая и всепожирающая. Что же это такое, думал Гай. В барак приходила Ночная Смерть, это ясно, но она пришла не сама: её натравили на спящих людей, как цепного пса, отдав ему команду «Куси!». Айкры... Они-то здесь откуда взялись? Неужели соплеменники Айико (Гай вспомнил этих мирных доброжелательных людей, спокойных и улыбчивых) по ночам убивают граждан Республики? Зачем? Гай кое-что знал о кодексе чести воинов-айкров – они могли быть невероятно жестокими (рассказы о том, что творили когда-то на материке десанты, высаженные с белых субмарин, передавались из уст в уста), но убивать исподтишка – это было не в их правилах. И тем не менее...

Пролежав неподвижно несколько минут, Гай привёл мысли в порядок. Отвлечённые размышления – это потом, сказал он себе, а сейчас надо думать о том, как отсюда выбраться. Утром в барак явится похоронная команда, и шансы, что она примет живого воспитуемого за холодный труп, очень невелики. Надо бежать, бежать к далёким восточным горам, бежать не только потому, что ему, Гаю Заару, очень хочется жить, но ещё и для того, чтобы рассказать людям обо всём.

Он вытащил из-под подушки приготовленный ещё с вечера пакет с едой, потом, чуть поколебавшись, достал такой же пакет из-под изголовья мёртвого Зенту. Доку уже ничего не понадобится, а вот Гаю лишний паёк пригодится. Так, комбинезон на мне (полезно спать не раздеваясь). Ну, пошли, студент...

Стараясь ступать бесшумно, он пробирался вдоль длинного ряда нар с мёртвецами. Гай не задавался вопросом, почему все они умерли, а он жив – он принял это как данность (счастливая случайность, почему бы и нет?). Добравшись до выхода, он осторожно потянул на себя дверь (а вдруг она заперта?). Но дверь подалась – тем, кто приходил сюда, и в голову не могло придти, что в обречённом бараке мог кто-то выжить.

Выскользнув наружу, Гай прижался к дощатой стене, стараясь с ней слиться и сожалея, что не может стать невидимкой. Вокруг было темно и тихо. Охрана лагеря вообще была не слишком строгой – бежать отсюда всё равно некуда (разве что на юг, к мутантам, но таких героев среди воспитуемых не находилось), особенно по ночам, когда из тёмных подземных нор выходят на охоту большеголовые. А на вымерший барак охранники старалисьшний раз не смотреть: Ночная Смерть внушала всем (кроме тех, подумал Гай, кто посвящён в её тайну) суеверный трепет.

Глаза быстро привыкли к темноте, да сама темнота не была для Гаия непроницаемой (как говорил Дой Шинту, «у тебя в роду были ночные хищники, не иначе!»). Оглядевшись, Гай наметил себе участок проволочного забора на двадцать шагов левее сторожевой вышки, на которой беззастенчиво дремал солдат-охранник. В заграждении хватало дыр, и ещё вчера Док, да согреет его Мировой Свет, показал некоторые из них Гаю – так, на всякий случай.

Подождав, пока ленивый луч прожектора прополз вдоль забора и ушёл в сторону, Гай метнулся к проволоке. Движения его были стремительными, и охраннику на вышке, который как раз в это момент протёр глаза, всего лишь почудилось, что между бараками мелькнула размытая тень, похожая на клочок ночного тумана.

Упав на спину, Гай осторожно приподнял плетть колючей проволоки – у самого столба она была перекушена и примотана на живую нитку. Упираясь лопатками в холодную землю, беглец пролез под проволокой, перекатился на живот и пополз дальше. Лес был рядом, рукой подать, и очень скоро Заар растворился в спасительной темноте зарослей.

...Он шёл до рассвета, не давая себе ни минуты отдыха, чтобы к утру оказаться как можно дальше от проклятого барака, где среди прочих мертвецов остался Док. Гай Заар не то чтобы опасался погони (вряд ли кто-то будет скрупулёзно пересчитывать трупы в бараке, а если и будет, кому охота гоняться за безумцем по Железному Лесу – он там и сам сдохнет) – он заставлял себя идти, переливая в мышцы ног вызревшую в нём злую ненависть: чувство, которого студент столичного университета эпохи Покоя-и-Благоденствия раньше не знал.

Он шёл быстро, но осторожно, нюхом чуя в темноте затаившееся смертное железо и счастливо избегая ловушек. А потом он вдруг почувствовал впереди что-то большое, живое и дышащее: тьма сгустилась, принимая форму и очертания собаки с крупной головой. Гай

замер, боясь даже дышать.

Большоголовый тоже стоял неподвижно, словно оценивая, сразу ему напасть или всё-таки лучше немного обождать. И тогда Гай, не делая резких движений, произнёс мысленно: «Мы не враги, ты и я. Мне нужно идти – уступи мне дорогу». Он хотел сказать это вслух, но не успел, да это и не понадобилось: похоже, подземный пёс понял его мысль. Зверь – или не-зверь? – сделал шаг назад и мгновенно исчез, бесшумно и бесследно. Гай выдохнул и вытер вспотевший лоб.

И только под утро смерть прошла совсем рядом, коснувшись беглеца своим ледяным дыханием. Гая спасло его обострённое чувство опасности – одно из тех загадочных качеств, коими он был наделён от рождения. Тонкая проволочка, которую он зацепил, ещё дрожала, а Гай уже приник к земле, распластавшись между корней уродливого кряжистого дерева.

Темноту расколола яркая вспышка. Завизжали осколки, срезая ветки и куски коры, на голову Гаю посыпалась древесная труха. «Попрыгушка», вспомнились ему слова Дока, есть такая мина со скверным характером. Хорошо, что дерево приняло на себя визгливую смерть – дереву, иссечённому шрамами ветерану Железного Леса, это не повредит...

...К реке он вышел к полудню. Голубая Змея неспешно катила свои воды; она текла с востока на запад, и Гай отказался от мысли продолжить путь по воде: плыть против течения на самодельном плоту (который надо ещё связать) можно очень долго, и при этом первый же патрульный вертолёт наверняка заинтересуется плавучим сооружением и захочет посмотреть на него вблизи. И он пошёл вдоль берега, прячась в кустах, как только в небе рождался рокот винтов, – река стала для него путевым указателем.

...Он шёл день за днём. Местность изменилась – Железный Лес со своей отравной начинкой остался позади, и мёртвое уступило место живому. Горы Зартак уже были видны, но до них ещё идти и идти. И Гай шёл, питаясь чем попало – оба пайка он давно уже съел, – шёл, падая от усталости и удивляясь собственной выносливости. Гай Заар шёл, твёрдо зная, что обязательно дойдёт, потому что иначе нельзя.

И горы становились всё ближе.

* * *

На Благословенных Островах, в Белом Городе Внутреннего Круга, в доме, похожем на храм светлых богов, мягкий женский голос ласково произнёс:

– С пробуждением, обновлённый! С возвращением в мир, принадлежащий тебе!

Прозрачная крышка Саркофага раскрылась, словно створки раковины-жемчужницы. Человек в светлой одежде, лежащий в Саркофаге, открыл глаза, ещё наполненные дремой, и шевельнулся. Потом он приподнялся, держась руками за края Саркофага, и одним плавным движением покинул своё ложе. Оглядевшись, он увидел огромное, во всю стену, зеркало и пошёл к нему, легко ступая босыми ногами по тёплому мрамору пола. Подойдя к зеркалу, он сбросил одежду и посмотрел на своё отражение.

Человек был молод, строен, светловолос, под гладкой кожей перекатывались сильные мускулы. В глазах его светилась энергия юности и одновременно опыт и мудрость, странные для его возраста – на вид человеку было не больше двадцати пяти лет.

«Жизнь прекрасна и удивительна, – подумал Утончённый, – особенно если ты молод, здоров и полон сил. И она стократ прекраснее, если ты знаешь, что молодость твоя будет длиться целую вечность...».

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЖЕЛАВШИЕ СПАСТИ

Остроконечные утёсы – чёрные, серые, красноватые, – громоздятся со всех сторон, лезут вверх, подпирая вогнутое небо и словно пытаются распрямить его и выгнуть в обратную сторону. Острые камни под ногами – дорог здесь нет, приходится карабкаться по каменным осыпям, перелезать через оскал трещин, повисать на руках над распахнувшимся провалами

пропастей, на дне которых пенными лентами вьются бурлящие водяные потоки. Обувь давно разодрана, клетчатый комбинезон расплосован в лоскуты, и новые кровавые царапины на теле появляются быстрее, чем заживают старые. И всё-таки – вперёд, вперёд, вперёд, потому что назад дороги нет...

Голод рвёт внутренности, закручивает их в жгуты, голод тянется к каждой клеточке измученного тела, высасывая из неё последние соки. Голод можно обмануть горстью ягод, собранных среди лишайника, или глотком воды из ручья, такой холодной, что от неё стынют зубы, но это ненадолго: голод возвращается, и снова терзает и гложет. Хочется лечь, чтобы больше не встать; усталая плоть выходит из подчинения разуму и шепчет: «Остановись...». И всё-таки – вперёд, вперёд, вперёд, потому что назад дороги нет...

Сознание плывёт. Среди безжизненных скал возникают призрачные видения – птицы с человеческими лицами, люди со звериными телами, огненные змеи, выползающие из тёмных расщелин. Мир переворачивается и грозит накрыть, раздавить, похоронить безымянно – здесь хватит места для миллионов безвестных могил. Смирись, и бесконечная пытка закончится, и придёт покой, и наступит блаженство отдохновения. И всё-таки – вперёд, вперёд, вперёд, потому что назад дороги нет...

Ещё один призрак? Или нет, два призрака – два человека в мехах, с непокрытыми головами. Длинные чёрные волосы спадают на плечи, и жёлтые глаза призраков похожи на глаза хищников, гнавших по горным тропам и наконец-то загнавших свою добычу. В руках у них оружие – какое именно, разобрать не удастся, потому что каменная твердь вдруг уходит из-под ног, и спасительная тьма накрывает истерзанный разум.

...Каменное небо над головой. Оно едва различимо, подсвеченное багровым отсветом пламени, горящего где-то внизу. На небе вниз головой висит странное существо, как будто закутанное в плащ – или это сложенные крылья? – и тёмный взгляд его следит и вопрошает безмолвно. Это... смерть? Или... летучая мышь? Крик застревает в пересохшем горле, и рука – прохладная маленькая рука – касается разгорячённого лба, гася жар, рвущийся наружу из-под кожи. И голос – спасительная нить, вытягивающая из темноты и холода к теплу и свету. «Ты жив, воин, и ты будешь жить. Ты – среди друзей, ты – дошёл...».

* * *

– Ты поведал о страшном... – Хранящий Память протянул руки к огню, словно желая их согреть, хотя в пещере было тепло. – Значит, Тёмный Зов обернулся Ночной Смертью...

– Тёмный Зов?

– Так мы называли излучение, подчинявшее людей и внушавшее им всё, что угодно. Некогда вся твоя страна была покрыта сетью ретрансляционных башен, с помощью которых правители навязывали народу свою волю.

– Я знаю об этом. Но потом башни были разрушены, тиранию сменила республика, и мы обрели свободу.

– Свободу? – старейшина Птицеловов усмехнулся. – Ты уже забыл лагерь за Голубой Змеей, воспитуемый Заар?

– Ну... – Гай замялся. – Это какое-то недоразумение...

– А Ночная Смерть – *управляемая* Ночная Смерть – это тоже недоразумение? Пора бы тебе избавиться от наивности – неужели тебе мало того, что ты узнал от своего товарища, который остался там, в бараке, наполненном мертвецами?

– Он мне так толком ничего и не рассказал – не успел. Но ты прав, мудрый: в моей стране творится что-то недоброе, и я должен во всём этом разобраться. Внешне-то всё вроде спокойно и хорошо, а если копнуть...

– Ты разберёшься, сын Святого Мака.

– Ты поможешь, Хранящий Память?

– Помогу. Начнём с того, что я могу тебе объяснить, почему ты остался жив, когда на ваш барак упала Ночная Смерть, – ты ведь задавал себе этот вопрос, верно?

– Да. Я думал, это случайность.

– Случайностей не бывает. Твой товарищ, который не успел стать твоим учителем, был прав. Ночная Смерть – это излучение, точно такое же, которое десятилетиями омывало твою страну, только модифицированное. Как оно изменено – мне неизвестно, но это неважно. Важно другое: на твоего отца, Гай, излучение не действовало, а ты унаследовал отцовский иммунитет, и только поэтому ты и выжил под лучевым ударом. Случайностей не бывает, сын Святого Мака: для Ночной Смерти ты неуязвим.

– Но тогда, – Гай привстал, глаза его возбужденно блеснули, – тогда я могу вернуться в столицу, пойти к властям, и сказать им...

– Ты неуязвим для Ночной Смерти, – прервал его старейшина, – но пуля с лёгкостью оборвёт нить твоей жизни. Ты опасен для властей. Вспомни судьбу человека, которого звали Док Зенту – он оказался в лагере для воспитуемых после того, как приоткрыл завесу тайны и высказал свои предположения о природе Ночной Смерти. Только предположения, заметь, и чем дело кончилось? Если ты явишься к властям со своими разоблачениями, ты не доживёшь и до заката того дня, когда сделаешь эту глупость. Подумай сам – ты ведь умён – как можно регулярно и безнаказанно наносить ночные лучевые удары по всей территории Республики, и при этом ни армия, ни Легион, который хоть и сократился в числе, но всё-таки существует, никак на это не реагируют?

– Неужели...

– Да, – с горечью произнёс Птицелов, – я уверен, что Ночная Смерть собирает свою жатву не только с ведома, но и при содействии ваших правителей. По-другому я не могу это объяснить.

– Но зачем? Зачем им это нужно? Бессмысленных деяний на таком уровне не бывает – я не верю, что правительство Республики сплошь состоит из маньяков, находящих радость в массовых убийствах себе подобных! Такого просто не может быть!

Чудовищно, подумал Гай. Но логично – в логике этому старику не откажешь, нет, не откажешь. Но что же делать?

– Думать, – отозвался старейшина. – Искать ответы на вопросы, а потом действовать. Только так, а не наоборот: сначала наломать дров, а потом разгребать последствия. И для начала попробуй ответить на вопрос, откуда наносятся лучевые удары. Мы, горцы, бываем в твоей стране, но мы бываем там редко и гостями, причём не слишком желанными. А ты жил там, и тебе виднее. Подумай, сын Святого Мака.

– Ты знал моего отца, Хранящий Память?

– Я знал обоих: и твоего отца, и твою мать, – горец наклонил голову, и пламя костра окрасило алым его седые волосы. – Они были здесь, в Сердце Зартака, и мы говорили. С тех пор прошло четверть века, и много воды унесла Голубая Змея в океан...

Старейшина Птицеловов замолчал, глядя в огонь. Гай тоже молчал, но сознание его напряженно работало, пытаясь найти ответ на заданный вопрос. Как там говорил Док? Создавалось впечатление, что откуда-то сверху весь квартал накрыл огромный смертный конус, внутри которого выживших не было. Сверху, сверху... С летающей платформы? Нет, вряд ли – ни в одном сообщении о вспышках «эпидемии Ночной Смерти» нет упоминаний о рокоте винтов, сопровождавших эти вспышки. И даже если официальные сообщения могли быть очищены от любых «нежелательных подробностей», есть выжившие свидетели, и слухи о летающих платформах просочились бы, так или иначе. Сверху, сверху...

И тут его осенило – это было как яркая вспышка в непроглядной тьме. Гай вспомнил серебристый дирижабль, который проплывал в небе, когда Гай усаживался в машину стража универмага, чтобы ехать в полицейский участок. Кажется, за воздушным кораблём тянулась белая лента с девизом «Никаких проблем, никаких забот, живите и радуйтесь!» – да, так оно и было. Эти дирижабли постоянно висят над столицей и над другими городами Республики, к ним привыкли, и никто не видит в них ничего особенного. Неужели...?

– Я не ошибся в тебе, – старейшина поднял голову и посмотрел на Гая. – Да, такое может быть: рекламный дирижабль – это подходящий носитель генератора поля, и к тому же

не вызывающий никаких подозрений.

– Откуда вы...

– Я умею читать мысли, если они ярко выражены, – пояснил Птицелов, – у некоторых из нас, горцев, есть такой талант. Что ж, дело за малым: надо захватить такой дирижабль и хорошенько расспросить его экипаж. А уже потом...

– Я не умею летать, – сумрачно буркнул Гай, которому не очень понравилось то, что Птицелов копается в его мыслях. – Или у вас, горцев, есть такие таланты?

– Нет, такими талантами мы не обладаем, – невозмутимо ответил старейшина. – И не надо на меня... э-э-э... обижаться: я не читаю тебя всего, и не касаюсь твоих сокровенных мыслей. Кроме того, моё умение читать мысли никогда не будет использовано тебе во вред, сын Святого Мака. А что до захвата воздушного корабля – иди в пандейские леса, Гай, там ты найдёшь союзников. У пандейцев есть оригинальные летающие машины, и они не любят Империю, пусть даже она теперь называется Республикой.

– Пойду, – с вызовом бросил Гай. – Ты подскажешь дорогу?

– Я не только расскажу тебе, куда идти, и кого искать в Пандее. С тобой пойдут мои воины, горцы Зартака: сто человек.

– Сколько?! – изумлённо выдохнул Гай. Такого он не ожидал, но старейшина понял его не совсем верно, несмотря на своё умение читать мысли.

– Я понимаю, что этого мало, – сказал он с оттенком виноватости. – Я дал бы тебе и тысячу воинов – дело твоё очень важное, – но на материке есть и другие угрозы, за которыми нам надо следить. Живущие в личине зверя – вы называете их большеголовыми подземными псами, но они не собаки, они разумные существа, – всё чаще выходят на поверхность, и они уже появлялись в наших предгорьях. Мы не знаем, что ими движет, и чего они хотят, но они могут быть опасными: это мы уже поняли. И есть ещё мутанты-варвары, живущие в мёртвых пустынях выжженного Юга. Их женщины рожают много детей, и за последние двадцать лет число варваров увеличилось в несколько раз. Скоро им станет тесно, и тогда орды варваров перейдут Голубую Змею и двинутся на север. Это страшный противник, ты уж мне поверь. Я могу послать с тобой не больше сотни воинов гор, но это немало: мы, Птицеловы, устойчивы к излучению – иммунны, говоря языком ваших учёных. У тебя будет сто бойцов, неуязвимых для Ночной Смерти, – согласись, это не так плохо. Кроме того, среди них будет несколько хороших Чтецов – пригодится, если тебе надо будет проникнуть в мысли врага.

– Спасибо... – проговорил ошеломлённый Гай.

– Твой отец сказал мне: «Через два поколения спускайтесь с гор и идите в пандейские леса». Прошло только одно поколение, но пришла Ночная Смерть, и поэтому мы спустимся с гор раньше. Мы – это ты, сын Святого Мака, и мои воины. Это ещё не война, это разведка боем, как говорили военачальники Империи, но люди гибнут не только в крупных битвах, но и в малых стычках. Ты можешь быть уверен, что никто из моих людей не дрогнет в бою и умрёт бестрепетно, если это потребуется, но постарайся, чтобы горцы Зартака не гибли зря.

– Я постараюсь, Хранящий Память.

– И сам не спеши упасть в объятия Мирового Света: умереть – несложно, победить – это гораздо трудней.

– Я постараюсь, Хранящий Память.

* * *

Вернувшись в свою гостевую пещеру, Гай лёг, но заснуть не смог: слишком много он узнал, и слишком многое должен был обдумать. Он лежал на спине, закинув руки за голову, смотрел в каменный потолок, чуть подсвеченный пламенем костра, горящего у входа, и даже мимолётно удивился, почему на потолке не висит вниз головой летучая мышь – наверно, подумал Гай, она полетела на охоту, ловить ночных мошек. А потом он вдруг почувствовал, что в пещере, кроме него самого, есть и ещё кто-то.

– Кто здесь? – негромко спросил он, приподнявшись на локте. Спросил без страха – что

может угрожать ему здесь, среди друзей?

– Я, – тихо ответила темнота, и Гай узнал её голос – голос Чиинни, внучки старого вождя. Он не мог не узнать этот голос, он слышал его, выбираясь из беспамятства и борясь за жизнь. Чиинни не отходила ни на шаг от полумёртвого беглеца, и только благодаря ей Гай остался в мире живых, а не ушёл в мир умерших.

Из темноты проступили очертания тонкой женской фигуры, закутанной в плащ. Лицо девушки различалось смутно – светлое пятно, обрамлённое тьмой, – видны были только её глаза, светившиеся золотистым огнём. Пещерная хищница, невольно подумал Гай.

– Я не укушу, – отозвалась горянка с коротким смешком, и Гай понял, что она, как и её дед, умеет читать мысли. Только этого мне и не хватало, подумал он в смятении.

Девушка никак не отреагировала на его замешательство. Лёгкой тенью он скользнула к Заару и присела на край его ложа – так близко, что Гай слышал её тихое дыхание.

– Завтра ты уйдёшь, – напрямик сказала Чиинни. – Я знаю. И я хочу, чтобы ты стал моим мужем. Я люблю тебя – я поняла это, когда вытаскивала тебя из когтей смерти, Владычицы Всего Сущего. И я сказала себе: если он выживет – а я сделаю всё, чтобы он выжил, – он станет моим мужем. И вот я пришла. Я никогда не сказала бы тебе этих слов – женщины народа Зартака не навязываются мужчинам, – но завтра ты уходишь, и можешь не вернуться: я знаю.

Она сидела неподвижно, опустив голову, и ждала его слов. Еле слышно потрескивал костёр у входа в пещеру, потом донёсся пронзительный вскрик ночной птицы, охотившейся в тёмном небе.

– Чиинни, я... – Гай запнулся, борясь с сухостью в горле. – Ты красива, да...

– Я знаю, – ответила она спокойно и без тени кокетства.

– Ты спасла меня, и я тебе благодарен...

– Я знаю.

– Но я... – Гай собрался с духом, чувствуя себя так, словно ему предстояло прыгнуть вниз с высокой скалы. – Я не могу и не хочу тебя обманывать – я тебя не люблю.

Чиинни молчала. Гай не видел её глаз и выражение лица, а читать мысли он не умел.

– Там, за океаном, – торопливо пояснил он, боясь, что внучка Хранящего Память не выслушает его до конца, – есть девушка, которую зовут Айико. Она любит меня, я люблю её, и я не могу...

– Ты сказал правду, – голос Чиинни дрогнул. – Да будет счастлива та, которую ты любишь. Но если случится так, что тебе некуда будет идти, знай, что я... – не договорив, она подняла голову, отвела упавшую на лицо волну густых чёрных волос, обожгла Гая взглядом и исчезла – стремительно, словно подхваченная порывом ветра.

Гай сел на своём ложе, напряжённо вглядываясь в темноту, где никого уже не было. Дурак, ехидно произнёс внутренний голос, упустил такую девчонку. Все твои подружки по «весёлым играм» ногтя её не стоят. Ты мог бы провести с ней упоительную ночь, а там – там можно и под пули. Так ведь нет, тебе зачем-то понадобилось изображать из себя праведника! Дурак ты, Гай Заар, и больше никто – тоже мне, выискался спаситель Республики от Ночной Смерти... Молчи, посоветовал Гай своему незримому оппоненту, и не лезь не в своё дело. Я хочу быть честным перед самим собой, понятно тебе?

Внутренний голос не стал продолжать спор и покорно умолк, а Гай вдруг отчётливо понял, что если бы он попытался прикинуться любящим, Чиинни почувствовала бы его ложь – она же Чтица! – и тогда... Тогда бы ему, Гаю Заару, оставалось бы только сгореть со стыда или провалиться сквозь камень скал до самых корней горного хребта Зартак.

* * *

Очередная пуля врезалась в дерево над головой Гая, сорвала кусок коры, срикошетила и унеслась, жужжа разозлённым жуком. Эхо выстрела поплутало немного среди деревьев и умерло. И в наступившей тишине раздался голос, усиленный акустической аппаратурой и

так искажённый, что было не понять, кто говорит, мужчина или женщина.

– Пришельцы, вы на нейтральной полосе. Если вы попытаетесь пройти дальше, мы будем считать вас врагами и откроем огонь на поражение.

В подтверждение слов грохнул выстрел, и прямо перед Гаем упала ветка, срезанная пулей: не приходилось сомневаться в том, что невидимые пандейские стрелки сами хорошо видели горцев в редколесье, и что «огонь на поражение» обернулся бы для отряда Гая очень чувствительными потерями.

Массаракш, прошипел Заар, разглядывая кочку, за которой он укрывался. Кочка была невысокой, на ней вкривь и вкось торчали ломкие рыжие травинки, – сомнительное укрытие от меткого свинца. Кто бы мог подумать, что в этом глухом углу отряд встретят пандейские пограничники? С республиканской стороны здесь никого – горцы несколько часов брели по кочкарнику, продираясь сквозь заросли колючих кустов и хлюпая сапогами по лужам, и ни разу никто их даже не окликнул, – но стоило им только пересечь границу бывшей Страны Неизвестных Отцов, как с пандейской территории загрели выстрелы. Окриками «Стой!» пандейцы себя не утруждали: они сначала стреляли, а потом уже разбирались, кто к ним пожаловал.

Гай знал, что в Пандее «имперцев» не слишком жалуют. Лесная страна соблюдала условия мирного договора, заключенного ещё до Беспорядков, в первые годы существования Республики, однако особых симпатий к бывшей метрополии пандейцы явно не испытывали. Они торговали с Республикой, принимали у себя её туристов, но отнюдь не спешили слиться с ней в Единении. «Мы сами по себе, – говорили лесовики, – и не лезьте к нам с вашим укладом. Обнимайтесь с айкрами и с восточными хонтийцами, а нас оставьте в покое». Гай не видел в этом ничего предосудительного – насильно мил не будешь, – однако кое-кому в Республике обособленность Пандеи очень не нравилось. В газетах периодически появлялись гневные статьи под броскими заголовками «Кёниг Кам Энгу – последний диктатор Саракша» или «Пандейское многожёнство – оскорбление права женщины на свободную любовь», и градус недовольства подогревался жаркими теледебатами на те же темы. Но это был только внешний слой: приятель Гая с экономического факультета доходчиво объяснил ему, что суть проблемы – в нежелании пандейцев полностью встраивать свою экономику в систему, где господствуют капиталы островитян, и в неприятии лесными жителями «общесаракшианских ценностей», давно уже ставших привычными для республиканцев или для тех же хонтийцев.

Впрочем, подумал Гай, предаваться отвлечённым размышлениям о тайных пружинах конфликта между Пандеей и Республикой, лёжа в болоте под прицелом лесных снайперов, занятие не только бесполезное, но и вредное. Республиканская граница здесь не охраняется, но она патрулируется вертолётами, которые время от времени появляются на всех участках этой границы. Вступать в бой с аэромобильным отрядом стражей пограничья Гаю Заару не хотелось ни под каким видом, и поэтому с нейтральной полосы, насквозь просматриваемой с любого направления, надо убираться, и чем скорей, тем лучше. Возвращаться назад (с тем, чтобы попробовать проникнуть на территорию Пандеи в другой точке) было бессмысленно: пандейская граница наверняка прикрыта на всём её протяжении, в этом Гай не сомневался, а на другом участке запросто можно столкнуться и с республиканскими пограничниками – не везде же они столь же беспечны, как здесь, в этом заболоченном редколесье, где на двести километров нет ни единой живой души (за исключением, конечно, стрелков, затаившихся в зарослях на пандейской стороне). Значит, надо идти вперёд (в конце концов, им непременно надо попасть в Пандею – зачем шли?), вопрос только в том, как это сделать. Искать в Пандее союзников и начинать с взаимного кровопролития – это не лучший вариант.

Гай приподнял голову, всматриваясь в зеленую стену деревьев там, на пандейской стороне. Ни звука, ни шевеления, лишь еле слышно журчит ручей, петляющий среди кочек. Однако Заар знал: в густой чаще сидят люди, они внимательно и недружелюбно следят за ним поверх винтовочных стволов, угнездившихся в развилках ветвей и готовых выплюнуть пули. И неважно, что людей этих не так много (их наверняка меньше, чем горцев): если дело дойдёт до драки, то на помощь пандейцев в разгадке тайны Ночной Смерти рассчитывать

уже не придётся. И тогда Гай встал во весь рост и развёл руки в стороны, показывая, что в них нет оружия, и ощущая всем телом, какая у него тонкая кожа, и как легко она может быть пробита летящим свинцом.

– Мы не враги! – выкрикнул он. – Мы не имперцы!

– А кто же вы? – загремело в ответ. – Айкры или, может, мутанты? Не отягощай себя ложью – мы видим тебя, и видим, кто ты есть!

– Да, я гражданин Республики! – заорал Гай, надсаживаясь. – Но я беглый каторжник, а мои товарищи – горцы Зартака!

На той стороне озадаченно промолчали, и Заар, пользуясь минутой, нашёл глазами одного из Чтецов и кивнул ему. Птицелов понял его без слов: он поднялся и спокойно встал рядом с Гаем, плечом к плечу.

– Мы видим, – донеслось из-за деревьев. – Горцы – сами по себе, мы – сами по себе. Если вы хотели встречи, о ней надо было договориться заранее, а не красться по-воровски. Уходите – вам здесь нет пути.

– Мы не могли вас предупредить! – отчаянно закричал Гай. – Мы владеем слишком опасной тайной, и если пограничные вертолёты застигнут нас на нейтральной полосе, нам останется только умереть, сражаясь. Но вы, пандейцы, ещё пожалеете, что не приняли нас – вы пожалеете об этом, когда к вам придёт Ночная Смерть!

Невидимый собеседник молчал – похоже, он колебался. И тогда Заар выложил свой главный козырь.

– Передайте вашим правителям, – крикнул он безмолвной зелёной стене, – что я, Гай Заар, принёс слово Святого Мака! Передайте это вашему кёнигу Энгу и кёнигин-регентше Итане! Передайте, и позвольте нам дожждаться их ответа на вашей земле. Мы разобьём наш лагерь на открытом месте – там, где вы укажете, – и будем ждать под прицелом ваших ружей, не сходя с места, даю слово приёмного сына народа Зартака!

* * *

Превосходное шоссе петляло среди лесистых гор, выписывая плавные повороты. Ну надо же, думал Гай, глядя по сторонам через затемнённые стёкла авто правительственного класса. У них тут, оказывается, самая настоящая цивилизация с дорогами, мостами, домами и даже, похоже, с летательными аппаратами – вон там, вдалеке, над холмами промелькнули неясные силуэты, похожие на громадных птиц. А нам говорили, что пандейцы обитают в убогих хижинах из ветвей, крытых листьями, одеваются в звериные шкуры и в накидки из птичьих перьев, живут впроголодь, и что телефон для них – чудо неслыханное. Злобный тиран выпивает из них все соки, и лучшие красавицы страны вынуждены делить с ним ложе, потому что иначе их родным грозит жестокая кара. Правда, туристы, побывавшие в Пандее, говорили несколько иное, однако это объяснялось двуличием пандейских правителей: они-де пускают туристов лишь в специальные резервации, в которых воссоздана лубочная картинка «счастливой страны» с песнями, танцами и древними экзотическими обрядами, а столица Пандеи более-менее похожа на современный город только потому, что на неё работает вся страна, отдавая ей всё самое лучшее. Хороши хижины, и на впроголодь совсем не похоже, думал Заар, рассматривая чистенькие улочки городков и посёлков, разноцветные весёлые коттеджи, сады, прорезанные паутиной аккуратных дорожек, и возделанные поля. И люди, провожавшие любопытными взглядами колонну машин, мчавшихся по шоссе, не выглядели забитыми и заморенными, и одеты они были отнюдь не в лохмотья: одежда как одежда – такая же, какую носят в Республике или в Хонти.

– Нам ещё далеко? – спросил Гай у пандейского офицера, сидевшего на соседнем сидении.

– Час с небольшим, – ответил тот, бросив взгляд на ручные часы. – Вас ждут, горец.

...Последний козырь сработал. Отряд Гая пропустили на пандейскую территорию на несколько километров и позволили ему разбить лагерь на берегу речушки, выбегавшей из

леса и вновь в нём исчезающей. Затем к палаткам лагеря подошли четверо пограничников – двое мужчин и две женщины, – кратко объяснили горцам, что можно, что нельзя, и каков их теперешний статус («пришельцы без ярко выраженных враждебных намерений, явившиеся на пандейские земли с неясными целями и получившие соизволение ждать решения кёнига» – так это звучало), оставили мешок с армейскими сухими пайками и удалились, скрывшись в зарослях. Густой лес, окружавший лагерь Птицеловов со всех сторон, казался безлюдным, но Гай знал – чувствовал, – что из-за ветвей за каждым шагом пришельцев пристально следят очень внимательные и не очень доверчивые глаза. Находится под прицелом этих глаз (а также, наверняка, и винтовочных стволов) было не слишком уютно, но главное – горцев всё-таки приняли, а не выгнали восвояси.

К счастью, ожидание оказалось недолгим – похоже, связь в «дикой стране» работала отменно, и упоминание имени Святого Мака (спасибо Хранящему Память – надоумил) явно заинтриговало правителей Пандеи (и в первую очередь, как предполагал вождь Птицеловов, кёнигин-регентшу Итану Энгу, полновластную властительницу страны). Как бы то ни было, но уже на следующее утро, на рассвете, лагерь был разбужен шумом моторов – из чащи леса (как вскоре выяснилось, там проходила наезженная грунтовая дорога) выкатились пятнистые десантные вездеходы, в которых хватило места всем горцам, и раритетный пассажирский автомобиль (вероятно, сохранившийся ещё с имперских времён), куда вежливо пригласили самого Гаю. Оружие пришлось сдать – воинам гор эта процедура пришлась не по вкусу, но Заар на корню пресёк ропот среди своих бойцов: явившись в гости, следует соблюдать обычаи хозяев (да и то сказать, до полного доверия было пока ещё далековато). Впрочем, пандейские десантники были настроены дружелюбно (об этом Гаю вполголоса доложили Чтецы): они получили строгий приказ, и к тому же их разбирало любопытство – в отличие от Республики, в Пандее, судя по всему, помнили Святого Мака, и неплохо знали, кто он такой. Для сборов много времени не потребовалось, и уже через час колонна машин втянулась под зелёный полог леса, а ещё через два часа достигла широкой автомагистрали, пересекавшей всю Пандею и ведущей к столице. На шоссе бронемшины прибавили ходу – по заверениям сопровождающих, кортеж должен был прибыть в столицу «ближе к вечеру». Гай не возражал – ему очень хотелось посмотреть на эту загадочную страну, что он и делал всю дорогу, вертя головой и ни мало не заботясь о том, что его неуёмное любопытство может быть расценено как неуместное.

...Столица Пандеи встретила их многолюдьем: по вечернему времени на улицах, ярко освещённых, было множество народу. Но многолюдье это, как показалось Гаю, было каким-то спокойным, в отличие от лихорадочного многолюдья столицы Республики, нервного и суматошного, словно там, в его родной стране, люди куда-то очень спешили и очень боялись опоздать. А здесь – здесь было по-другому. Может быть, это оттого, подумал Гай Заар, что в Пандее не знают Ночной Смерти? А почему, кстати говоря? Что это за эпидемия, которая не в состоянии пересечь государственную границу – например, с теми же туристами? После всего, что он узнал, Гай почти не сомневался в том, что Ночная Смерть – это не болезнь, а нечто куда более жуткое, хотя подсознательно (как патриот и законопослушный гражданин Республики) всё ещё не хотел окончательно принять страшную правду об этой «эпидемии».

Комплекс правительственных зданий – «дворец великих кёнигов пандейских», как пояснил Гаю офицер эскорта, – производил впечатление своеобразием своей архитектуры. Основными строительными материалами для подобных сооружений здесь, как и в бывшей Стране Неизвестных Отцов, были стекло и бетон, но в геометрически выверенные очертания модерна органично вплетались фронтоны с барельефами и колонны, выполненные в виде могучих деревьев, кроны которых плавно превращались в крышу главного здания комплекса. Пандейцы бережно хранили обычаи предков: техногенная цивилизация не лишила их памяти о прошлом.

Со своими горцами Гай расстался на площади перед дворцом – формула «приходи один, и без оружия» не подразумевала коллективного приёма. «Не беспокойтесь за своих людей, – сказал ему сопровождающий офицер (в каком он был чине, Гай, не разбиравшийся

в знаках различия пандейской армии, не понял, но не без основания полагал, что пандеец был в чинах немалых – стражники у входа во дворец вытянулись перед ним в струнку). – Их разместят и накормят. Вы – гости». Гай попытался было взять с собой хотя бы одного Чтеца (на переговорах неплохо иметь рядом человека, умеющего читать чужие мысли) – мол, мне нужен переводчик, я не владею вашим языком, – однако офицер вежливо, но непреклонно настоял на своём: «В этом нет нужды – правители наши говорят по-имперски». Спорить Гай не счёл разумным и поднялся по мраморным ступенькам в одиночестве, изо всех сил старясь выглядеть спокойным и бесстрастным.

Внутри здания воздух был свеж и прохладен, пахло хвоей и ещё чем-то лесным. Гай и офицер-пандеец поднялись по широкой лестнице мимо стражей, вооружённых автоматами и неподвижных, словно статуи (мимоходом Заар отметил, что среди них немало женщин, причём молодых и привлекательных). Однако разглядеть амазонок (равно как и красочные стенные фрески) поподробнее ему не удалось: сопровождающий офицер остановился перед тяжёлой дверью (то ли деревянной, то ли искусно имитировавшей резное дерево), вежливо склонил голову и произнёс, указывая на дверь:

– Принёсший слово Святого Мака, вас ждут.

Двери бесшумно распахнулись, и Гай, сдерживая учащённое сердцебиение, шагнул за порог.

* * *

К немалому своему удивлению, Заар оказался не в просторном зале, каковым, по его мнению, надлежало быть помещению для официальной аудиенции с правителями Пандеи, а в небольшом кабинете: по всей видимости, принимающая сторона хотела провести встречу в приватной обстановке – «приходи один и без оружия». Кабинет был невелик, уютен и строг: никакой вычурной роскоши за исключением развешенных по стенным деревянным панелям картин и холодного оружия – клинков, копий и боевых топоров. Паркетный пол, высокое, под потолок, окно, наполовину задёрнутое тяжёлой гардиной, овальный стол резного дерева. За столом сидели двое (кроме них, в кабинете больше никого не было – ни секретарей, ни охраны), и ещё одно кресло – пустое, стоявшее спинкой к дверям, – ожидало гостя. Скорее всего, подумал Гай, защита от прослушивания здесь идеальная, иначе не стоило прибегать к такой предельной степени конфиденциальности.

Кто эти двое, он понял сразу, хотя никогда их раньше не видел. Во главе стола сидел, опустив сильные руки на столешницу, темноволосый молодой человек в серо-голубой форме «лесных войск» Пандеи. На взгляд он был ровесником Гая или чуть старше, но привычкой властвовать, которой дышал весь его облик, бывший студент вряд ли мог похвастаться. И ещё Гаю почудилось, что лицо этого молодого человека чем-то ему знакомо, как будто Заар уже видел его, причём не единожды. Что же касается женщины – а вторым человек за столом была женщина в тёмно-зелёном платье с серебряным узором, небрежно откинувшаяся на спинку кресла, – сначала она не показалась Гаю властительницей, но уже через пару секунд он понял, что ещё неизвестно, кто играет в этом пандейском дуэте первую скрипку. Лицо женщины было в тени (она сидела спиной к окну), однако Заар заметил, что она, несмотря на свой далеко не юный возраст, всё ещё красива – особенно выразительными были её глаза, внимательные и пронзительно-жгучие.

– Рад приветствовать великого кёнига и кёнигин-регентшу, – старательно проговорил Гай по-пандейски (он зубрил эту фразу чуть ли не всю ночь, и надеялся, что произнёс её без особых ошибок). – Меня зовут Гай Заар.

– Мы рады гостю, – отозвался молодой кёниг по-имперски, подняв раскрытую правую ладонь в приветственном жесте. – Моё имя – Кам Энгу, имя моей матери – Итана Энгу.

Регентша промолчала, но Гай чувствовал, что она пристально – очень пристально – его рассматривает, и что интерес её носит какой-то странный оттенок.

– С чем ты пришёл к нам, Гай Заар? – спросил кёниг, не тратя времени на вопросы о

самочувствии и о том, как гости доехали до столицы.

– Я владею опасной тайной: речь идёт о жизни и смерти множества людей на всём материке, в том числе и людей вашей страны. И мне нужна ваша помощь, правители Пандеи, потому что...

– Ты сказал пограничным стражам, – не слишком вежливо перебил его Кам, – что ты «принёс слово Святого Мака». Что означали твои слова?

Итана по-прежнему молчала, однако Гаю было ясно, что она тоже ждёт ответа на этот вопрос. И он ответил:

– Святой Мак – мой отец. Я пришёл к вам, потому что у вас помнят, кем он был, и что он сделал.

Наступило молчание, а затем раздался низкий и слегка насмешливый голос Итаны:

– Смелое заявление. Проверь, сын.

Гай не понял, что означают слова кёнигин, но Кам Энгу широко улыбнулся и встал из-за стола. По фигуре молодого кёнига было видно, что он крепок и силён, и движения его были движениями уверенного в себе хищника.

– Такие вещи надо доказывать, гость, – сказал он холодно. – У нас в Пандее не любят самозванцев. Я вызываю тебя на поединок. Выбирай оружие, – он махнул рукой на клинки, висевшие на стене.

Гай ошарашено молчал: чего-чего, а такого он никак не ожидал. Но время шло, и надо было отвечать: молодой властитель Пандеи явно не шутил.

– Я предпочитаю голые руки («Не хватало мне ещё продырявить его мечом, да и не умею я фехтовать на этих железках»).

– Хорошо (кёниг быстро переглянулся с матерью, и та кивнула). Ты готов?

– Готов.

В следующую секунду Гаю показалось, что его подхватил ураган. Кам Энгу каким-то невероятным образом оказался рядом, и Гай Заар едва успел заблокировать сильнейший удар в скулу. Время привычно растянулось, но пандейский кёниг почему-то оказался *внутри* этого растянутого времени: он двигался с той же стремительностью, что и сам Гай.

Если бы кто-то мог видеть этот поединок со стороны, он вряд ли смог бы разобрать детали. Посередине кабинета метался смутно различимый клубок из двух теней, издававших резкие выдохи и вскрики боли. Кёнигин Итана наблюдала за этим невероятным зрелищем, и на губах её играла странная улыбка. А спустя полминуты она вдруг подняла руку и властно произнесла:

– Довольно. Я видела – мне достаточно. Хватит увечить друг друга – обнимитесь, братья.

На этот раз в изумлённый ступор впали оба молодых человека. Они стояли, тяжело дыша – у Кама была рассечена бровь, Гай слизывал кровь с разбитой губы, – и недоумённо глядя то друг на друга, то на женщину в зелёном с серебром.

– Что это значит? – спросил Кам. – Братья? Какие братья?

– По отцу, – спокойно пояснила Итана. – Твой отец, сын, – Святой Мак, известный также как Мак Сим. Вы похожи – подойдите к зеркалу и посмотрите.

Так вот почему лицо молодого кёнига показалось мне знакомым, понял Гай. Ещё бы – своё собственное отражение я видел в зеркале, и не раз. Правда, у меня светлые волосы и серые глаза, а этот Кам Энгу черноволосый и темноглазый, но черты лица очень похожи. И поэтому-то Итана и смотрела на меня так странно... Вот это да – кто бы мог подумать?

– Твой отец, Кам, – невозмутимо повторила регентша, – Святой Мак. Я никогда не делала из этого тайны, а мой покойный супруг никогда не делал из этого трагедии – ты был рождён во исполнение древнего пророчества. И вы оба одной крови – это показал поединок: никто не смог бы выстоять против тебя, Кам, дольше нескольких секунд, только твой брат по крови. Я рада, Гай Заар, что ты жив, и что ты здесь: я вижу в этом перст судьбы.

А шустрый был у меня папаша, мелькнуло в голове Гая. Интересно, сколько ещё моих братишек и сестрёнок бегают по всему континенту?

– Ну, а теперь, – подытожила Итана, – поговорим о твоей опасной тайне, Гай. Что это за тайна, чем она грозит Пандее и всему Саракшу, и как мы можем тебе помочь?

* * *

Подземный арсенал был огромен. Пандейцы вбили в него массу труда, но результат получился впечатляющим. Здесь, в громадных залах и отсеках, прикрытых слоями металла, бетона и камня, за бронированными дверями располагалась техника, колёсная и гусеничная, стационарные и мобильные ракетные системы, тяжёлые и лёгкие, боеприпасы и оружие, от крупнокалиберных артиллерийских орудий до автоматов и винтовок, и наверняка здесь же хранились и атомные заряды – Пандея имела собственное ядерное оружие, хотя ни разу не пускала его в ход. Потомки лесных вождей оказались достаточно благоразумными, чтобы не играть с атомным огнём и не ввязываться в ядерную бойню, и только поэтому их страна избежала судьбы испепелённого Альянса и рухнувшей Старой Империи, сохранив в то же время независимость. И в который раз Гай Заар удивился, насколько органично переплетены в Пандее обычаи седой старины и сверхсовременные технологии – пандейцы сумели сохранить лучшие свои традиции, дополнив их требованиями времени и при этом не растеряв наследства предков. Слово «честь», основательно подзабытое в Республике, здесь, похоже, не пустой звук, думал Гай, глядя на лица пандейских солдат и офицеров и наблюдая за их поведением, – Хранящий Память знал, куда меня направить...

Братья, до сего дня не знавшие о существовании друг друга, шли по бесконечным галереям, коридорам и лестницам, освещённым мертвенным светом потолочных ламп, пока не достигли ангара – именно сюда молодой кёниг Кам Энгю вёл Заара. «Захватить дирижабль в воздухе... – задумчиво сказал он, выслушав Гая. – Что ж, кажется, у нас для этого есть кое-что подходящее».

Они остановились у сплошной каменной стены, и Гай недоумённо посмотрел на брата – куда дальше-то? Кёниг усмехнулся, бросил пару слов офицеру внутренней охраны, и тот нажал на пульте несколько кнопок. Стена, выглядевшая монолитной, медленно поползла в сторону, открывая проход. Заар мысленно ахнул: ему показалось, что он попал в какое-то сказочное драконье гнездо.

Внутри просторного ангара рядами стояли крылатые машины, похожие на гигантских птиц со сложными крыльями – впечатление усиливалось отделкой их корпусов, похожей на оперенье.

– Птеропланы, – пояснил Кам. – Наше, пандейское изобретение. Ни в твоей стране, братец, ни в Хонти, ни даже на Объединённых Островах нет ничего подобного. Эти машины бесшумны, они могут и планировать, и лететь по-птичьи – у них маховые крылья. Управлять птеропланами могут только специально подготовленные пилоты, это целое искусство. Вот на такой машине мы с тобой и полетим: посмотрим, что там за начинка у мирных дирижаблей, парящих над всеми крупными городами Республики.

– Мы с тобой? – переспросил Гай, подумал при этом «Ай да кёниг – вот тебе и тиран-правитель!».

– А кто же? – удивился кёниг. – Если эта ваша Ночная Смерть – излучение, то нужны люди, на которых оно не действует. А я знаю только двоих таких людей: это ты и я. И на борту атакованного дирижабля, скорее всего, придётся драться врукопашную – опять же, кто подойдёт для этого боя лучше, чем мы с тобой? Конечно, научиться управлять птеропланом за несколько дней ты не научишься, но держать в руках меч я тебя научу – не обижайся на ссадины, которыми я тебя обеспечу. Что-то ещё неясно?

– Хм... Но ты же правитель – на кого ты оставишь страну? И ты не боишься сделать сиротами всех своих многочисленных отпрысков? – Гай уже знал (вчерашняя аудиенция, начавшаяся с поединка, завершилась шумным пиршеством, в ходе которого единокровные братья много чего рассказали друг другу), что у Энгю около сотни жён и свыше ста детей.

– Не боюсь. Дети вырастут и без меня. Это тебе надо беспокоиться о том, чтобы кровь

Святого Мака не пропала. У тебя ещё есть время, – Кам лукаво посмотрел на Гая, – возьми в жёны хотя бы с десятка лучших наших красавиц, любая пандейская девушка будет искренне рада продолжить исполнение древнего пророчества.

Гай промолчал. Если ночью в мёртвом бараке действительно были айкры, то может стать, что им с Энгу предстоит встретиться в воздушном бою с островитянами, и поэтому Заару не хотелось говорить брату об Айико.

– А что касается моей державы, – Кам посерьёзnel, между его бровей пролегла резкая складка, – есть ещё моя мать, и она сможет удерживать бразды правления до тех пор, пока не подрастёт мой старший сын («Да, – подумал Гай, – эта – сможет»). А я не только кёниг, я ещё и воин, который не бежит от битвы: есть у нас в Пандее такой обычай. Ладно, не будем терять время: пойдём, посмотришь наши летающие машины вблизи и внутри.

* * *

...Пять птеропланов летели сквозь ночь. Они скользили над самой землёй, набирали высоту и снова планировали, широко раскинув неподвижные крылья, омываемые потоками встречного ветра. Бесшумные и незримые, летающие машин Пандеи уверенно шли к цели – к городу, отстоявшему от границы на двести километров.

На военном совете было решено воздержаться от рейда на столицу бывшей Империи – далеко, и высока вероятность противодействия: столица Республики оставалась столицей, несмотря на Единение и на сокращение вооружённых сил. Однако серебристые дирижабли парили и над другими городами бывшей Страны Неизвестных Отцов, и они наверняка были заняты тем же самым: вспышки эпидемий Ночной Смерти отмечались повсеместно. Целью рейда был выбран ближайший к границе крупный город Республики (разведка подтвердила, что два-три дирижабля висели над ним почти постоянно), и состав ударного отряда был минимальным: вторжение воздушной армады не прошло бы незамеченным. Расчёт делался на внезапность: пандейцы отнюдь не собирались ввязываться в полномасштабную войну со своей бывшей метрополией – далеко не факт, что именно дирижабли обрушивают на спящих людей Ночную Смерть, и не факт, что это бедствие угрожает самой Пандее.

...Лейтенант службы противовоздушной обороны со скучающим видом посмотрел на экран локатора. Радар фиксировал несколько отметок, движущихся от пандейской границы вглубь территории Республики, но это не беспокоило офицера ПВО. Никаких конфликтов в приграничье не было уже лет пятнадцать – хвала эпохе Покоя-и-Благоденствия, – а в Пандее водились очень крупные птицы, не считавшиеся с границами, установленными людьми. Да, сказал себе лейтенант, это птички – ведь шумопеленгаторы не засекли характерного звука работающих двигателей. Птички-птички, у них, наверно, брачный период – они ищут себе пару, а потом будут вить гнёзда и откладывать яйца. Вот и нам неплохо бы заняться тем же самым: скоро должен появиться мой добрый приятель с поста визуального наблюдения – чего зря плясать в ночное небо? – и притащить кое-чего согревающего. А затем дежурство будет скрашено двумя симпатичными девчонками-связистками (предварительное согласие получено), тем более что гнездо для «брачного периода» вить не надо, оно уже готово. И не стоит опасаться внезапной проверки: смазливая, хорошо осведомленная, любвеобильная и корыстолюбивая секретарша из штаба округа сообщила в интимной беседе, что полковник Агу Шоор отправился «в инспекционную поездку по дальним гарнизонам». А судя по тому, что бравый полковник взял с собой не штабных офицеров, а весьма аппетитную певицу из ночного клуба, «всесторонняя проверка» будет проходить где-нибудь в уединённом лесном домике со всеми удобствами, и продлится она не меньше недели.

Ага, вот и гости, подумал лейтенант, услышав, как открылась дверь бункера. И он не ошибся: на пороге символом грядущего веселья возник приятель, нежно баюкающий в руках внушительную ёмкость с хонтийским забористым пойлом, а из-за его спины выглядывали улыбочивые мордашки девушек-связисток. Лейтенант широко улыбнулся в ответ и выключил радар – не стоит отвлекаться на всякие пустяки, «живи легко».

Братец выглядит абсолютно невозмутимым, подумал Гай, искоса посмотрев на Кама. Или у него вообще нет нервов, или он владеет ими так, как мне и снилось: у меня по хребту то и дело скатываются капли холодного пота, и пальцы дрожат – приходится держать ладонь на рукоятки меча, чтобы скрыть эту предательскую дрожь.

Братья сидели рядом в тесной кабине флагманского птероплана, плечом к плечу. Оба молчали: всё уже было сказано ещё на земле, перед вылетом. Пилот, сидевший впереди них в носовой части кабины, тоже молчал – говорить, как и нервничать, ему было просто некогда: управление птеропланом требовало полной сосредоточенности. Одного умения здесь мало, говорил Энгу: чтобы слиться с летающей машиной в одно целое, нужен ещё и талант. Это тебе не грубая механическая колымага, именуемая летающей платформой, – птероплан надо чувствовать, и тогда он будет творить чудеса, словно преданное тебе живое существо. Гай скептически отнёсся к словам кёнига, но сейчас, наблюдая за движениями рук пилота, едва заметно перемещавшего рычаги управления крыльями и «мышцами» летательного аппарата, он поневоле признавал правоту Кама: пандейский лётчик напоминал музыканта-виртуоза, исполняющего сложный этюд на замысловатом музыкальном инструменте. Пандейцы близки к природе, они ощущают её дыхание и ритм, подумал Заар, иначе они никогда бы не создали такие удивительные машины.

– Подлетаем, – негромко произнёс Энгу, – видишь огни? Это город.

Гай заметил впереди и внизу россыпь бледных огоньков – любой город Республики не погружён в полный мрак даже глубокой ночью, – и кивнул, чувствуя во рту неприятный металлический привкус (трушу я, что ли?). Так, и где же тут эти серебристые сигары?

– Вижу цель, – ровным голосом доложил пилот. – Прямо по курсу и чуть выше.

Заар тоже увидел светлое пятно, выделявшееся на фоне серого ночного неба, и страх его ушёл, уступая место собранности и холодной бойцовой злости: Гай вспомнил барак, заваленный мертвецами, и тёмный ужас перед Ночной Смертью, терзавший всю Республику по меньшей мере десять лет. Сейчас мы всё узнаем, сказал он сам себе, погодите...

– Веер! – отрывисто бросил Кам в коммуникатор, висевший у него на шее, и четыре птероплана, шедшие следом за флагманом, разделились на пары и взмыли вверх, набирая высоту. Их задача была простой: прикрывать машину кёнига от возможной атаки винтолётов и при этом не соваться под брюхо дирижаблю, в предполагаемый сектор поражения. А вот флагманскому птероплану предстояло войти в эту зону, иначе к гондоле не подобраться.

Экипаж дирижабля беспечностью не отличался. Воздушный корабль разворачивался: на нём заметили приближавшуюся крылатую тень, и даже если не сочли её враждебным летательным аппаратом, то на всякий случай решили уклониться – столкновение в воздухе с таким крупным объектом не сулило оболочке дирижабля (какой бы прочной она не была) ничего хорошего.

– Не стрелять, – процедил кёниг сквозь стиснутые зубы. – Зайди сзади, и постарайся не попасть под винты. Атака!

Пилоту наставления не требовались: он был истинным асом (для ночного рейда были отобраны лучшие из лучших) и знал, что и как надо делать. Белёсый силуэт дирижабля занял почти полнеба – птицелёт быстро настигал неуклюжий аэростат. Разогнавшийся птероплан отвёл назад крылья и стал похож на охотничьего ястреба, падающего на добычу, – с той только разницей, что добыча эта располагалась не снизу, а выше его. Гай ожидал выстрелов с борта дирижабля, но выстрелы так и не раздались: вместо этого брюхо воздушного корабля и гондолу окутало мерцающее голубое сияние, и птероплан с разгону влетел в это свечение.

У Гая вдруг резко заболела голова. Боковым зрением он заметил, что Кам сморщился, и понял: брат испытывает то же самое. Однако больше никаких вредных ощущений не было, да и головная боль быстро прошла – если на борту атакованного дирижабля запустили пси-излучатель, то на потомков Святого Мака он не действовал. Случайностей не бывает – и Гай,

и Кам были неуязвимыми для Ночной Смерти, но пилот-пандеец бессильно обмяк в своём кресле: для него лучевой удар оказался смертельным. Птероплан дрогнул и покачнулся; Гаю показалось, что машина вот-вот рухнет на землю, однако мёртвый лётчик до конца выполнил долг воина: он вывел птицелет на линию атаки, направил его на цель, и даже после смерти сведённые судорогой мышцы пилота не прервали выверенного движения птероплана.

Птицеподобный пандейский аппарат врезался в гондолу, сокрушая её хрупкие стенки, вошёл внутрь, словно наконечник гигантской стрелы, вонзившейся в тело врага, и застрял, разворотив внутренности и смяв переборки гондолы. На лобовое стекло плеснуло чем-то тёмным, и секунду спустя Гай понял, что это кровь: птероплан размазал в кашу кого-то из членов экипажа протараненного дирижабля, на свою беду оказавшегося между «клювом» пандейской машины и внутренними конструкциями кабины воздушного корабля.

Погибший пилот нацеливал птероплан точно по продольной оси пассажирской гондолы, но смерть внесла свои коррективы: удар пришёлся немного левее и не проткнул гондолу, а вскрыл её на протяжении добрых двадцати метров, как исполинский консервный нож. Посыпались обломки и куски обшивки; приняв дополнительный груз, аэростат пошёл вниз, но тут со скрежетом отломилась левая мотогондола – один из двух моторов дирижабля оторвался. Равновесие восстановилось – повреждённый дирижабль дрейфовал по воле ветра, поскольку уцелевший мотор воздушного корабля заглох. Но Гаю было не до размышлений о законах физики: время растянулось, и надо было драться.

Оба полуземлянина одновременно выпрыгнули из кабины птероплана, причём Гай едва не сорвался в чёрную пустоту за бортом дирижабля – с его стороны обшивка гондолы была снесена начисто. Что бы не упасть вниз, Заару пришлось ухватиться за распахнутую дверцу птероплана, задавить страх высоты и рывком послать вперёд своё послушное гибкое тело. Про меч Гай забыл – он так и остался в ножнах, – однако Заару хватило и голых рук, тем более что несколько уроков фехтования всё равно не сделали из него мастера боя на холодном оружии. Прямо перед ним возникла человеческая фигура с занесённым клинком (как и предполагалось, экипаж корабля не стал стрелять, опасаясь пробить газовые баллоны), но движения её были безнадежно медленными по сравнению со сверхчеловеческой быстротой движений сына Святого Мака. Удар локтем ниже подбородка, хлюпающий звук сминаемой плоти, и обмякшее тело падает, а секунду спустя к нему присоединятся второе.

Обдирая руки об острые края развороченной обшивки гондолы, Гай обогнул нос птероплана – как раз вовремя, чтобы крикнуть Каму Энгу «Стой! Нам нужны пленные, а не трупы!». Молодой пандейский кёниг вошёл в раж: на рифлёной палубе дирижабля валялись уже три изрубленных мертвеца, и к ним вот-вот должен был добавиться четвёртый. Возглас брата отрезвил молодого властителя Пандеи: Кам не снёс голову очередному противнику, а только оглушил его ударом рукояти меча.

Продираясь через покорёженные конструкции гондолы (хотя со стороны казалось, что оба движутся со скоростью ветра), братья прорубались к ходовой рубке дирижабля. Экипаж воздушного корабля оказался невелик – на борту было десятка полтора людей, не больше, и в рукопашной они не имели против Энгу и Заара никаких шансов, но братья опасались, что кто-то успеет дать по радио сигнал бедствия, и тогда события могут принять нежелательный оборот.

Они успели: человек в рулевой рубке только подносил ко рту микрофон – медленно, очень медленно! – когда Гай прыгнул вперёд, пролетел по воздуху несколько метров и сшиб его ударом в ухо. Человек тихо всхлипнул и повалился на пульт. Заар наклонился над ним и разглядел – света в ходовой рубке было достаточно, – что это уроженец материка. Странно, подумал Гай, все остальные, кого мы тут поубивали и пооглушали, были айкрами (значит, я не ошибся, и тогда в бараке действительно разговаривали между собой айкры), а этот... Эге, а ведь я его знаю! Это же не кто иной, как сам господин начальник столичной полиции, честь и слава, блюститель нравов и депутат парламента, – его фотографии появлялись в газетах, и по телевидению он выступал, вещая о нравственном долге человека и гражданина. А полгода назад было сообщено, что господин начальник отправился в длительную командировку на

Объединённые Острова – по обмену опытом, – и его обязанности временно исполняет его первый заместитель. Интересная получается командировка...

Повернувшись к стоявшему рядом брату, Гай в двух словах изложил ему суть дела. Кам понял его с полуслова.

– Дай-ка мне, – сказал он, сдёргивая с пульта бессильное тело чиновника и усаживая его в ближайшее кресло. – Пленных нужно потрошить сразу, пока они не пришли в себя. Да и времени у нас мало: эта летающая колбаса летит неизвестно куда, и нам как-то надо с неё выбирать.

Несколько нажатий в чувствительные точки тела, известные пандейской медицине, привели пленника в себя – он открыл глаза, пытаясь понять, где он, и что с ним происходит.

– Если хочешь жить, – вежливо произнёс Кам, приставив к его кадыку остриё меча, – отвечай быстро и правдиво, или я вскрою тебе горло, а потом сброшу тебя вниз. Что вы здесь делали, что такое Ночная Смерть, и зачем вы напускали её на ничего не подозревавших?

Ужас, плеснувший в глазах начальника столичной полиции, изумил Гая. Заар уже понял (испытывая при этом чувство гадливости), что «честь и слава» редкостный негодяй (иначе он не оказался бы на борту воздушного «корабля смерти», причём явно при деле), но проявления такой откровенной трусости не ожидал. Пленный заговорил, он говорил быстро, взхлёб, как будто боялся, что стоит ему только запнуться, и холодное лезвие клинка тут же вспорот ему гортань.

– Я всё скажу, только не убивайте меня, – пролепетал пленник.

– Хорошо, – ответил Кам, чуть помедлив. – Если скажешь правду, останешься жить – даю слово воина.

– Там, в отсеке, – чиновник выпучил глаза, силясь показать, где именно, – стоит «высасыватель душ». Я не знаю принципа действия излучения, но оно убивает. Это и есть «Ночная Смерть».

– Зачем вы убиваете людей? Для чего все эти массовые убийства?

– Субстанция разума... – пленник судорожно сглотнул. – Она изымается, её можно аккумулировать, а потом использовать для омоложения избранных... Технология отработана, айкры занимаются этим уже много лет. И мне тоже... обещали омоложение... я не устоял...

Гай почувствовал, как у него темнеет в глазах. Он испытывал острое желание порвать «честь и совесть» на куски, порвать голыми руками, а потом смести ошмётки этого поганца за борт. Разве это люди, думал он, разве люди могут быть способны на *такое*? Оказывается, могут...

А пленник всё говорил, говорил, говорил, и чудовищность того, что происходило в Республике и на всём Саракше со времён пресловутого Единения и наступления эры Покоя-и-Благоденствия, представала перед братьями во всей своей неприглядности.

– И много среди вождей нашей Республики таких, как ты? – спросил Гай, не узнавая собственный голос.

– Н-нет, – с готовностью отозвался пленник. – Утончённые, люди Внутреннего Круга, очень скупы – он неохотно делятся с нами добычей. Они вообще оставили бы нас ни с чем, но без нас им не обойтись, и только поэтому...

Чиновник хотел сказать что-то ещё, но не успел. Раздался хруст, и изо рта и ноздрей пленника выплеснулась кровь: горло его насквозь пробил метательный нож, вошедший по рукоять. Увлечённые допросом, братья не заметили офицера, лежавшего между сидениями, – по всей видимости, айкр ударился обо что-то головой при таране дирижабля птеропланом, а затем пришёл в себя и метким броском ножа заставил замолчать предателя, раскрывавшего врагу самую хранимую тайну островитян. Воин бывшей Островной Империи сделал это, но большего сделать уже не смог: Кам Энгу метнулся к нему и отключил его точным ударом.

– Жаль, – произнёс он, глядя на мёртвое тело бывшего начальника полиции столицы Республики. – Если хотя бы десятая часть того, что я знаю об айкрах, правда, то разговорить их будет не так-то просто. Нам помогли бы ментоскопы, но у нас такой аппаратуры нет: она

была только у имперцев.

– На этот счёт не беспокойся, – успокоил его Гай, – найдем способ. Но для начала нам надо выбраться отсюда, да ещё взять с собой пленных. Сдаётся мне, что наш птероплан своё отлетал, и пилота у нас больше нет, да примет его душу Мировой Свет.

– Самое лучшее, – Кам бросил взгляд на панель управления, – это угнать дирижабль на территорию Пандеи: хотя бы для того, чтобы не оставлять следов. Если имперцы, то есть республиканцы, узнают, что «корабль смерти» был атакован, и что их тайна больше уже не тайна, их реакция будет непредсказуемой... Убивать других ради собственного бессмертия – за такое, знаешь ли, мало не будет, тем более что «бессмертных» этих – тысячи, не более, а «доноров» – многие миллионы. И война между ними будет беспощадной. Слушай, братец, ты же у нас вроде без пяти минут технический инженер – сможешь разобраться с этим чудом техники? Покажи, чему тебя научили в твоём престижном университете. Мы пока что летим и не падаем, однако хотелось бы лететь не куда дует ветер, а куда нам надо. Посмотри, что тут к чему, а я покамест осмотрю гондолу и на всякий случай свяжу пленных, чтобы они не кидались кинжалами.

– Попробую, – с сомнением отозвался Заар, рассматривая приборную панель. – Схема как будто несложная, но...

– Попробуй, – согласился Кам, – и будет лучше, если твои потуги будут успешными. Другого выхода я пока не вижу, потому что... Слушаю, – прервал он сам себя, взявшись за горошину коммуникатора.

– Кёниг, – донеслось сквозь шорох помех, – с юга на нас движется мощный грозовой фронт.

– Направление ветра?

– Благоприятное: ветер дует в сторону нашей границы.

– Понял. Ну вот, снизошла на нас благодать Мирового Света. Но ты, Гай, всё-таки постарайся запустить двигатель: с грозой не шутят. Как-то не очень хочется, чтобы ветер насадил нас на пики гор – они у нас высокие и острые, да и деревья проколют оболочку дирижабля, словно иглы дикобраза. Наши с тобой жизни мне дороги, и жизни пленных тоже: они ещё многое могут нам порассказать. И есть ещё трофей – излучатель, который неплохо бы разобрать по винтику, а не собирать из обломков.

...Иссиня-чёрный грозовой фронт накрыл спящий город. Ночное небо полосовали молнии, а затем хлынул ливень. Немногие бодрствовавшие горожане попрятались по домам, и никому из них было невдомёк, что свирепый ветер, гнавший лиловые тучи, гонит на север и покалеченный серебристый дирижабль с одним только работающим (и то с перебоями) двигателем и торчащим из развороченной гондолы хвостом пандейского боевого птероплана.

* * *

– Докладывайте, – исполреш Республики нервно дёрнул пальцами. – Прошла неделя: что удалось выяснить по исчезновению дирижабля специального назначения?

– К сожалению, – начальник Особого департамента изобразил виноватость, – точных сведений нет, есть только предположения той или иной степени достоверности, поскольку...

– Короче, – одернул его исполреш. – Избавьте меня от словоблудия, вы на заседании парламента.

– Вероятнее всего, – особист сменил тон на подчёркнуто-деловой, – корабль потерпел крушение из-за неблагоприятных погодных условий – в ночь его исчезновения была сильная гроза со штормовым ветром. В результат тщательного поиска в городе и на прилегающей территории были обнаружены фрагменты обшивки гондолы дирижабля, разбитый двигатель и труп одного из членов экипажа, погибшего в результате падения с большой высоты на твёрдую поверхность. Предполагаемая причина катастрофы – техническая авария на борту или удар молнии. Элементов оболочки не найдено, из чего можно сделать вывод, что корпус дирижабля был унесён ветром – вероятнее всего, на территорию сопредельного государства

Пандеи. Однако ответ на наш запрос был отрицательным: пандейцы ответили, что никакие воздушные корабли не терпели крушение в их стране ни в указанную дату, ни в обозримом прошлом. Памятуя о натянутости отношений между Республикой и пандейской тиранией, можно предположить, что этот ответ был неискренним, но наша противовоздушная оборона, согласно её докладу, не фиксировала в ночь исчезновения дирижабля пересечений границы между Пандеей и Республикой – в обоих направлениях – воздушными объектами крупнее птиц. А дирижабль, согласитесь, объект крупный, и его металлизированная оболочка хорошо детектируется радиолокаторами.

– Но не мог же этот крупный объект бесследно растаять в воздухе! Надо исходить из худшего, – исполреш раздражённо почесал щёку, – повреждённый грозой дирижабль занесло в Пандею, там он рухнул, пандейцы его нашли и... очень заинтересовались содержимым его гондолы. Вы представляете себе последствия? Лично я боюсь даже представить, что будет, если они разберутся в *специальной* аппаратуре. А если кто-то из экипажа корабля уцелел и оказался чрезмерно словоохотливым...

– И то, и другое исключено, – уверенно произнёс начальник Особого департамента. – Специфического назначения пси-излучателя пандейцы не поймут – аналогов нет, – и к тому установка снабжена самоликвидатором, который активируется при её несанкционированной разборке. А что касается словоохотливости офицеров-айкров – вы знаете не хуже меня, что эти фанатики скорее умрут, чем скажут что-то лишнее.

– И всё-таки... Есть вероятность утечки сверхсекретной информации, а в нашем случае всего один процент такой вероятности – это уже слишком много.

– Согласен с вами. Мы уже задействовали всю нашу агентуру в Пандее, в том числе и законсервированную. Как только будет хоть какая-то информация по этому вопросу, прямая или косвенная, я тут же поставлю вас в известность.

– Разумно, – глава Республики одобрительно кивнул. – Ставка слишком уж высока... Что там ещё? – с досадой произнёс он, услышав зуммер спецсвязи, и добавил, обращаясь к особисту: – Послушайте тоже, все мы в одной лодке.

Ожил экран, и появившийся на нём офицер охраны встревожено доложил:

– Столичный телецентр захвачен неизвестными террористами! Он вышел в эфир, и ведут экстренную передачу на всю страну, по всем каналам!

– Массаракш! – яростно заорал исполреш, уже догадываясь, что это значит.

* * *

Пленные айкры – их было шестеро – не сказали ничего. Они с презрительной ненавистью смотрели на своих пленителей и молчали, а когда кёниг Кам Энгу, взбешённый их молчанием, подверг одного из них пытке, офицер-айкр умер под калёным желёзом, но так и не раскрыл рта – он сдавленно стонал сквозь стиснутые зубы. Более того, второй пленник, когда его усадили под наскоро собранный ментоскоп – кустарный, но всё-таки способный записывать мысленные картины, – усилием воли остановил своё сердце, свято храня тайну. Положение казалось безвыходным; время шло, и росло беспокойство властителей Пандеи, прекрасно понимавших, что республиканцы не успокоятся, что они будут искать пропавший дирижабль, что в Пандее хватает шпионов Республики, и что тайное в конце концов станет явным. Пленный чиновник успел сказать немного, но сказанного было достаточно, чтобы понять: ради сокрытия *такой* тайны элитарии Республики, замешанные в этом чёрном деле, не остановятся ни перед чем, даже перед развязыванием против Пандеи атомной войны.

И тогда Гай Заар прибегнул к помощи Чтецов, и результат превзошёл все ожидания. Допрашиваемые поодиночке, «морские воины» упорно молчали, однако умело подобранные наводящие вопросы вызвали в их сознании видения, которые тут же считывались горцами, сидевшими за ширмой. Мысли очень сложно контролировать, особенно если человек даже не подозревает о том, что кто-то может их прочитать. И через два дня Гай уже знал всё – или почти всё. Он узнал об Утончённых, о Внутреннем Круге, о Белом Городе, о Саркофагах, о

процедурах Омовения и о чудовищной схеме отнятия чужих жизней ради бессмертия кучки Избранных. Узнал Гай и о том, что некоторые офицеры из экипажей «кораблей смерти» тоже омолаживались – это было что-то вроде награды для особо отличившихся, Утончённые учили специфическую этику воинов-айкров. Он знал всё, но не знал, что ему делать с этим знанием, пока Энгу не обронил задумчиво: «Воевать с Республикой бессмысленно – надо открыть глаза её гражданам, и они всё сделают сами». Тогда и появилась идея захватить столичный телецентр и обрушить на беспечно-благодушных обывателей бывшей Страны Неизвестных Отцов страшную правду.

План операции был разработан в считанные часы и, против ожидания, реализация его не вызвала особых затруднений. Горцы Зартака прибыли в Республику под видом туристов и уже на месте обзавелись оружием и взрывчаткой: в стране, где продавалась всё и вся, сделать это было несложно, тем более что пандейская внешняя разведка давно уже наладила тесные контакты с криминальным миром Республики. Правда, после получения оружия к операции надо было приступать незамедлительно – продавцы, получившие с горцев деньги за оружие, с тем же успехом могли получить деньги от республиканской контрразведки за сведения о «зартакских террористах».

Ударную группу возглавил Гай, которому пришлось несколько изменить внешность (вряд ли кто-то мог заподозрить в «пандейском негодяе» беглого каторжника, тем более что по документам «воспитуемый Гай Заар умер во время очередной вспышки эпидемии Ночной Смерти», но мерами разумной предосторожности пренебрегать не стоило). Как ни странно, труднее всего было уговорить Кама: пандейский кёниг рвался лично свести счёты с «этими упырями» и нехотя согласился остаться дома только из-за того, что появление такой заметной персоны в группе «туристов» привлекло бы повышенное и ненужное внимание. «Будь осторожен, брат, – сказал он Гаю, крепко обняв его на прощание. – Это только начало, и мне очень не хочется тебя потерять».

Проникнуть в телецентр не составило труда: экскурсии на обзорную площадку телебашни пользовались большой популярностью и входили в программу туров по столице. Дальнейшее было уже делом техники: расположение помещений телецентра не было тайной за семью печатями, а внутренняя охрана студии не оказала серьёзного сопротивления, когда несколько десятков «мирных туристов» вдруг выхватили из-под одежды короткоствольные автоматы и превратились в свирепых бойцов. Технический персонал телецентра оказал им содействие: Гай рассказал техникам, зачем всё это затеяно. Он и не подозревал, что может быть таким красноречивым: слова оказались убедительнее автоматных стволов, хотя дело было вовсе не в его ораторских талантах – слушателей Гая потрясла сама суть разоблачений.

Прибывший к телецентру отряд полиции остановили забаррикадированные двери и выстрелы из окон верхних этажей, а когда полиция подтянула бронемшины, суровый голос из динамика предупредил, что при попытке штурма здание будет взорвано вместе со всеми находящимися там людьми, и потребовал переговоров с градоначальником. По примерным подсчётам, террористами было захвачено около тысячи заложников, и такие жертвы перед выборами городским властям были не нужны. Полиция взяла телецентр в плотное кольцо, а главарю «бандитов» было обещано, что градоначальник скоро прибудет, чтобы выслушать требования захватчиков. Гая это вполне устраивало: он не собирался вести переговоры ни с кем из элитариев, резонно полагая, что узнай они, какую именно передачу он собирается запустить в эфир, и весь комплекс телецентра со всеми людьми, правыми и виноватыми, тут же будет стёрт с лица земли баллистическими снарядами тяжёлых систем. Заару всего лишь нужно было выиграть время для подготовки трансляции, и он его выиграл.

...Вспыхнула зелёная лампочка готовности, и техник, сидевший за пультом, кивнул Гаю – мол, вы в эфире. И Гай Заар, глядя в тёмный глаз телекамеры, произнёс:

– Сограждане, люди Республики, я расскажу вам истинную правду о Ночной Смерти.

* * *

...Его увидели и услышали десятки тысяч людей – время передачи было выбрано точно. Отснятый видеоролик был ярким и впечатляющим – ни секунды не колеблясь, Гай сам сел под ментоскоп, – и коротким (было ясно, что те, для кого содержание этого ролика страшнее смерти, тоже его увидят и примут меры). Гай Заар выбросил в телеэфир пять минут обжигающей правды, а затем пошли повторы ролика, перемежавшиеся прямой трансляцией из помещения центральной студии страны.

Реакция «заинтересованных лиц» была незамедлительной: по кварталам столицы прокатилась волна всеобщего отключения электроэнергии, а полиция у телецентра получила приказ немедленно начать штурм, не считаясь ни с какими потерями. Однако люди – в том числе и люди в форме – уже заколебались: у военных и полиции были свои телеприёмники с автономным питанием, и солдаты и офицеры снова и снова смотрели на мерцающие экраны.

Решительней всех среагировал один из серебристых дирижаблей, плывших в небе над городом, – то ли по собственной инициативе, то ли (что более вероятно) получив откуда-то кодированный приказ. Воздушный корабль, стряхивая с корпуса никому уже не нужные рекламные полотнища, пошёл в атаку и нанёс по телецентру концентрированный лучевой удар. Расчёт (и прицел) был верным, но Утончённые не могли предположить, что в здании, ставшем объектом лучевой атаки, находится сотня людей, иммунных к пси-полю. Ночная Смерть обернулась бумерангом: сотни тысяч зрителей увидели в прямом эфире падавших и умирающих – коридоры и комнаты телецентра были завалены трупами, – и услышали Гая Заара, объяснявшего, что происходит.

Это был конец (или начало, это как посмотреть...).

* * *

– Господа генералы, – голос исполреша дрожал, – наша Республика стала жертвой чудовищной провокации. И я знаю, кто стоит за этим насквозь лживым сценарием – Пандея, вознамерившаяся осуществить свою давно лелеемую мечту о сокрушении нашей страны! И в этот тяжёлый час я жду от вас верности присяге и долгу – нам предстоит пройти тяжелейшие испытания. Маршал Тоот, я, как главнокомандующий вооружёнными силами, приказываю: телецентр выжечь дотла термическими боеголовками. Пандее нами предъявлен ультиматум, и если пандейцы его отвергнут, наша армия нанесёт по ним ошеломляющий атомный удар – сразу надо вырвать с корнем! Действуйте, маршал Тоот!

Седой маршал с лицом, изрезанным морщинами, медленно встал и одёрнул мундир.

– Я воевал за Республику с айкрами, в Гремящей Излучине, двадцать пять лет назад. Я воевал за Республику двадцать лет назад, во время Беспорядков, воевал против тех, кто хотел лишить нас права на свободу сознания и снова включить проклятые башни, наследие Отцов, скрывая свои чёрные замыслы за благими намерениями сделать людей лучше. Я верен долгу, и я выполняю приказ моего главнокомандующего (при этих словах старого солдата исполреш вытер вспотевшее лицо носовым платком). Но сначала я хочу задать тебе, Гагу, один вопрос (услышав фамильярное обращение на «ты» и по имени, глава Республики переменился в лице). Мы с тобой почти ровесники – как так получилось, что ты выглядишь младше моего сына? Да, ты красишь волосы – у вас, политиков, это принято, – но лицо... Только не надо рассказывать о чудесах пластической хирургии, о достижениях косметологии, а также о магии пандейских дервишей и снадобьях хонтийских знахарок – мы все здесь взрослые люди, государственные мужи, а не безмозглые завсегдатаи универмагов. Расскажи лучше о своей поездке на Объединённые Острова восемь лет назад – что ты делал в Белом Городе айкров? Ты изменился после этого визита к островитянам, Гагу. О да, ты предусмотрителен и накладывал старящий грим, чтобы изменение твоей внешности не слишком бросалось в глаза тем, кто давно тебя знает, но сегодня ты поспешил, – старый маршал вытянул руку в указующем жесте. – Грим наложен небрежно: ты очень нервничал, Гагу, в такой ситуации не до макияжа. Вот и расскажи нам обо всём, а мы послушаем. А заодно протри как следует лицо – платок у тебя в руке – и дай нам всем полюбоваться на твою купленную молодость.

Исполреш затравленно молчал, обводя лица военных безумным взглядом, – он смог выжать из себя только жалкий сип. Генералы тоже молчали, и их молчание было молчанием расстрельной команды, ждущей приказа «Пли!».

– Молчишь? – Тоот тяжело вздохнул. – Тебе нечего сказать, Гагу, а говорить правду тебе не хочется...

С этими словами маршал расстегнул кобуру, вынул тяжёлый армейский пистолет и дважды выстрелил в побледневшее лицо исполреша – в молодое красивое лицо с торопливо наложенным гримом.

* * *

Огромный город вскипел. Миллионы людей, годами и десятилетиями жившие серой растительной жизнью и покорно следовавшие предписаниями, как именно надо жить, вдруг вспомнили, что они – люди. Они терпеливо сносили всё: унижения со стороны хозяев жизни, власть имущих, нагло присвоивших себе богатства, жилища, вещи, права и снисходительно предоставивших «быдлу» обноски с барского плеча; несправедливость законов, деливших людей на элитариев и на всех прочих; беззащитность перед произволом и ощущение своей ничтожности перед всемогущей государственной машиной, озабоченной лишь процветанием кучки толстосумов, возомнивших себя солью земли и пупом Вселенной. Люди находили утешение в том, что любой олигарх или высокопоставленный чиновник так же смертен, как и строительный рабочий или водитель автобуса, и его, когда придёт отмеренный срок, точно так же съедят черви или проглотит погребальное пламя крематория. И вдруг выяснилось, что «маленьких людей» лишили последнего и превратили их в скот, питаясь которым пастухи обеспечивали себе вечную молодость. Понимание это было сродни ожогу – оно нестерпимо жгло и мучило, и погасить боль этого душевного ожога можно было только кровью. И люди вышли на улицы города, готовые убивать и умирать, бросаясь с голыми руками на пулемёты.

Впрочем, масштабных побоищ не было – тех, кто вкусили от заокеанских щедрот, была жалкая горсточка, и все они торопились скрыться, спасая свои драгоценные жизни. Их судьба была ужасной: в обезумевшей стране спасения не было, заподозренных в соучастии и в сотрудничестве с «упырями» убивала собственная охрана, убивала жестоко и беспощадно, – преданные телохранители важных персон были смертными, и они превратились в палачей сразу же, как только поняли, где проходит граница, разделявшая потрясённую Республику на людей и упырей. Кровь обильно пролилась только у посольства Объединённых Островов – люди шли на кинжальный огонь, заваливая своими мёртвыми телами площадь перед зданием дипломатической миссии, пока армейские орудия – гарнизон столицы перешёл на сторону восставших – не разнесли посольство прямой наводкой, а летающие платформы не залили его руины струями напалма.

Были жертвы среди пилотов и среди мирного населения – атакованные винтолётами «корабли смерти» включили излучатели, убивая горожан тысячами, и летающие платформы, попавшие в конусы поражения, падали на землю с мёртвыми экипажами. Но вскоре ситуация изменилась: в ход пошли зенитные ракеты, боеголовки которых не реагировали на пси-поле любой напряжённости. Неуклюжие дирижабли были слишком тихоходны – они лопались в небе один за другим, и люди, оказавшиеся на местах падения сбитых аэростатов, яростно рвали на куски изуродованные трупы айкров, лежавшие среди обломков разбитых гондол. До береговой черты не долетел ни один дирижабль, а маршал Тоот, военный диктатор, объявивший в Республике чрезвычайное положение, уже отдал приказ о расконсервации немногочисленных дальних бомбардировщиков, не порезанных на металл в упоительном умилении Единения и об извлечении из арсеналов ядерных бомб, не переработанных на топливо для атомных электростанций.

И вставал над материком зловещий призрак общепланетной войны на уничтожение, и скалил плотоядно свои гнилые зубы в предвкушении щедрой трапезы...

* * *

Невысокие волны с тихим шорохом накатывались на пологий песчаный берег. Гай Заар и Кам Энгю стояли у самой воды и смотрели в даль, затянутую дымкой тумана.

– Интересно, что творится там, на Островах? – спросил Кам, пнув носком ноги мелкий камешек и наблюдая, как он запрыгал по воде. – Эти, как их там, Утончённые, они наверняка задёргались.

– Ещё бы, – согласился Гай. – Они ждут мстителей, и готовятся к бою – платить за содеянное им явно не хочется. Жаль, что эти Острова так далеки, и что нам не на чем до них добраться.

– Доберёмся, – уверенно произнёс Энгю. – Построим флот – и морской, и воздушный, – и призовём Утончённых к ответу. На этой земле должны жить люди, а не упыри – упырям здесь не место.

– Они не захотят умирать, брат, особенно после того, как вкусили бессмертия. Упыри могут утянуть за собой в небытие весь Саракш – на Островах сохранились и ядерные заряды, и белые субмарины.

– Они проиграют, – сказал Кам с той же уверенностью. – Бессмертные – не воины, они слишком боятся смерти. Вспомни того труса на дирижабле, который мы захватили, – он был готов на всё, лишь бы сберечь свою шкуру. Человек смертен – бессмертен род, племя, раса. И человек может отдать жизнь ради истинного бессмертия – ради бессмертия своего народа. А упырь – нет, для упыря единственная ценность он сам, а всё остальное для него не имеет никакого значения. И поэтому бессмертные проиграют войну, даже если война эта будет ядерной. Но нам придётся подождать, прежде чем мы сможем высадиться на Островах.

– Сколько?

– Лет тридцать. Должны вырасти мои ещё не рождённые внуки, против которых пси-поле бессильно, и дети горцев Зартака – не можем же мы бросаться в бой с горстью воинов.

– За тридцать лет многое может случиться, – проговорил Гай, вглядываясь в синюю чашу океана, смыкавшуюся с вогнутым небом, как будто пытаюсь увидеть за горизонтом контуры Благословенных Островов. – И я не могу ждать тридцать лет: я отправлюсь за море вместе со своими горцами на первом же разведывательном корабле.

– Почему? Зачем такая спешка?

– Почему? Потому что на этих проклятых Благословенных Островах есть девушка по имени Айико, которую я люблю, и которая любит меня. И если она жива, я её найду.

* * *

...Суровые смуглокожие люди с глазами цвета золота выходили из пандейских лесов и шли по истерзанному матерiku с севера на юг. Они не хотели убивать, но они знали, что прошлое не сдастся без боя, и поэтому руки этих людей сжимали оружие – правнуки Итаны и внуки Чиинни и Айико готовы были умирать ради этого будущего. И прошлое отступало, смиряясь перед будущим...

Интерлюдия вторая. Забудь и помни

Вне времени

Видение оборвалось.

– Что это было? – спросил Максим пересохшим голосом.

– Будущее Саракша, – ответил Странник, – возможные варианты будущего. Причём, – добавил он, – рассчитанные без учёта вашего дальнейшего вмешательства. Вы знакомы с принципами регулирования схем автоматики, и вам наверняка известно понятие «предел регулирования». Это понятие применимо и к эволюции социума – там тоже есть пределы регулирования. Технический прогресс на Саракше опередил этическое развитие саракшиан –

ядерное оружие, ментоскопы и психотронные излучатели они получили несколько рановато. Равновесие нарушилось, возник диссонанс – именно поэтому мы позволили вам, землянам, вмешаться. Но сейчас вы уже полностью выбрали допустимый лимит регулирования, и ваше дальнейшее влияние на Саракш может привести к непредсказуемым последствиям. Если вы будете продолжать здесь свою бурную прогрессорскую деятельность, на этой планете может случиться всё, что угодно, вплоть до вторжения Тьмы. Показать, как это будет выглядеть?

– Не надо, – Каммерер отрицательно дёрнул головой. – Достаточно и того, что я уже видел.

Прямая трансляция образов в мозг, подумал он. Ну да, ведь Странник говорил, что они всё делают напрямую, чистым сознанием, ставшим для них и орудием, и оружием. Нам до такого ещё далеко, очень далеко... Возможные варианты... Значит, у нас с Радой будет сын?

– Такой вариант не исключён, и весьма вероятен, – отозвался Странник.

– А какой из вариантов развития событий на Саракше наиболее реален?

– Трудно сказать, – фантом пожал плечами. – И возможны подварианты: учёный-айкр может умереть от разрыва сердца, не перенеся известия о смерти дочери, и тогда появление *реверсивных* пси-излучателей будет отложено на неопределённый срок; ваш сын, Мак, может погибнуть при побеге из лагеря – его изуверит голован или убьёт прыгающая мина, и так далее. Возможно, реализуются все магистральные варианты.

– Как такое может быть? Они же взаимоисключающие – или жизнь, или смерть!

– Разное будущее этой планеты может состояться в разных Реальностях или, говоря вашим языком, в параллельных мирах. Разум влияет на Мироздание – мощные интегральные ментальные вектора, порождённые множеством разумных существ, инициируют появление смежных Реальностей. Большинство этих «параллельных миров» существует очень недолго – они вновь смыкаются с Реальностью-оригиналом, однако некоторые Реальности обретают самостоятельность. Вселенная многомерна, и число Миров в ней одновременно умножается и сокращается – существует определённый механизм, поддерживающий Равновесие. Вот вы, например, живёте в созданной вами же самими Реальности планеты Земля, где существует ваша гуманная цивилизация. Однако кроме вашей Реальности, нам известны ещё несколько «копий» мира Земли, ход событий в которых с определённого момента времени отличается от вашей истории. Например, в одной из Реальностей-копий Советский Союз – знаете такую страну, ставшую основой вашего общепланетного общества? – распался в том же году, в котором в вашей Реальности состоялся полёт фотонного корабля «Хиус» на Венеру. А в начале двадцать первого века, когда у вас шли войны на Окраинах, там... Впрочем, не будем об этом, для вас эти знания излишни. Вы пока ещё не умеете проникать в параллельные миры, для вас их не существует, но они есть, и ваш мир – он всего лишь один из более-менее удачных вариантов, получивший право на жизнь. Разумная жизнь во Вселенной растёт и распространяется не только вширь, но и вглубь – это повышает её шансы на выживание и совершенствование.

Умножая Добро, мы неизбежно умножаем Зло, подумал Максим. Так вот что имел в виду Колдун, когда говорил «я предпочитаю не вмешиваться ни во что, ибо конечный итог любого действия невозможно предугадать».

– Значит, вам надо, чтобы мы прекратили наше прогрессорство на Саракше?

– Это нужно не нам, – уточнил Странник, – это нужно Вселенной. А нам – постольку-поскольку, так как мы являемся её хранителями и защитниками: мы заслужили это право. А вы – вы этого ещё просто не умеете, вы овладели только лишь зачатками вероятностного прогнозирования, и вы не можете предугадать с достаточной достоверностью, к чему приведут ваши усилия. Простейший пример – вы взорвали Центр, даже не задумываясь о последствиях.

– Но сейчас-то мы задумываемся над тем, что делаем...

– Нет. Это вам только кажется, а на самом деле вы этого ещё просто не умеете. Вы не знаете, к чему в конечном счёте приведут ваши усилия, а потом разводите руками: «Мы ведь хотели как лучше...».

– Понятно. Мы, земляне, несовершенные – подростки, как вы сказали, а вы – старики, умудрённые жизнью. Всемогущие и всеблагие боги Вселенной...

– Всемогущих не бывает. И мы не боги – мы тоже можем ошибаться. Например, лично вас мы недооценили – ваше воздействие на мир Саракша оказалось чересчур энергичным. И поэтому ваше дальнейшее присутствие здесь крайне нежелательно.

– Понятно, – повторил Мак. – Но зачем все эти наши с вами переговоры на высшем уровне? Насколько я могу понять, ваши возможности очень велики – например, можете ли вы гасить звёзды?

– Теоретически, при соответствующей концентрации изошрённых разумов, – можем. Другое дело, что подобное деяние не имеет смысла: зачем это нужно?

– Значит, можете. Тогда почему бы вам просто не прихлопнуть нас с Рудольфом и не закрыть доступ землянам на Саракш с помощью какой-нибудь искусственно созданной зоны пространственной непроходимости?

– Мы могли бы это сделать, но мы уважаем свободу воли всех разумных существ и куда бережнее, чем вы, люди Земли, относимся к жизням «младших братьев по разуму», как вы называете тех, кто стоит ниже вас по лестнице развития. Вы должны сами принять решение, Максим, – только так.

– А если моё решение вас не устроит?

– Что ж, – Странник развёл руками, – значит, будущее Саракша будет мрачнее, чем мы предполагаем. И может быть, в какой-то из его Реальностей-копий возникнет ещё один Тёмный Мир, который умножит силы нашего врага. Такое уже случалось – падать легче, чем подниматься, и топтать цветы зачастую приятнее, чем заботливо их выращивать. Были такие примеры – и у вас, и не у вас тоже.

– И вы пошли на нарушение вашего инкогнито только ради того, чтобы я сам принял решение... – задумчиво произнёс Каммерер.

– Любое по-настоящему разумное существо принимает решения самостоятельно, а не по чьей-то указке. Эти решения могут быть ошибочными при недостатке информации – вот поэтому я с вами и встретился, чтобы всё вам рассказать. Что же касается нашего инкогнито, то оно не будет нарушено: когда наша встреча завершится – а это произойдёт уже скоро, – вы просто забудете всё, о чём мы говорили, и даже забудете о самой нашей встрече.

Да, они могут это сделать, подумал Максим. Для существ, способных гасить звёзды, навести выборочную амнезию – детская задача. Но если я всё забуду...

– Подождите, а как же я тогда смогу принять решение?

– А вы уже его принимаете – ваш мозг работает. И принятое решение сохранится в вашем подсознании и всплывёт, и вы будете уверены, что именно так и надо поступить. Всё очень просто.

Дубль замолчал, а Максим почти физически почувствовал, как истекают минуты.

– Могу ли я задать вам несколько вопросов? – спросил он, опасаясь, что Странник вот-вот исчезнет, и на этом всё кончится.

– Можете, и я даже дам на них ответы. Но смысл? Вы ведь всё равно всё забудете.

– Смысл есть. Познание – это основное, что движет разумным существом. Человек смертен, и какой вроде бы смысл узнавать что-то новое и радоваться этому узнаванию, если всему этому придёт конец, и смерть обернётся полным забвением всего? И так ли уж велика разница между минутами нашей с вами встречи и краткими годами человеческой жизни – она чисто количественная.

– Да, мы не ошиблись в вас, Максим, человек с планеты Земля, – произнёс Странник, и Каммереру почудилось, что в холодном голосе дубля проскользнула уважительная нотка. – Вы действительно незаурядны – это не комплимент, это констатация факта. Спрашивайте.

– Горцев сотворили вы, а варвары, питающиеся радиацией, – тоже ваше творение?

– Нет. «Горячие воины» возникли без нашего участия. В их появлении есть двойной смысл: или они станут хозяевами выжженной планеты – разумная жизнь продолжится, пусть даже в искажённой форме, – или, если *истинные люди* Саракша спасут свой мир, варвары

станут для них врагами: тем самым злом, отталкиваясь от которого, добро сможет подняться. А заодно я отвечу вам на вопрос, который вы хотите задать, но ещё его не сформулировали – я читаю ваши мысли. Пси-генераторы не нужны будущему Саракша: новые саракшиане – и горцы, и пандейские метисы, и даже варвары – иммунны к стандартному пси-полю. Толчок сделан, и этого достаточно – вам самое время остановиться, пока ещё не поздно, и пока ещё внесённые вами искажения исторической вариативности не вышли за пределы допустимого. Помогать юным Мирам взрослеть – высокое искусство, которым вы, земляне, пока что не владеете.

– А что такое пси-поле? Лучшие учёные Земли так и не сумели разобраться в его природе. Это поле не подчиняется законам физики, которые нам известны.

– Я не могу вам ответить. Природа ментального поля – это одна из величайших тайн Мироздания, и эту загадку вы должны разгадать сами, без подсказок, – когда придёт время. Знания, полученные до срока, могут оказаться смертельными, такое уже не раз случалось во Вселенной.

– Тогда другой вопрос. Вы говорили, что у вас нет никаких машин и механизмов, но мы находили ваши материальные следы – города, машины, искусственные спутники. Кто их создал?

– Галактика велика – вам известна только малая её часть. Существуют техногенные цивилизации, превосходящие вас по уровню развития. Вы ещё встретитесь с ними, когда в дальнем космосе выйдете за пределы вашей Реальности, замкнутой на Землю. Вселенная бесконечна, познание безгранично.

Странник шевельнулся, и Максим понял, что контакт сейчас оборвётся.

– Ещё один вопрос, последний, – сказал он торопливо. – У вас есть могущественный противник, для простоты назовём его Тьмой. Вы сеете, вы создаёте народы-катализаторы, подобные горцам Зартака, а может ли Тьма в противовес вам создавать народы-ингибиторы или даже народы-вирусы?

Ответа не последовало. Пришло ощущение падения с огромной высоты, мир дрогнул и завертелся, рассыпаясь калейдоскопом разноцветных искр...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. УХОДЯ – УХОДИ

2160 год

– Мак, что с вами?

Максим поднял голову. Перед ним со встревоженным видом стоял Абалкин.

– Что с вами? – повторил он.

– Со мной?

Вопрос звучал туповато, это Каммерер понял. И ещё он понял, что испытывает очень странное ощущение киселя, невидимого, но вязкого киселя, в который он влип по уши, – бывает такое пограничное состояние между сном и явью спустя миг после пробуждения и за секунду до того, как мозг полностью включится в окружающую реальность. Максим напряг мышцы – тело слушалось – и с некоторым усилием вырвал себя из вязущей кисельной топи.

Стол. Комната. Распахнутая дверь, в двух шагах – Лев Абалкин, на лице его – смесь недоумения и беспокойства.

– Где вы были? – спросил Максим, окончательно стряхивая остатки оцепенения. – Я вас не видел. Если вы лазали в туннели, то это неосмотрительно – моторизованные бедуйны могли снова сюда наведаться.

– Что вы, Мак, какие туннели? После огнестрельного общения с варварами мне было как-то не до общения с головами. Я только отошёл до ближайших развалин – искал что-нибудь ещё для дополнительной экранировки нашего трофея. Я видел вас у глайдера, махнул вам рукой, но вы почему-то не обратили на меня внимания и пошли в этот дом. Я – следом, и увидел вас, сидящим за этим столом.

– И сколько всё это заняло времени?

– Прошла минута, не больше.

Минута, подумал Каммерер, что могло случиться за минуту? Я зашёл сюда... Зачем? Ах, да, в этом доме мы жили с Гаем три года назад. Я подумал о Гае, сел за этот стол – туда, где когда-то сидел он. И, наверно, задумался... Странно – когда я попробовал пошевелиться, мне показалось, что я просидел на этой табуретке не минуту, а как минимум час. И было что-то ещё, было, только вот что именно? Не помню...

Он попытался нащупать сознанием нечто смутно-неуловимое, ускользающее – тщетно. И тогда он встал, посмотрел в окно, и сказал:

– Надо ехать, Лев.

– На ночь глядя?

– Мы не можем ждать: жара, и наш феномен скоро превратиться в гниющую кашу. Поедем – в конце концов, до самых опасных мест бывшего укрепрайона мы доберёмся, когда уже начнёт светать.

Уже выходя на улицу, Мак обернулся, бросил взгляд на пустую комнату, и ему вдруг показалось, что на старых выцветших обоях на долю секунды появилась какая-то неясная тень, появилась – и тут же исчезла. Максим моргнул и посмотрел ещё раз. Никого и ничего – комната была пуста, только посередине её сиротливо высился колченогий самодельный стол и возле него – две грубые деревянные табуретки, стоявшие по разные стороны стола.

* * *

Через три недели (по возвращении с Крайнего Юга)

– Ну вот, наша картина обрела законченность, – Сикорски наклонил лобастую лысую голову, и Максим не видел выражения его глаз, – варвары стали её последним штрихом. Мы выжали всё, что смогли, из тех радиоактивных останков, которые ты привёз. Интереснейший каприз природы – «горячие войны» аккумулируют активные изотопы во внутренних органах и костях, и получается что-то вроде живого ядерного реактора. Земля заинтересовалась – до сих пор мы с таким феноменом никогда не сталкивались. Направить кого-то из наших на Дальний Юг, в княжество Ондол для работы среди варваров не представляется возможным – причина, думаю, понятна, – придётся ограничиться орбитальным наблюдением и воздушной разведкой. Нам надо знать, что там творится. Весёлая планета, – Рудольф немного помолчал. – Многоликая. Измученный народ бывшей Империи, бешеные айкры, пандейские ведьмы, безалаберные хонтийцы, мутанты, Птицеловы, разумные киноиды, и в довершение всего – «горячие войны» Юга. Калейдоскоп рас и культур, а мы вознамерились причесать их всех под одну гребёнку... Знаешь, Максим, иногда мне хочется оставить здесь всё как есть и уйти – такое ощущение, что мы работаем вслепую: лечим, не зная диагноза.

Последняя фраза Сикорски была сказана доверительным тоном, и это немало удивило Каммерера, привыкшего, что Рудольф всегда являет собой эталон невозмутимости. И Мака удивило содержание этой фразы – ему и самому хотелось покинуть Саракш. Нет, трудностей он не боялся – наоборот, трудности только раззадоривали молодого землянина, – у Максима временами возникало ощущение, что прогрессоры Земли делают здесь, на этой планете, что-то не то, чего делать не надо, и поэтому результаты их работы слишком часто оказываются не такими, какие ожидалось. Каммерер обдумывал, прикидывал, взвешивал, и постепенно у него складывалось твёрдое мнение, вызревшее в глубинах сознания: *прогрессорство землян на Саракше надо заканчивать*. Он хотел сказать об этом Рудольфу, но промолчал – что-то его удержало.

– А как дела у Льва? – спросил он вместо этого. – Там, на Островах?

– Пока всё идет нормально. Он натурализовался – вошёл в среду, – и начал работать. Ему удалось сделать то, что не удавалось никому из его предшественников – Абалкин до сих пор жив, что само по себе немало. Лев молодец, талантливый парень, настоящий прогрессор.

Да, подумал Максим, вспомнив, как хладнокровно Абалкин расстреливал варваров, он

у нас как есть прогрессор, этого у него не отнять.

– Да, – сказал он неприязненно, – талантливый парень. Видел я его талант в действии – воплощённая агрессивность. Был такой, помнится, геройский легионный бригадир Чачу – очень похожий.

– Агрессивность? – Странник ощупал Мака внимательным взглядом. – Агрессивность – это необходимое человеческое качество: *необходимое*. Природа ничего не делает зря, и не зря она наделила нас агрессивностью: здоровая агрессивность нужна нам так же, как кожа, защищающая наш организм от внешних воздействий, или иммунная система. Агрессивность – это ведь не что иное, как способность адекватно реагировать на внешнюю угрозу. Когда нашим с тобой далёким предкам угрожала опасность быть съеденными, а бежать им было некуда, они брали в руки камни и палки и со всей возможной агрессивностью давали отпор любителям полакомиться человечинкой. А те, кто этого не умел, – их участь была печальной.

– Так это когда было... Дикие пещерные времена давно прошли, и сейчас нас никто не ест. Первобытная агрессивность – это анахронизм.

– Пока не ест, – произнёс Сикорски с какой-то странной интонацией. – Ну, а насчёт анахронизма... Этот анахронизм сидит в каждом из нас, и может проснуться в любое время. А чтобы не быть голословным, давай-ка посмотрим на тебя, Максим Каммерер.

– На меня? А я-то тут при чём? Не я же крошил из пулемёта телегу «горячих воинов». С айкрами я воевал, потому что у нас не было другого выхода, а если вы имеете в виду мои необдуманные слова насчёт расстрела пленных островитян...

– Нет, я имею в виду несколько более ранние твои действия. Когда ты был на Земле, на курсах, я приглядывал за твоей Радой – к слову сказать, она замечательная женщина, из таких в средневековье получались истинные королевы или подвижницы, и будь я помоложе лет на сорок, отбил бы я её у тебя, Максим, даже не сомневайся. Шучу, шучу... Так вот, Рада мне рассказала – во всех подробностях – историю вашего с ней знакомства. Помнишь, как и что там было?

– Помню, – Максим нахмурился, – но не люблю об этом вспоминать.

– Не любишь вспоминать... Понятно. Однако сейчас давай вспомним, пример очень уж характерный. Итак, вы с Радой шли по тёмным улицам, а потом...

– Потом нас встретили бандиты Крысолова – они ждали нас в подворотне.

– ...и ты, воспитанник гуманистического земного общества, перебил их. Так?

– Они на нас напали.

– Напали? Давай разберёмся: я ведь не зря сказал, что твоя Рада поведал мне об этом твоём подвиге во всех его живописных подробностях. Вам никто не угрожал оружием: тебя просто мягко оттёрли в сторону, а Рада получила пощёчину. И никто, заметь, не собирался её резать или, скажем, срывать с неё одежду и подвергать насилию. Подожди, дай досказать. И какие же были твои действия? Ты начал *убивать* – ты, землянин, с детства воспитанный на гуманистической идее ценности человеческой жизни! Ты ровным счётом ничего не знал ни о нравах Саракша, ни о его обычаях – ты даже не знал, в каких отношениях находится Рада с главарём банды. А тебе не приходило в голову, что она могла быть любовницей этого самого Крысолова, и он был, так сказать, в своём праве? Ты был гостем в чужом мире, а вёл себя как хозяин.

– У меня потемнело в глазах, – глухо проговорил Максим, – я потерял голову, и...

– Ты не потерял голову, – жёстко произнёс Рудольф. – В тебе проснулся древнейший инстинкт, записанный на геномном уровне. Называя вещи своими именами, дело было так: некоему молодому самцу – да, да, не морщись, – по имени Максим Каммерер приглянулась молодая симпатичная самочка по имени Рада Гаал. И немудрено – саракшиане очень похожи на людей... Самец Мак не отдавал себе в этом отчёта, но он уже считал самочку Радой своей собственностью, причём даже ещё не зная её мнения по этому вопросу. И тут вдруг какие-то другие самцы, дурно пахнущие, осмеливаются тянуть к его самке свои грязные лапы! И наш герой начинает их убивать, жестко и беспощадно, хотя мог бы и не убивать, а всего лишь обездвижить – этого было бы вполне достаточно для нейтрализации гипотетической угрозы.

Весь лак гуманизма, Максим, осыпался с тебя в миг единый под напором инстинкта – из коммунара двадцать второго века ты превратился в пещерного охотника.

– Меня потом совесть замучила...

– Это было потом, когда ты снова стал тем, кем тебя воспитали, а тогда, в подворотне, совесть тебя не мучила: твоя врождённая агрессивность, свойственная любому нормальному человеку, – да, да, нормальному! – проснулась и выплеснулась наружу. А разложил я всё это по полочкам совсем не для того, чтобы в чём-то тебя упрекнуть – на твоём примере я всего лишь проиллюстрировал тезис о человеческой агрессивности. И эта агрессивность нужна не только в бою, но и во многих других сферах человеческой деятельности. Попробуй-ка без агрессивного умения стоять на своём убедить в чём-то своих научных оппонентов – да они съедят тебя с потрохами похлеще первобытных каннибалов: съедят, и косточек не оставят.

Да, верно, подумал Максим, вспомнив спор Сикорски с представителем КОМКОНа о необходимости активации излучателей. Отстаивать свою точку зрения и убеждать кого-то в своей правоте – это очень похоже на бой, разве что без трупов.

– Так что не спешите считать Абалкина закоренелым садистом-убийцей, – подытожил Экселенц, – он делает своё дело, и делает его добросовестно. И сейчас он исправно передаёт нам ценнейшую информацию, из которой следует, что опасность начала ядерной войны отодвинута. На Благословенных Островах заваривается кровавая каша большой смуты, и Лев усердно подсыпает перчику в это закипающее варево. А у нас есть время успокоить нашу Республику.

...Бывшая Страна Неизвестных Отцов успокаивалась. Крутые меры подействовали – казнь верхушки заговорщиков и энергичное прореживание питательной среды возможного нового заговора переломили ситуацию. И главное – волны реморализующего пси-излучения, регулярно омывавшие измученную больную страну, врачевали изуродованное коллективное сознание граждан бывшей Империи. Республика напоминала человека, трезвеющего после пьяной оргии, приходящего в себя и с изумлением глядящего на себя в зеркало: что же это со мной было? А Город Просвещения принимал тысячи и тысячи новых учеников, и казалось, что наконец-то забрезжил свет, и что завтра будет лучше, чем вчера.

* * *

Месяцем позже

– Что случилось, Экселенц? – спросил Каммерер с порога, едва войдя в кабинет Сикорски. Основания для такого вопроса у него были – Рудольф никогда ещё не вызывал его так экстренно.

– Меня вызывают на Землю, – буднично сообщил Сикорски. – Причина вызова мне неизвестна, но ничего хорошего я не ожидаю. Массаракш, – он стукнул кулаком по столу, – ну сколько можно! Садись, – сказал он Максиму, взяв себя в руки. – Значит, так: ты у нас остаёшься здесь за старшего.

– Я? – изумился Максим.

– Ты, ты, – ворчливо подтвердил Сикорски. – Ты, конечно, молод, но ты Святой Мак и врос в Саракш всеми корнями, к тому же полнота власти у тебя временная – на неделю, не больше, а там видно будет.

Он не договорил, и Мак понял, что Экселенц и сам не знает, что будет видно.

– Основная твоя задача – держи связь с Абалкиным. При малейшей угрозе прими все меры, чтобы выдернуть его с Островов, пока он не попал на алтарь Владыки Глубин. Наши сотрудники в Хонти обойдутся без твоих мудрых указаний: они там давно сидят – обжились, пустили корни, и делают своё дело, не привлекая к себе ненужного внимания. Ну, а здесь, в Республике, ты и сам знаешь, что делать – то же, что ты делал до сих пор. Авторитет твой достаточно высок, опереться можешь на старых проверенных людей вроде Зефа или Вепря, на моих молодогвардейцев и на твоих учеников. Неделя – срок небольшой, не думаю, что умники из Временного Совета ухитрятся что-нибудь учудить, однако посматривай за ними в

оба глаза. И нет худа без добра – я согласую на Земле вопрос о внесении некоторых, гхм, изменений в набор основополагающих ценностей, которые мы прививаем саракшианам.

– Что вы имеете в виду, Рудольф?

– Как бы твои хорошие ученики, Святой Мак, не стали *слишком* хорошими. Что они будут делать, если до границ нашей Республики докатятся те же песчаные варвары? Вот то-то и оно... Нет, конечно, общие контуры «морального кодекса» должны остаться теми же, но кое-какие дополнения необходимы. Об этом мы с тобой поговорим поподробнее после моего возвращения.

Сикорски говорил ровным и бесцветным тоном, но Каммерер видел, что Рудольфа одолевает беспокойство. Максиму и самому было не по себе – что это за вызов такой ни с того, ни с сего?

* * *

...Странник отсутствовал десять дней, за которые на Саракше не случилось ничего из ряда вон выходящего. Всё было спокойно, исполинская машина, запущенная прогрессорами-землянами, крутилась без сбоев, но Максим весь извёлся, ожидая возвращения шефа. Нет, он отнюдь не боялся ответственности, свалившейся на его плечи, – он подспудно ждал чего-то, что в корне всё изменит. И Каммерер не ошибся.

Когда он увидел вернувшегося Сикорски, то не сразу его узнал. Экселенц выглядел скверно, он осунулся и резко постарел.

– Меня отзывают с Саракша, – сообщил он, как только они с Маком остались наедине. – КОМКОН принял такое решение.

– А причина, Экселенц?

– Причина? – Сикорски криво улыбнулся. – Руководство сочло, что моё дальнейшее пребывание на посту главы прогрессорской миссии Земли на Саракше нецелесообразно. Я, по мнению КОМКОНа, проявил склонность к явному диктаторству, выразившуюся в казнях и массовых репрессиях, что является недопустимым, поскольку противоречит духу земного гуманизма. Не могу понять, – добавил он с горечью, – почему меня обвиняют в этом именно сейчас, хотя раньше я делал примерно то же самое, и мои действия одобрялись. Более того, – он поднял голову, и Максим увидел, что зелёные глаза шефа подёрнуты дымной поволокой усталости, – принято решение свернуть программу «Просветление».

– Как свернуть? – поразился Каммерер.

– Полностью. Пси-генераторы на спутниках консервируются, подача базового потока излучения на поверхность планеты прекращается.

Ничего не понимаю, подумал Максим. Почему умные и рассудительные люди, совсем ещё недавно одобрявшие позитивную реморализацию с помощью пси-поля, вдруг так резко изменили своё мнение, причём тогда, когда уже наметились обнадеживающие результаты? То, что руководство КОМКОНа не устраивает Рудольф Сикорски с его жёсткими методами работы, ещё можно как-то объяснить, но полный отказ от «Просветления» необъясним. Что их там всех, загипнотизировали?

– Вся информация по психотронным генераторам – принцип работы, документация, технология изготовления, и так далее, – подлежит полному и безусловному уничтожению. Разрешено использование пси-излучения в медицинских целях и в лагерях военнопленных, но все установки должны быть снабжены самоликвидаторами с тем, чтобы все передвижные излучатели могли быть разрушены радиосигналом с орбиты. На Земле почему-то решили, – Экселенц усмехнулся, – что такое открытие всё-таки можно закрыть. Блажен, кто верует... Но всем этим буду заниматься уже не я, а мой преемник – мне остаётся только передать дела.

– А когда он прибудет?

– Кто?

– Ваш преемник.

– А он уже прибыл, – по костистому лицу Сикорски вновь проползла тень улыбки, –

ещё три года назад. Моим преемником КОМКОН назначил тебя, Максим Каммерер. Только не говори мне, что ты не справишься, ладно? Да, и обеспечить возвращение Льва Абалкина на материк. Его решено отозвать с Островов – там скоро будет чересчур горячо. Итог борьбы на Островах непредсказуем: если верх возьмёт Великий Кракен, это означает войну – ядерную, если победят жрецы-торговцы, получится непонятно что, но тоже не слишком приятное. Наше вмешательство там может только навредить: неясно, кому помогать – то ли законному правителю-тирану, то ли неким повстанцам, непонятно чего добивающимся. Хрен редьки не слаще: пусть уж лучше в Островной Империи сохраняется равновесие сил, худой мир лучше доброй ссоры. А Лев будет работать с голованами. Но это уже так, мелочь по сравнению со всем остальным.

– А что будете делать вы, Рудольф? Я имею в виду, на Земле?

– Я стану контрпрогрессором – в Комитете Галактической безопасности считают, что на этой работе мои инквизиторские таланты смогут проявиться в полной мере. Однако я не слышу твоего ответа, Максим.

– Справиться-то я справлюсь, – сказал Максим, – но дело в том, что я этого не хочу.

– Не хочешь чего? – Сикорски поднял брови.

– Справляться. Я вернусь на Землю вместе с вами, Рудольф, мне здесь больше нечего делать.

– Поясни, – коротко уронил Экселенц.

– Этот мир пора оставить в покое. Инициация сделана, и теперь главное – вовремя остановится, лучшее – враг хорошего. Я считаю, что дальнейшее наше вмешательство ни к чему хорошему не приведёт – таково моё мнение. Здесь самый сложный клубок, а мы слишком всё упрощаем: раз – и перестреляли, два – и осчастливили. Эти игры богов не для меня. Ну, а для КОМКОНа у меня есть официальная формулировка моего отказа продолжать работать на Саракше: у меня нет достаточной прогрессорской подготовки, а без неё я не считаю себя вправе вершить судьбы «младших братьев по разуму».

– Вознесение Святого Мака, – задумчиво проговорил Сикорски, – и возвращение его в лоно Мирового Света. Да, пророкам надо вовремя уйти, пока в них не разочаровались или, хуже того, не побили камнями.

– Я много думал, – продолжал Максим, не обращая внимания на иронию Рудольфа, – и над словами Колдуна, и вообще. Если просуммировать все итоги моей деятельности здесь, то окажется, что я причинил столько же зла, сколько и добра – на мне столько крови и слёз саракшиан, что отмываться мне придётся до глубокой старости, и не факт, что я отмоюсь. Но если в сумме плюс на минус дают ноль, какой смысл и дальше рисовать плюсы-минусы? А что касается пси-генераторов, то в дальнейшем – при позитивном развитии хода событий, разумеется, – эти адские машины утратят своё значение. Новые люди Саракша – горцы, те же «горячие воины» (Максим почему-то был абсолютно уверен, что это так и есть) и, гм, ещё кое-кто, – иммунны к психотронному излучению: оно на них не действует. И если таких людей станет достаточно много, то все эти башни превратятся в ненужные архитектурные сооружения, не несущие никакой утилитарности. Но самое главное – я не хочу заниматься прогрессорством, мне это претит. Вы сказали, что будете работать контрпрогрессором – там, на Земле, – возьмёте меня к себе? Такая работа по мне – никто не должен приходить в чужой дом со своими порядками: ни мы на отсталые планеты, ни какие-нибудь сверхцивилизаторы-Странники на Землю. Возьмёте меня к себе, Экселенц?

– А ты повзрослел, мой мальчик, – медленно произнёс Сикорски, – это хорошо. Что ж, давай поговорим начистоту: тебе необходимо кое-что узнать, Святой Мак, раз уж ты, как преданный оруженосец, хочешь последовать за своим старым лысым паладином.

– О Саракше?

– Не столько о Саракше, сколько о Земле.

– Я слушаю вас, Рудольф.

Сикорски встал из-за стола и подошел к окну. За окном его кабинета был виден парк – густой, буйно разросшийся и окружавший здания института – специального Департамента Странника – подобием настоящего леса (вроде тех, которыми славилась Пандея). Здесь легко дышалось, легко думалось, и шелест листвы действовал умиротворяюще: институтский парк казался частицей другого мира – светлого мира без войны, – перенесённого в искалеченный мир Саракша волей всемогущих богов (или с помощью нуль-транспортировки). Экселенц стоял у окна и молчал, и Максим молчал тоже: он чувствовал, что Сикорски хочет сообщить ему что-то очень важное, и ждал, пока Рудольф заговорит. И Странник заговорил.

– Тогда, на берегу, после отражения десанта Островной Империи, ты спросил меня, зачем мы, земляне, явились на Саракш. Помнишь?

– Помню. Но с тех прошло много времени, и теперь, после обучения на Земле, я знаю о нашем прогрессорстве, о его целях и задачах. Я и тогда уже кое-что знал, и мой вопрос мне самому кажется странным – ответ на него напрашивается.

– Твой вопрос не был странным, Максим, и ответ на него не так прост, как кажется. Вероятно, ты будешь удивлён, но наша прогрессорская миссия работает на Саракше не ради саракшиан, а ради землян. Это наша первая и основная задача, а помощь «младшим братьям по разуму» – это уже вторично.

– Не понимаю...

– Объясняю. Кто у нас на Земле занимается контактами с иными цивилизациями?

– КОМКОН – Комиссия по контактам.

– Правильно. А что такое Комитет Галактической безопасности?

– Это подразделение КОМКОНа, созданное для специфических задач.

– Верно. И специфическая задача у Галбеза всего одна: противостоять возможному влиянию на Землю мощной инопланетной цивилизации...

– ...Странников.

– Да. Странников, неведомых, незримых и вездесущих, – Сикорски отошёл от окна, вернулся к своему рабочему столу и сел. – А теперь вопрос: почему Саракшем занимается не КОМКОН, а Галбез?

– Потому что Саракш предположительно находился или даже продолжает находиться под контролем Странников. Версия о том, что излучатели являются их творением, считается рабочей гипотезой, и пока никто ещё не доказал обратного.

– Хорошо тебя учили, и ты был прилежным учеником. Однако это ещё не весь ответ. Борьба со Странниками – это поставленная задача, для решения которой нужны методы и инструменты. И люди, специально подготовленные люди.

– И наши прогрессоры здесь, на Саракше, они...

– Молодец, соображаешь, – Рудольф усмехнулся, причём не с иронией, как он обычно это делал, а по-доброму. – Саракш для нас – это своеобразный полигон, где проходят боевую подготовку будущие защитники Земли. И Лев Абалкин, общение с которым произвело на тебе такое сильное впечатление, – один из них. В год твоего рождения, Максим, состоялись грандиозные космические учения «Зеркало».

– Я кое-что слышал об этом, но детали...

– Детали были засекречены, да и самом факте проведения этих учений стараются не упоминать. Но тебе я скажу: после этих учений мы поняли, что Земля абсолютно беззащитна перед любым мало-мальски серьёзным вторжением извне. И основная причина этой нашей беззащитности – полное отсутствие у нас профессионалов соответствующего профиля, то есть военных. Мы чересчур гуманистичны, Максим, и это наша ахиллесова пята.

Так вот что он имел в виду, подумал Каммерер, когда сказал «Как бы твои хорошие ученики, Святой Мак, не стали *слишком* хорошими». Здоровая агрессивность как иммунитет, как способность адекватно реагировать на внешнюю угрозу... Ну да, конечно, мы дети мира без войны – вежливые и добрые, но беззащитные.

– И после этих учений я выдвинул свой план, – продолжал Экселенц, – и изложил его

Горбовскому. Леонид Андреевич этот план одобрил, и началась подготовка прогрессоров, которые могли бы – в случае необходимости – встать на защиту Земли. Пройдя Саракш или Гиганду – это недавно открытый мир, по уровню развития очень близкий к Саракшу, – наши прогрессоры будут готовы воевать, прежде всего – психологически. И если Странники или какие другие инопланетные визитёры заявятся к нам с не самыми добрыми намерениями, мы, земляне уже не будем абсолютно беззащитными.

– Подождите, Рудольф, но ведь гуманизм принято считать основой общения разумных существ, достигших уровня развития, позволяющего выйти в космос! Какие могут быть «не самые добрые намерения»?

– Могут, – очень серьёзно произнёс Сикорски. – Лет тридцать назад об этом много спорили, и учения «Зеркало» состоялись только потому, что вывод был именно таким: могут. Только вывод этот не вошёл в школьные программы, – Каммерер уловил в голосе шефа злой сарказм и ещё что-то, чего Максим не понял. – Корпорация Учителей воспротивилась – они сочли ненужным смущать неокрепшие юные умы картинами звёздных войн и бросать тень на величественное здание общегалактического светлого будущего. Ты говорил, помнится, что дикие пещерные времена прошли, и что сейчас нас никто не ест. Да, это так: на Земле мы покончили с противостоянием человек-человек, которое было причиной беспощадных войн в прошлом. Человечество стало единым целым, и общество наше не антагонистично. Но это на Земле, а в космосе? Гипотеза о всегалактическом миролюбии – это всего лишь гипотеза, никем пока не опровергнутая. Не хотелось бы, чтобы она была опровергнута «весомо, грубо, зримо», как говорил один поэт двадцатого века, – цена такого грубого опровержения может быть слишком высокой, особенно если мы не будем к нему готовы... Мы вышли на другой уровень, Максим, – на галактический, – и на этом уровне могут быть другие противостояния. Есть и такая гипотеза, и тоже пока никем не опровергнутая.

– Хорошо, – сказал Максим, помолчав. – Но каким образом это связано с вашей отставкой, Экселенц? Неужели вы, ко всем вашим прочим преступлениям, плохо готовили здесь, на Саракше, будущих защитников Земли?

– Наоборот, – сумрачно произнёс Сикорски, и Максим вдруг понял, что Экселенц, человек без нервов, очень и очень устал, и что Саракш отнял у Рудольфа куда меньше сил, чем не слишком понятные Каммереру хитросплетения взаимоотношений между Галбезом, КОМКОНОм, Мировым Советом и Корпорацией Учителей. – Похоже, мне ставят в вину, что я *слишком хорошо* их готовил.

– Слишком хорошо?!

* * *

...Странник говорил, Каммерер слушал, и вдруг поймал себя на отчётливой и не очень приятной мысли: *а ведь интриг вокруг власти на Земле не меньше, чем на Саракше*. А мысль эта была неприятной потому, что Максим с детства привык считать: мир, в котором он живёт, добр и совершенен, а интриги – все они остались в тёмных веках вместе с ядами, кинжалами в спину и лживыми заверениями в вечной дружбе, которые нарушались через час-другой после их произнесения.

Обвинения, выдвинутые против Сикорски, были, по мнению Каммерера, верхом нелепости. Собственно говоря, это были не обвинения даже, а подозрения – в лицо Рудольфу никто ничего не сказал, Экселенц узнал об этих подозрениях «по своим каналам», как он объяснил Максиму с обычной своей кривой ухмылкой, – но суть от этого не менялась, и суть эта была скверной.

Кому-то на Земле (кому именно, Экселенц уточнять не стал, и даже уклонился от ответа на прямой вопрос, заданный ему Маком) пришла в голову дикая мысль, что Странник может подготовить из землян-прогрессоров на Саракше (и из саракшиан-молодогвардейцев, а также из учеников Города Просвещения) свою личную ударную гвардию, которую затем сможет использовать для захвата власти над Землёй – ни много, ни мало. Эта идея, которую

Максиму очень хотелось назвать бредовой, не укладывалась в его сознании, но и не доверять словам Рудольфа, сообщившего ему об этом, Каммерер не мог. «Мои диктаторские замашки сочли безразмерными, – с горечью сказал Экселенц, – и вот результат. Меня приравнивали к Наполеону Бонапарту» (кто такой Бонапарт, Максим знал: будучи на Земле, он рьяно взялся за устранение пробелов в своих знаниях по истории, и неожиданно для самого себя нашёл это занятие весьма увлекательным). «Что ж, – решительно произнёс Каммерер, – давайте будем считать, что как минимум одного сторонника вы себе завербовали – меня. Я с вами, Рудольф».

...Странник рассказал Максиму далеко не всё – в больших дозах такую информацию не подают. Он не рассказал Каммереру, что на Земле отмечено распространение Р-фобии – иррационального неприятия обществом прогрессоров и прогрессорства, и что явление это носит далеко не случайный характер. Сотрудники КОМКОНа-2 – Комиссии по контролю, структуры, родственной Галбезу, но ориентированной на внутреннюю безопасность, а не на внешнюю, – установили, что распространение Р-фобии во всех слоях общества происходит планомерно и целенаправленно, и что за всем этим стоят вполне определённые люди. Кому-то очень не нравилась сама идея появления «новых офицеров», которые могут стать также и «новыми центурионами» и серьёзно повлиять на расклад сил во властных структурах Земли.

Ты полагаешь, думал Сикорски, глядя на Максима, что на Земле правит Мировой Совет, составленный из уважаемых людей, проявивших себя во всех сферах человеческой деятельности. А ведь это не так: периодически участвовать в заседаниях Мирового Совета и управлять сложнейшим организмом многомиллиардного социума землян – это разные вещи. Знаменитые учёные и отважные космопроходцы должны заниматься своим делом, иначе они перестанут быть учёными и космопроходцами, а управлять – это повседневная работа, требующая полной отдачи сил, иначе ничего путного из такого управления не получится. В обществе, даже в таком, как наше, хватает противоречий; эти противоречия надо сглаживать, и делать это нужно постоянно, пока возросшая напряжённость не вызвала опасные трещины, способные в обозримом будущем расколоть всё наше общество, на вид такое цельное и такое совершенное. Прилететь с далёкой планеты (и мысленно оставаясь ещё там, в пандорианских джунглях или на заснеженных равнинах Саулы) или оторваться от научного эксперимента на Радуге, чтобы поспешно проголосовать на заседании Мирового Совета за кем-то выдвинутое предложение и вновь вернуться к своей любимой работе, – это не управление, и не власть. Да, мы все очень сознательны, и масса мелких вопросов решается на местах – в рабочем, так сказать, порядке, – однако есть вещи, требующие тщательной проработки и всестороннего контроля – непрерывного. И на Земле есть люди, осуществляющие такой контроль, и люди эти – Учителя.

Корпорация Учителей – это самое многочисленное на Земле объединение людей по профессиональному признаку, владеющая самым ценным достоянием любого общества – его будущим. Авторитет Учителя в глаза любого землянина гораздо выше авторитета отца или матери – к Учителям приходят за советом и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет после окончания школы. У каждого Учителя со стажем до сотни бывших учеников, и для всех них он, Учитель, – истина в последней инстанции (или что-то близкое к этому). А папа-мама – их роль скромна: родили, немножко покормили-порастили, и отдали дитя в интернат, в умелые руки Учителей. Традиционной семьи давно не существует – нет экономических предпосылок, – какое тут может быть воспитание. Да и зачем? Все мы давно привыкли к тому, что любым делом занимаются специалисты, а воспитание нового поколения – дело очень сложное. И Учителя делают это сложное дело...

Учителя – это особая каста, или, если угодно, орден, контролирующий все клетки нашего социального организма. Отбор в Учителя строг (их вечно не хватает) и лишиться статуса Учителя за «профнепригодность» гораздо легче, чем быть отстранённым от полётов к другим планетам. И что интересно, критерии этой самой «профессиональной пригодности» оцениваются самими Учителями – только они решают, так или не так учил тот или иной Учитель, и тому ли он учил. Да, конечно, все Учителя – это очень достойные люди (так, по

крайней мере, считается), но кто проверяет эту достойность, кроме самих Учителей? Власть – это вино, которое пьянит самые крепкие головы, а Учителя обладают *реальной* властью над умами миллиардов землян. И с формальной властью у них всё в порядке; большая часть Мирового Совета – Учителя, и это объяснимо: они сидят дома, на Земле, а не мотаются по далёким мирам. Называя вещи своими именами, Учителя составляют теневое правительство Земли: КОМКОН-2 в этом убеждён.

Да, конечно, Учителя «плохому не научат», зато они могут научить тому, что будет признано ими – ими, и никем другим! – нужным и важным. И пример налицо: Учителя не стали вводить в школьные программы тезис о гипотетической угрозе извне, а вот теперь они инициировали распространение Р-фобии. Они боятся за свою неограниченную власть, и вся эта эскапада насчёт моих наполеоновских замашек – это дело рук Учителей. И боятся они не только меня и моих прогрессоров: Учителям очень не понравилась идея «программируемого воспитания» с помощью пси-излучателей. И это объяснимо – кому они будут нужны, если всё необходимое будет *впечатано* в сознание юношей и девушек и без них, Учителей? Ведь пси-машины после определённого усовершенствования могут быть использованы и на Земле – кто сказал, что нельзя подобрать такой спектр излучения, который будет воздействовать и на землян? Гаммельнский крысолов, уводивший детей от родителей, боится потерять власть – очень боится. Знать бы ещё, на что он намеревался употребить эту власть...

Ничего этого Рудольф Сикорски не сказал Максиму Каммереру. Мак умный парень, подумал Странник, он поймёт – со временем. Молодость – это единственный недостаток, который с годами проходит...

– Вы возьмёте меня к себе, Экселенц? – повторил Максим.

– Да, я возьму тебя, если, конечно, за время перелёта к Земле ты не передумаешь.

– Не передумаю – у меня было время хорошенько подумать и принять решение. Если кто-то где-то живёт свои укладом, нисколько не угрожая Земле и не затрагивая её интересы, с какой стати мы должны являться к этому кому-то незваными гостями, давать непрошенные советы и учить, как надо жить? Разве у нас самих всё идеально, и нам нечем заняться в своём собственном доме? Судя по тому, что вы рассказали, это далеко не так, а мы ещё берёмся наводить порядок в чужом доме. Так что запрашивайте КОМКОН – пусть присылают того, кто считает по-другому, кто хочет нести отсталым гуманоидам свет разума, и кто будет здесь работать. Неделью-другую мы с вами как-нибудь потерпим, а заодно и Льва дождёмся – хочу я ему сказать пару слов.

– Значит, вернёмся вместе, – подытожил Сикорски. – Что ж, я доволен, не буду этого скрывать – хоть маленькая ложка мёда в бочке дёгтя. Раду ты, конечно, заберешь с собой?

– Конечно, – уверенно ответил Максим Каммерер.

* * *

Три дня спустя

Раду Максим нашёл в лаборатории генетики Департамента Странника – в последнее время она пропадала там целыми днями, надолго оставляя Город Просвещения. Началось это вскоре после того, как в Департаменте были исследованы останки «горячего воина», и Каммерер был даже несколько удивлён подобным увлечением Идущей Рядом – казалось, её теперь куда больше интересуют тайны генома, чем воспитание «новых саракшиан».

Через стеклянную дверь лаборатории Мак хорошо видел Раду, сидевшую за рабочим столом. Подперев левой рукой подбородок, правой она листала журнал опытов, и вид у неё при этом был самый что ни на есть сосредоточенный. Её не отличить от любой из миллионов женщин Земли, работающих в наших научных центрах, подумал Максим. И это хорошо: она с лёгкостью освоится на моей планете, войдёт в её мир, и всё будет просто прекрасно.

Неслышно ступая, он подошёл к ней и поцеловал в шею, покрытую еле заметным золотистым пушком.

– Ой, Мак, – Рада вздрогнула, – ты меня напугал. И кругом люди, а ты... – добавила

она с укоризной. – Нельзя же так...

– Если кругом люди, – изрёк Максим, наслаждаясь её смущением и ощущая прилив нежности, – значит, нам надо спрятаться за предметами, непроницаемыми для человеческих взоров. Оставь на минуточку свои записи, прогресс науки от этого почти не замедлится.

Рада внимательно посмотрела на него, закрыла журнал и встала. Белый халат сидел на ней с изяществом бального платья, и Каммерер невольно залюбовался её ладной фигурой. Да ведь она просто красавица, подумал он, и как я этого раньше не замечал. Как там сказал Сикорски? Она у тебя замечательная женщина, из таких получались истинные королевы. А ведь он прав, чёрт глазастый...

– Что случилось? – спросила Рада, когда они устроились в закутке между стендами, подальше от любопытных глаз (появление Святого Мака не прошло незамеченным, и кое-кто из работавших в лаборатории проявил к этому событию повышенный интерес).

– Всё, – преувеличено бодро сказал Максим. – Я возвращаюсь домой, на Землю: меня отзывают. Собирайся, малыш, – тебя ждёт новый мир, мой, то есть наш мир, мир без войны, грязи, злобы и крови. Тебе будет хорошо, Рада, – там мы с тобой будем счастливы.

Рада молчала, и молчание её показалось Каммереру странным.

– Что с тобой? – обеспокоено спросил он. – Тебе нехорошо?

– Я не поеду, – тихо сказала она, – я останусь здесь, на Саракше.

– Как? Почему? Не бойся, ты быстро привыкнешь, адаптация к новым условиям...

– Я не поеду, – повторила Рада.

– Но почему? Неужели ты хочешь, чтобы мы расстались? Ведь мы же с тобой любим друг друга!

– Любим, – согласилась она. – Но что будет через десять-двенадцать лет? Я старше тебя, Мак, – лет через пятнадцать я увяну, а ты по-прежнему будешь молод и полон сил. У нас с тобой разные сроки жизни – мы дети разных рас. Твоя жена станет старухой, и любовь твоя умрёт – она уступит место жалости. Я этого не хочу.

– Глупости! – возмутился Максим. – Медицина Земли творит чудеса, ты останешься молодой, и мы будем стариться вместе.

– Нет, Мак, – она коснулась ладонью его щеки, и он увидел её глаза: серые глаза, полные грусти. – Всё будет именно так, как я сказала – не надо обманывать ни себя, ни меня, пусть даже невольно. Ты добрый, Мак, и ты меня любишь, но нам пора расстаться: так будет лучше для нас обоих. Пусть останется память: воспоминания о счастье – это тоже счастье.

– Я тебя здесь не оставлю!

– Оставишь. Подумай сам, ну кем я буду в твоём мире? Просто твоей женой, мягкой домашней игрушкой? Твой мир прекрасен, ты рассказывал мне о нём, и показывал цветные картины, но это *твой* мир, а не *мой* – я буду в нём чужой, и он будет для меня чужим. Мой мир здесь, я его часть, а на твоей Земле я в лучшем случае стану подопытным образцом для ваших учёных, изучающих обитателей других планет. Ты хочешь, что бы я стала экспонатом какого-нибудь вашего музея?

– Что за чушь, Рада! Никто тебя...

– Ты не понял, Мак. Здесь я помогаю моему миру сделаться лучше, я нужна ему, а на Земле я буду нужна только тебе, и то до поры до времени. Мы дети разных рас, – повторила она. – У богов и у людей разные дороги, и не надо, чтобы они пересекались.

Саракшианка говорила негромко, но серые глаза её обрели матовый оттенок металла – того самого, из которого куют броню и клинки. Пружина распрямилась, с горечью подумал Максим, глядя на Раду – на незнакомую ему Раду, совсем не похожую на Раду прежнюю, – и её уже не согнуть.

– Ты твёрдо решила? – спросил он, не узнавая собственный голос.

– Да. Прощай, Мак, – пока живу, я буду тебя помнить.

– Рада...

– Не надо, Мак.

Она на мгновение прильнула к нему – он ощутил тепло её тела и запах её волос – и тут

же отстранилась, словно разрывая всё, что их связывало.

– Прощай, землянин, и будь счастлив.

Она никогда меня так не называла, подумал Каммерер, только по имени...

Он молча повернулся и медленно пошёл к двери, надеясь, что Рада его окликнет и остановит, но она молчала. Максим переступил порог, задержался, всё ещё ожидая услышать её голос, и, не дождавшись, вышел из лаборатории, приказав себе не оглядываться.

Рада смотрела ему в спину, пока его высокая фигура не исчезла за дверью, и глаза её были сухими. В них не было слёз: Идущая Рядом научилась управлять своими эмоциями. «Я выполнила наказ Матери Матерей горцев Зартака, – думала она, – небесное семя проросло. А тебе, Мак, не надо знать, что у нас будет сын – мой сын принадлежит моему миру. Дороги богов и дороги людей не должны пересекаться...».

* * *

«Вот ты и вывернулся наизнанку, мой обитаемый остров, – думал Каммерер, глядя с орбиты на белый шар планеты Саракш. – Массаракш, тридцать три раза массаракш...».

И скрипнул зубами.

Санкт-Петербург, весна 2011 года